

МАША КУЖЕЛЬ

Оставь свои
ЧУВСТВА ДОМА

Новый начальник, полный надменности и чувства собственного величия. Он — воплощение всех стереотипов о бездушных миллионерах. Для меня, матери-одиночки, такие мужчины, как Алекс Фролов, означают лишь неприятности. Моя главная цель — работа, и я намерена избегать его во что бы то ни стало. Но вдруг он предлагает мне сделку, от которой невозможно отказаться, хотя мой разум говорит мне бежать и никогда не оглядываться назад. Всего лишь одно деловое мероприятие. Одна встреча, одна маленькая ложь и никто ничего не узнает. Но чем больше я узнаю его, тем больше вижу за его холодной маской. Внутри этого амбициозного и безжалостного магната скрывается что-то, что меня смущает. И это — большая проблема. Потому что ненавидеть своего босса — это одно, а влюбиться в него — совсем другое.

Глава 1

Быть матерью — сложная штука.

Я помню тот день, когда у меня появилась необходимость заботиться не только о себе, но и о ком-то совершенно беспомощном, как будто это было вчера. Я прочитала все детские книжки, скачала все приложения и прошлась по всем тематическим сайтам, но ничто не могло подготовить меня к тому, насколько это будет тяжело. Иногда я до сих пор не верю, что мне разрешили забрать этих драгоценных малышей домой, что медицинские работники доверили мне растить их, заботиться и обеспечивать их безопасность.

Я подношу бокал темно-красного вина к губам, поморщившись от вкуса. Не люблю красное вино, но здесь самое высокое содержание алкоголя по сравнению с другими напитками той же марки, и при цене в двести пятьдесят рублей за бутылку я не ожидала, что почувствую приближение оргазма, когда вино прольется мимо моих губ.

Все, чего я хотела, — это небольшой отсрочки от медленного удушья, которое вызывает мой дорогой друг мистер Тревога. Я делаю еще один глоток вина, поднимая взгляд от маленького кухонного столика. Покрытие уже давно начало стираться с поверхности, и независимо от того, чем я его чищу, я не могу смыть розовую краску, покрывающую лишь половину стола.

Я кладу руку на стол и на мгновение закрываю глаза. Мамин голос громко звучит в моей голове, говоря мне, что все будет хорошо. Она искренне верила, что у тех, кто усердно работает и имеет доброе сердце, все наладится.

Она искренне верила в это, пока рак не забрал ее жизнь.

Делая вдох, я открываю глаза и оглядываю свою маленькую квартирку. Девочки только что уснули, и я зашла на кухню с намерением помыть посуду, которая уже перестала помещаться в раковине. Игрушки разбросаны по всей гостиной, и я не совсем уверена, что у меня есть чистая одежда, чтобы надеть её утром на работу.

Мне нужно убрать в квартире, но я не нахожу в себе сил. Хотя я и предпочла бы заняться уборкой, вместо того чтобы открыть приложение в телефоне и снова увидеть, что денег на счету у меня по-прежнему нет. Схватив вино, я делаю еще один глоток и надеюсь, что оно не попросится обратно.

— Отвратительно, — ворчу я себе под нос и ставлю бокал обратно. Сделав глубокий вдох, я проглатываю ком в горле и все же включаю телефон. С деньгами всегда было туго, но сейчас дела обстоят хуже обычного. Взглянув на свой банковский счет, я сразу чувствую себя

намного хуже. Зачем напоминать себе, что у меня недостаточно денег, чтобы заплатить за квартиру? И я знаю, что долг по моей кредитной карте в этом месяце выше, чем в прошлом, а при мысли о процентах, которые я плачу, сводит живот.

Мне отчаянно нужен перерыв в работе, я бы с удовольствием денек-другой просто посидела дома и наконец-то нашла время поиграть с девочками. Чувство вины из-за того, что я говорю им «нет» каждый раз, когда они просят меня поиграть с ними, давит на меня, но если я хочу погасить все долги и отложить хоть какие-то средства на будущее, мне придется взять еще одну или две смены в эти выходные.

Все уже болит от усталости, я едва держусь, чтобы не сдаться, руки опускаются.

Но если я пойду ко дну, то утяну детей за собой, а я не позволю своим малышам утонуть. Все, что я делаю, я делаю ради них.

Закрыв компьютер, я встаю и на цыпочках прокрадываюсь в комнату девочек, по пути собирая грязную одежду с пола. Выскользнув так тихо, что это произвело бы впечатление даже на ниндзя, я бесшумно закрываю дверь и убираю одежду в шкаф в конце коридора. Мне следовало бы отнести вещи не в шкаф, а засунуть их в стиральную машину.

Открыв дверь ванной комнаты, я смотрю на переполненную корзину с грязным бельем и вспоминаю, что стиральный порошок закончился ещё два дня назад. Мне потребовалось бы всего несколько минут чтобы сбежать вниз на два лестничных пролета и добежать до соседнего супермаркета. Всего несколько минут, и девочки даже не узнали бы, что я уходила.

Но что, если меня запрут снаружи?

Ограбят?

Похитят?

Что, если я упаду с лестницы, сломаю шею, и никто не найдет меня до утра?

Качая головой, я ногой отодвигаю пару джинсов в сторону и закрываю дверцу шкафа. Завтра займусь стиркой. В любом случае, это не значит, что объем предстоящей работы по дому от этого уменьшился, — у меня все еще достаточно дел сегодня вечером.

Я уже наполовину вымыла посуду, когда зазвонил мой телефон. Вытирая руки, я спешу за ним в гостиную, по пути спотыкаясь о Барби.

Я хватаю телефон, и мое сердце замирает. Это Таня, моя лучшая подруга, и она из тех, кто пишет смс, а не звонит. Должно быть, произошло что-то ужасное.

— Алло? — шепчу я, мой голос дрожит.

— Привет, дорогая, — отвечает она. На заднем плане играет музыка, и не похоже, что она в панике или на грани слез. И все же мне нужно убедиться.

— Что-то случилось?

— Ничего.

— Ты звонишь мне, — многозначительно говорю я.

— Я знаю. Ад замерзает. Но я получила отличные новости и хотела поскорее рассказать тебе о них лично.

— Ты же понимаешь, что мы сейчас говорим по телефону, а это довольно трудно назвать личной встречей, верно?

Она смеется.

— Это более личное, чем текстовое сообщение. Ты сидишь? Если нет, ты просто упадешь после того, что я сейчас тебе расскажу.

Я возвращаюсь к кухонному столу и сажусь, потянувшись за своим бокалом вина.

— Теперь да, сижу, — говорю я ей и делаю еще один глоток. Я пью нечасто и почти ничего не ела сегодня за ужином. У меня осталось ровно столько хлеба и сыра, чтобы приготовить три горячих бутерброда. Вика уронила свою порцию на пол, откусив всего два кусочка, а когда подняла, к сыру прилипли все возможные крошки и ворсинки — из-за того, что я давно не мыла полы.

Поэтому я отдала ей свою порцию, а потом доела, что осталось. Этого достаточно, чтобы продержаться до утра, но вино на меня быстро действует, когда в желудке практически пусто.

— Ладно, — начинает Таня и делает паузу для большего драматического эффекта. — Я устроила девочек!

— Серьезно? В «Эрудит»?

— Да!!! — взвизгивает она от возбуждения, и на мгновение я тоже чувствую воодушевление. «Эрудит» — это модная частная школа. Мне пришлось переехать в не самый лучший район, потому что арендная плата здесь дешевле, а отправить девочек в «Эрудит» было моей большой, очень большой мечтой.

Но потом я вспоминаю, что едва ли могу позволить себе платить даже по сниженной ставке в нынешнем детском саду, куда девочки ходят днем, пока я на работе. Ни за что на свете не смогла бы позволить себе «Эрудит».

— Завтра состоится собрание для учеников и их родителей. Знаю, что времени очень мало, и мы начинаем раньше, чем государственные школы, но когда одна семья в последнюю минуту ушла из школы, освободилось два места, — продолжила Таня.

Мы переехали сюда много лет назад, всего через несколько дней после первого дня рождения девочек. Я пообещала им, что это временно и я найду способ вернуться в лучший район до того, как они пойдут в школу.

— Я... Я не могу позволить себе оплачивать их обучение там. — Я зажимаю переносицу и устало вздыхаю. — И все же спасибо тебе.

Я сглатываю ком в горле, изо всех сил стараясь не злиться на свою лучшую подругу. Она знает, что я не могу позволить себе такое заведение, как «Эрудит». Одна лишь мысль об этом причиняет еще больше боли. Это все равно что дать голодающему еду только для того, чтобы потом отобрать ее у него.

— Я знаю, — мягко говорит она. — Я устроила девочек на бюджетные места.

— Что? — спрашиваю я, хотя слышала ее предельно ясно.

— Бюджетные места, — повторяет она. — Все расходы за весь год оплачиваются, и это включает в себя три формы для каждого, обеда и все образовательные поездки.

— Но как?..

— «Эрудит» пытается быть более разнонаправленной школой, чтобы привлечь больше богатых родителей. Я смогла ускорить рассмотрение вашей заявки, поскольку вы идеально подходите.

— Это хороший способ сказать, что нас выбрали только потому, что мы бедная семья, а я вдобавок ко всему прочему еще и мать-одиночка близняшек?

— Вот именно.

Я делаю еще один глоток вина.

— Полагаю, что должна счесть это оскорбительным, но мне все равно.

Улыбка растягивает мои губы, когда я перевариваю новость. Мои дети пойдут в, возможно, лучшую школу в Москве. — Спасибо тебе, Таня. Большое спасибо.

— Ты можешь отблагодарить меня, восстановив свой аккаунт на том сайте знакомств, на котором я тебя зарегистрировала.

— Ни за что, — говорю я ей и допиваю остатки своего вина. — У меня нет времени ни с кем встречаться.

— Не ходи на свидания. Просто трахнись.

Я перевожу взгляд с бокала на дверь спальни девочек.

— Мы обе знаем, как хорошо это у меня получалось в прошлом. Я все еще соблюдаю свой обет целомудрия.

— Даша, — твердо говорит Таня, и я знаю, что она собирается сказать немного правды. Она никогда не боялась говорить все как есть, и хотя были времена, когда я хотела, чтобы она держала меня за руку, лгала мне и говорила, что все будет хорошо, я очень благодарна, что у меня есть такая подруга, как она.

— Ты должна перестать винить себя. Прошло пять лет.

— Я знаю, — вздыхаю и встаю, переводя звонок на громкую связь, убавляя громкость. Эта квартира маленькая, и не нужно много усилий, чтобы разбудить Полину. — И я бы ни за что не променяла это ни на что другое. Я люблю своих малышей.

— Согласна. И именно поэтому думаю, что тебе следует начать жить полноценной жизнью, снова начать встречаться с мужчинами. Я не говорю ни о чем серьезном, — быстро добавляет она. — Но чем дольше ты тянешь, тем труднее тебе потом будет, и даже не вздумай говорить мне, что ты счастлива быть одной. Ты любишь любовь больше, чем кто-либо из тех, кого я знаю. И я, между прочим, тоже.

— Ты любишь секс, а не любовь, — поправляю я.

— Это больше похоже на правду, — соглашается она со смехом.

— Если честно — я скучаю по традиционному сексу с проникновением.

— Знаешь, в тебя все еще можно проникнуть, — смеется она. — И если проникновение — это то, чего ты хочешь, то онлайн-знакомства могут быть идеальным вариантом для тебя.

— Я имела в виду член, а не нож.

— Держись подальше от объявлений о розыске в интернете, и ты не попадешь на свидание с убийцей или маньяком.

— Это ты сейчас так говоришь, — смеюсь я и беру полотенце, чтобы начать вытирать уже чистые тарелки. Когда-нибудь у меня будет посудомоечная машина. А до тех пор мои бедные руки продолжают страдать, потому что резиновые перчатки у меня постоянно рвутся, поэтому я просто отказалась надевать их, когда мою посуду.

— Пойти куда-нибудь — действительно звучит заманчиво, — признаю я. Раньше я любила красиво одеться и накраситься, чтобы просто выйти на улицу. — Любому мужчине, с которым у меня будут серьезные отношения, придется поднапрячься.

— О, конечно. Я хочу только самого лучшего для тебя и для моих крестниц.

— Спасибо тебе за это, — говорю я и сажусь обратно за стол. Чертовски устала, но, если я не закончу с уборкой сегодня, завтра желания сделать ее будет еще меньше. — Правда, Тань, спасибо тебе.

— Конечно. Я отправлю всю информацию о родительском собрании по электронной почте. Нужно заполнить миллион анкет, но, если ты не сможешь приступить к этому завтра, дай мне знать, и я помогу, заполню все, что смогу. Я знаю тебя и твоих девочек.

Раздается звонок в ее дверь, и ее собаки начинают лаять.

— Моя еда здесь.

— Спасибо, Тань, — говорю я в сотый раз, хоть и не уверена, что она слышит меня из-за лая собак. — Увидимся завтра.

Со вздохом заканчиваю разговор. Я заставляю себя вымыть оставшуюся посуду, но оставляю, уже не вытирая ее — сама высохнет. Выпиваю еще один бокал вина, убирая гостиную, и под уборкой я имею в виду передвигаться на коленях, волоча за собой мусорное ведро. Все игрушки, несколько одиноких носков без пары и несколько книг — все это отправляется в ведро.

У девочек много игрушек благодаря Марии Дмитриевне, живущей напротив. У нее есть внучка, которой только что исполнилось девять, и она дарит нам все игрушки и одежду, из которых девочка выросла. Я никогда не думала, что все еще буду одевать своих детей в подержанную одежду, но покупать новую — непозволительная для нас роскошь.

Весной и летом я скопила немного денег, намереваясь потратить их все на новогодние подарки. Девочки находятся в идеальном возрасте для того, чтобы верить в Деда Мороза, и я с таким нетерпением ждала возможности порадовать их!

Но потом девочки заболели, и мне пришлось взять несколько выходных, чтобы остаться дома и присмотреть за ними, из-за чего денег не хватило даже на оплату квартиры; пришлось использовать то немногое, что я сэкономила. Это так утомительно — чувствовать, что я постоянно тону, делать один шаг вперед только для того, чтобы меня оттащило на несколько метров назад.

Я хочу выбраться из этой передрыги. Я просто хочу иметь возможность дышать. Чтобы не просыпаться со сжатым желудком и сдавленным горлом от беспокойства. Я хочу иметь возможность покупать больше свежих фруктов и овощей для девочек.

Ходить в кино пятничными вечерами.

Одевать их в одинаковые наряды с отвратительно большими розовыми бантами.

Крупные слезы катятся по моим щекам, и я ненавижу себя за то, что уже беспокоюсь о том, что над моими девочками будут издеваться в школе. Может быть, мы здесь лишние, но в конце концов это того стоит. Я надеюсь.

Глава 2

— Снова ты за телевизором, папа.

Я провожу девочек внутрь и закрываю за собой дверь, прежде чем кот Скиттлз ускользнет. В прошлом году папа нашел его, мокрого, замерзшего и дрожащего от страха, на обочине оживленной улицы в центре города. — Я знаю, что еще рано, — добавляю извиняющимся тоном.

— Я всегда рад видеть моих девочек. — Папа ставит свою кружку на журнальный столик, с хрустом в коленях присаживается на корточки и раскрывает руки для объятий. Шатаясь, входят близняшки, заставляя его рассмеяться.

— Включи мультики, и они снова уснут, — говорю я, глядя на диван. Папа приготовил там дополнительные подушки и одеяла.

— Слушайте дедулю, — говорю я девочкам, снимая с плеча их спортивную сумку. — И, пожалуйста, будьте готовы и одеты, когда я вернусь. Сегодня вечером мы увидим вашу новую школу!

Девочки отвечают стонами и непонимающими взглядами. Как бы сильно я ни хотела, чтобы они были воодушевлены и бодры, трудно их винить. Им всего пять, и еще чертовски рано. Но, чтобы попасть сегодня вечером на собрание для новых учеников и их родителей, мне нужно уйти с работы на полтора часа раньше, и я не могу позволить себе пропустить

даже тридцать минут из-за оплаты рабочего времени.

Как же я не люблю это!

— Сегодня вечером я буду готовить свой фирменный пирог. Присоединишься? — Папа целует каждую девочку.

— Хотелось бы, — вздыхаю я, и меня охватывает чувство вины из-за нехватки времени на собственную семью. — И тебе не обязательно готовить для нас. Папа многозначительно махнул рукой на это:

— Я никогда ни для кого не готовлю, а эти маленькие принцессы обожают домашнюю еду.

Я приподнимаю бровь, и папа смеется.

— Это не было насмешкой над тобой, милая. Я знаю, как ты занята.

— Да.

Я зеваю и провожу рукой по волосам, запутываясь пальцами в своих темных локонах. Это последний день, когда мне может сойти с рук то, что я из-за нехватки времени и сил хожу с немойтой головой. Мысленно делаю себе пометку собрать волосы в пучок перед тем, как идти на работу.

— Я позабочусь, чтобы тебе оставили немного.

— Спасибо.

Обнимаю папу на прощание и вижу на столе огромную стопку неоплаченных счетов. У меня сводит желудок. Папа сказал, что позаботился об этом. Не знаю, почему он скрыл это от меня, хотя, по-видимому, я бесполезна в этой ситуации.

— Ведите себя хорошо, — еще раз говорю девочкам, прежде чем поцеловать их на прощание. Я достаю из сумочки солнцезащитные очки, выхожу из папиной двухкомнатной квартиры и направляюсь на парковку.

В такой жаркий августовский день я вся вспотела, пока добиралась до своей машины. Мой кондиционер работает с перебоями и не очень долго сохраняет прохладу. Если ехать с опущенными окнами, это не такая уж большая проблема. Но если застрять в пробке...

Сегодня я выхожу раньше обычного, что дает мне возможность избежать пробок, и я добираюсь до офиса, который находится в центре города, точно вовремя. Я не более чем обычный телемаркетолог, собирающий исследовательские данные для крупнейшей в городе PR-фирмы. Мне оставался всего семестр до получения диплома специалиста по связям с общественностью, когда здоровье мамы ухудшилось. Я взяла академический отпуск, чтобы быть с ней, а потом забеременела близняшками, прежде чем смогла вернуться к учебе.

В планах все еще вернуться к обучению... Когда-нибудь.

Достав из сумочки свой пропуск, я показываю его охране и въезжаю на парковку. Мое место находится так далеко от лифта, как только можно, но кто я такая, чтобы жаловаться? Я получаю укрытое место каждый день в году.

— Доброе утро, Дарья, — говорит Николай, один из охранников, когда я вхожу в вестибюль. Этим утром здесь до жути тихо. — Ты сегодня рано.

— Слишком рано, — смеюсь я.

— Одна хорошая вещь в том, чтобы прийти сюда пораньше, — это свежий кофе.

— Отличная идея. Я об этом не подумала. Мне определенно не помешает выпить чашечку-другую.

Я снова зеваю, когда вхожу в лифт и поднимаюсь на двенадцатый этаж. В офисе тоже тихо. Если бы не скопившаяся усталость, я бы оценила этот момент, а заодно —

захватывающий вид на ранний рассвет, заливающий тихую реку.

Я кладу сумочку на свое рабочее место и иду в общую комнату, чтобы выпить кофе. Мне понадобится приличное количество кофеина, чтобы пережить этот день. Несмотря на то, что прошлой ночью я была измотана, уснуть так и не удалось. Проворочавшись с боку на бок в течение нескольких часов, я встала и пошла на кухню за остатками вина, в надежде, что это поможет мне наконец-то уснуть.

Но потом я вспомнила, что вставать мне раньше обычного, и велика вероятность того, что я все еще буду пьяна. Сегодня лягу спать пораньше и наверстаю упущенное. Я надеюсь...

Я делаю еще один глоток кофе и включаю свой компьютер, проглядывая предстоящие задания на сегодня. Я должна просмотреть все написанные от руки ответы на опрос и внести данные в систему компьютера для анализа аналитиком. Сегодняшний опрос посвящен реакции людей на конкретный рекламный набор, который фирма подготовила для сети ресторанов быстрого питания.

Звучит забавно, не правда ли?

Два часа спустя я встаю, чтобы сходить в туалет, выпить еще кофе, прогуляться и попытаться все-таки проснуться. Очень легко уснуть, выполняя настолько скучную работу, даже если вы спали целых двенадцать часов.

— Привет, — говорю я Ангелине, которая снова наливает кофе. Кофе здесь действительно разливается практически постоянно. — Как твои дела?

Она поднимает глаза и морщит носик:

— Сегодня я дежурю на телефоне.

— Уф, весело. — Я одариваю ее сочувственной улыбкой. — Нет ничего лучше, чем когда на тебя кричат незнакомые люди ранним утром. Хотя я бы тоже накричала на себя, если бы позвонила себе в девять утра.

Ангелина смеется и включает кофейник. Мы обе смотрим, ожидая, когда упадет первая капля, дающая нам надежду, что мы переживем остаток рабочего дня, не упав в обморок за своим рабочим столом.

— Аня, Настя и я собираемся выпить после работы, — начинает Ангелина. — Хочешь присоединиться?

— Я бы очень хотела, — честно говорю я. Потому что я действительно хотела бы пойти куда-нибудь выпить с коллегами. Большинство сотрудников, работающих на «исследовательском этаже» в пиар-фирме, — мои ровесники или немного моложе. Это работа начального уровня, которая на самом деле не требует особых навыков, кроме ввода данных в программу. — Мои дети идут в новую школу, и сегодня вечером там состоится собрание.

— Занятия в школе уже начинаются? У меня такое чувство, будто раньше они начиналось позже, когда мы были детьми, не так ли?

— Я думаю, дело в том, что это частная школа, и в отличие от государственных они начинают учёбу немного раньше.

— О. — Брови Ангелины взлетают вверх, и я знаю, что она удивляется, как, черт возьми, я могу позволить себе отправить своих детей в частную школу. Мы не близки, но она прекрасно знает, что я испытываю финансовые трудности. Большинству людей, работающих на этой черной работе, приходится нелегко, учитывая ту ничтожную зарплату, которую нам платят. — Что ж, это захватывающе. Не так ли?

— Да, это отличная школа с продвинутой образовательной программой. Помнишь,

когда в первом классе мы просто рисовали, играли и лишь немного изучали грамоту и счет?

— Это больше не так?

— Даже близко нет. Вчера вечером я просматривала стандарты этой школы; какое-то безумие, чего они ожидают от бедных детей к концу года.

Ангелина кивает и переводит взгляд с кофейника на настенные часы и обратно. С тех пор, как у меня родились близняшки, я посвятила им всю свою жизнь, как поступила бы любая порядочная мать. Мне трудно найти время, чтобы пойти куда-нибудь и заняться чем-нибудь, хоть отдаленно взрослым. Я слишком много говорю о своих детях; мне кажется, что я разучилась говорить о чем-то другом.

— Ну, тогда, может быть, на следующей неделе сходим куда-нибудь все вместе? — Она ставит чашку на стойку рядом с кофейником, продолжая наблюдать, как он наполняется. — Мы пытаемся выбираться хотя бы раз в неделю. Август — конец лета, и раньше, чем мы успеем оглянуться, станет слишком холодно, чтобы осталось желание выходить на улицу.

— Я все еще пытаюсь оправиться от прошлой зимы. Не люблю морозы.

— Я задаюсь вопросом, почему живу здесь каждую зиму, — смеется она. — Но я слишком сильно люблю этот чертов город. Ты ведь тоже прожила здесь всю свою жизнь?

— Да. Родилась и выросла. — У Москвы есть свои хорошие и плохие стороны, но это мой город. Район, в котором мы сейчас живём, далек от идеального, но я увезу нас оттуда в какое-нибудь более приятное место. Шикарная квартира на набережной реки — это здорово, но я с радостью соглашусь и на квартиру на окраине.

Мы с Ангелиной наливаем еще кофе и расходимся по своим рабочим местам. Я крепко зажмуриваюсь, надеясь, что, если дам себе десятисекундную передышку, то смогу снова открыть глаза и сосредоточиться.

Над этим чертовски скучным проектом.

Я уже близка к тому, чтобы снова задремать, когда на моем столе звонит телефон. По мигающему номеру понятно, что звонок поступает из кабинета моего менеджера Вероники Маркеловой.

— Алло? — Я отвечаю, прижимая телефон плечом к уху.

— Доброе утро, Дарья. Не могли бы вы зайти ко мне в кабинет, пожалуйста?

Всегда опасаясь худшего, замираю от страха.

— Э-э, конечно. Сейчас подойду.

Я вешаю трубку, пульс учащается. Я пытаюсь вспомнить, что за последнее время я могла сделать не так... Сделать что-нибудь, что кого-нибудь разозлило... Никогда не знаешь наверняка.

Я трудолюбивый работник, но у меня есть дурная привычка много болтать, когда стою в комнате отдыха или даже когда прохожу мимо чьего-то стола. Мне нравится общаться с коллегами, и я иногда выхожу на улицу.

Проводя руками по волосам, я встаю и чувствую, что все взгляды устремлены на меня, пока прохожу мимо своих коллег к кабинету Вероники. Разум все время лихорадочно работает, перебирая все, что я могла сделать, чтобы навлечь на себя неприятности.

Дверь кабинета закрыта, и я стучу, прежде чем взяться за дверную ручку.

— Войдите, — зовет Вероника. Я делаю еще один прерывистый вдох и поворачиваю ручку. Вероника сидит за своим компьютером и яростно печатает то, что я собираюсь представить как страстное электронное письмо ее любовнику.

У меня есть маленькая странность. Я сочиняю небольшие истории, чтобы отвлечься,

хотя иногда так увлекаюсь своими собственными историями, что прихожу домой, записываю их и даю альтернативные окончания в сверхсекретном блокноте, о котором не знают даже мои девочки.

— Закрой за собой дверь и присаживайся, — говорит она мне, не отрывая глаз от своего компьютера. Мое сердцебиение учащается еще больше, и я чувствую, как пот начинает собираться бисером в ложбинке между грудой. Я выбрала чертовски удачный день, чтобы надеть этот бледно-желтый шелковый топ, на котором хорошо видны пятна пота.

У меня перехватывает горло, и все, что удастся сделать, — это не трястись всем телом, пока опускаюсь в старое, но удобное клетчатое кресло. Проходит целая минута, прежде чем Вероника отрывает взгляд от своего компьютера. На ее лице играет слабая улыбка, и это усиливает мое подозрение, что она переписывается с любовником.

— Я только начала проводить анализ эффективности работы сотрудников нашего отдела, — начинает она, пробуждая во мне еще одну волну беспокойства. Я не всегда была такой боязливой, но мысль о том, что мне сделают выговор, вселяет в меня страх Божий, что я легко могу потерять работу. И тогда что мне делать дальше? — Результаты вашей работы удивили меня.

— Надеюсь, в хорошем смысле?

Она смеется.

— Да, в хорошем смысле этого слова. Ты умная и целеустремленная, даже слишком умная, чтобы заниматься такой утомительной работой, как сейчас.

— Я, эмм, всегда собиралась вернуться к учебе и получить диплом, но это трудно осуществить с маленькими детьми, — бормочу я и подношу руку к шее, начиная нервно перебирать пальцами маленький амулет в форме лимона. Это был подарок моей матери на окончание школы. «Жизнь дает каждому свою порцию лимонов, — говорила она мки. — Только не забывай, что из них можно сделать вкусный лимонад».

Вероника поднимает руку, заставляя меня замолчать.

— Я понимаю. У меня трое мальчиков, все уже взрослые, но я прекрасно помню, как это было. Мы с их отцом развелись, когда моему младшему было всего четыре года, и следующие десять лет у меня были только я и мои мальчики. — Откинувшись на спинку стула, она снова оглядывает меня с ног до головы. — Большинство людей, которые берутся за эту работу, тратят год или два, набираясь опыта, а затем двигаются дальше и выше. — Она поднимает глаза к потолку, буквально подразумевая, что люди здесь поднимаются на один этаж, чтобы стать стажерами или ассистентами в надежде быть нанятыми на полный рабочий день в качестве специалиста... — Ты напоминаешь мне меня саму, — снова начинает она. — Именно поэтому я готова нарушить свое правило «Не играй в любимчиков» и помочь тебе. Ну, если, конечно, ты примешь мою помощь.

— Мне очень лестно это слышать, — говорю я ей и выдыхаю. Я выжимаю маленький лимон и снова кладу руки на колени, чувствуя себя немного лучше. Меня не уволят, на меня не накричат и даже не отругают. — Но я не совсем понимаю...

— Господину Фролову нужен новый помощник, начиная с завтрашнего дня. Последние три помощника, которые работали на него, были приняты фирмой на полный рабочий день.

Фролов построил эту компанию с нуля. Ходят слухи, что в течение следующего года он уйдет на пенсию, и пораскинуть мозгами, принося ему кофе или организуя его расписание, было бы куда более продуктивно, чем просиживать целый семестр на занятиях по маркетингу и рекламе.

— Это заняло бы больше рабочих часов, чем сейчас, но ты получила бы значительную прибавку, тебе платили бы полноценную зарплату, а не почасовую. В первый год ты получила бы двухнедельный оплачиваемый отпуск и льготы, плюс несколько других стимулов, таких, как служебный автомобиль, чтобы выполнять поручения для Фролова.

Я быстро моргаю, слишком ошеломленная, чтобы переварить полученную информацию.

— Приступить к работе нужно уже завтра?

— Да, помощник Фролова прошлой ночью попал в аварию.

— О, Боже, с ним все в порядке?

— Мне сказали, что он полностью выздоровеет, но он больше не хочет работать в корпорации.

Она закатывает глаза.

Я киваю и смотрю мимо Вероники, щурясь от яркого света, проникающего через большое окно. Раньше я мечтала о таком офисе, как этот, с большим письменным столом, строгим современным декором и огромными окнами, из которых открывается вид на оживленный город внизу. Она здесь главный аналитик и отвечает за всех нас, «исследователей», на двенадцатом этаже.

Это было то, чего я хотела больше всего в жизни. Получу работу и добьюсь успеха в своей карьере. Я думала, что это все, что мне нужно для счастья. Я бы зарабатывала хорошие деньги, путешествовала по миру, ну, может, и не по всему миру, но я бы сбежала от холодных московских зим в Сочи, например. И, конечно, к этому времени у меня был бы суперсексуальный, не менее успешный жених, и мы бы с радостью планировали нашу шикарную свадьбу.

Но, очевидно, все пошло не совсем по плану. Хотя теперь я без сомнения знаю, что в жизни есть нечто большее, чем работа. Есть вещи поважнее, чем имя на серебряной табличке, прикрепленной к двери кабинета.

Да, зарабатывать деньги важно, потому что ты не сможешь прожить без них, но, в конце концов, важно, к кому ты возвращаешься домой. Раньше я думала, что карьера определит меня, и только когда у меня появились собственные дети, я поняла, что ничто вообще не может определять тебя. Ты можешь уволиться с одной работы и найти другую. Можешь сменить сферу деятельности и направить свою карьеру в совершенно другое русло.

Ничто не является определенным или определяющим.

— Нужно время, чтобы подумать над моим предложением? — спрашивает Вероника.

— Да, я имею в виду — нет.

Больше денег означает погашение долгов. А погашение долгов означает возможность откладывать деньги и не жить от зарплаты до зарплаты. А еще у меня наконец появится возможность взять целых две недели отпуска и при этом получать зарплату... Запишите меня!

— Нет, мне не нужно больше времени, — уточняю я. — Я согласна на эту работу.

Глава 3

Может, я старею?

Еще одна ночь с женщиной, которую я едва знаю, превратилась в раннее утро в офисе. Прошлой ночью я чувствовал себя одиноким, несмотря на то, что моя кровать была занята.

По правде говоря, я давно покончил со всей этой историей с сексом на одну ночь. В прошлом это было весело, но сейчас я ловлю себя на том, что хочу чего-то иного... Чего-то большего. Глупо и наивно, я знаю. У меня нет времени на отношения, и даже если бы оно

было, найти человека, с которым я хотел бы провести вечность — который захотел бы провести вечность со мной, — это кажется невероятно сложной задачей, практически невыполнимой.

Я полагаю, это клише — сказать, что выходец из распавшейся семьи сомневается в том, что какие-либо романтические отношения в конце концов продлятся долго. Со стороны казалось, что мы живем в мечте. Богатые, улыбающиеся на семейных фотографиях и живущие в шикарном доме в одном из самых престижных районов Москвы.

Но за закрытыми дверями все было не так радужно. Отец становился жестоким, когда выпивал, и я чувствовал, что мой долг как единственного мужчины в доме — защищать маму и сестру. Мама, больше озабоченная тем, чтобы произвести впечатление на всех подруг, закрывала на все глаза, и ей было наплевать на то, что происходило со мной и с моей сестрой Никой.

У мамы и папы были романы на стороне, и их брак был не более чем пустой обманкой. Их союз не был священным. Это не имело никакого значения.

Настоящая любовь была ненастоящей, и именно это привело меня на путь бессмысленных связей и секса на одну ночь.

Когда я лежал в своей постели прошлой ночью, слушая эту женщину — может быть, Марину? Или это была Марьяна? — я поймал себя на мысли, что мне не терпится поскорее оказаться в офисе. Мне нравится моя работа, и хотя она не заполняет пустоту внутри меня, но отвлекает от лишних мыслей.

Я подношу руку ко лбу и закрываю глаза. Солнце сегодня такое яркое, и чья это была гениальная идея — не вешать жалюзи или занавески на эти огромные окна от пола до потолка?

Вслепую протягиваю руку и нащупываю телефон на столе. Как только мои пальцы касаются прохладного пластика, я вспоминаю, что Филиппа сегодня здесь нет.

Твою ж мать.

Я бы позвал стажера, но не знаю добавочного номера, чтобы с ним связаться. Филипп всегда делал это за меня. Я ни в коем случае не считал Филиппа, моего бывшего помощника, другом, но после совместной работы в течение последних трех лет у нас выработался определенный ритм. Я пробыл в офисе целых три минуты, и он уже нужен мне, но я, черт возьми, никогда и никому в этом не признаюсь.

В чем я признаюсь, — так это в том, что мне нужен кофе. Я могу сидеть здесь и ворчать по этому поводу, или могу поднять свою задницу и сделать это сам. Прежде чем я встаю, дверь моего кабинета открывается, и я поднимаю взгляд, прищурившись.

Все в офисе знают, что сюда нельзя входить без стука. Но те, кто входит, — это не просто все.

— Здравствуй, отец. — Я провожу рукой по волосам и откидываюсь на спинку кожаного кресла. — И чему я обязан таким удовольствием?

На протяжении многих лет у нас были непростые отношения, и совместная работа делала их либо лучше, либо хуже, в зависимости от ситуации.

— Где предложение по проекту? Я должен был просмотреть его сегодня утром.

Ах, черт. Филипп всегда относил проекты и предложения на стол моего отца.

— Это... это....

Я сажусь и открываю верхний ящик своего стола. Я потратил неделю на это предложение, и оно на вес золота.

— Черт. Филипп всегда занимался этим.

Я открываю средний ящик и нахожу папку в аккуратно сложенной стопке. Я достаю ее и бросаю на стол.

— Тебе нужно взять себя в руки, — ворчит папа. — Я планировал уйти на пенсию к концу года, но, возможно, следует отложить это. Снова.

— Я смогу справиться с компанией.

— Сможешь? Ты себя в зеркало видел? Выглядишь похмельным и помятым.

Я опускаю взгляд на свой дизайнерский костюм. Он идеально сидит на фигуре, и я нахожусь в безупречной форме благодаря довольно строгому режиму тренировок в тренажерном зале и диете, от которой я полностью отклонился, когда прошлой ночью слизывал желе с живота этой горячей блондинки.

— У нас здесь есть репутация, которую нужно поддерживать, — в очередной раз напоминает мне отец, как будто я мог забыть об этом из миллиона других его напоминаний. Это выводит меня из себя, в основном потому, что он прав. — Закапай несколько капель в глаза, выпей кофе и приходи на встречу с клиентами без опозданий. — Папа хватается папку со стола. — И найди себе нового помощника.

Ядвигаю счет к себе и кладу свою банковскую карту в кожаный кармашек с чеком, даже не взглянув на стоимость обеда. У нас было две бутылки шампанского тысяч за двадцать, три закуски, и я сбился со счета от обилия всех заказанных десертов.

Но я только что открыл нам еще один многомиллионный счет.

— Я рад работать с лучшей пиар-фирмой в городе, — говорит Евгений Маркович, пожимая мне руку.

— Мы собираемся делать великие дела совместно с вашей компанией, — заверяю я его.

— Я с нетерпением жду, что произойдет с нами в будущем.

Мы обмениваемся еще несколькими дурацкими любезностями по пути из ресторана, выходя на оживленный тротуар из ресторана в центре города. Солнце висит низко в небе, но воздух удерживает жару с удвоенной силой. Уже очень жду прохладных, дождливых осенних дней.

Я возвращаюсь в офис, наслаждаясь тем кайфом, который всегда получаю от привлечения нового клиента. Наша конкурирующая пиар-фирма также пыталась заполучить этот проект, и игра в завоевание клиентов — это то, что я больше всего люблю в своей работе. Этот вызов, и чем он сложнее, тем больше удовлетворения я чувствую после победы. А я всегда побеждаю.

Вернувшись к своему столу, я просматриваю электронную почту. Филипп обычно делал это за меня, удаляя все, что не стоило моего времени, иногда лично отвечая клиентам. Пришло электронное письмо от моего отца, которое я сразу же открываю.

Тема: «АССИСТЕНТ: ДАР»

Начинает завтра. Я уже нанял его.

Файл находится в системе, если вы хотите просмотреть его. Если вы обнаружите проблемы, дайте знать как можно скорее.

Я нажимаю «ОТВЕТИТЬ», находя забавным, что дорогой мой отец в курсе всего, что связано с бизнесом, а о моем дне рождения вспоминает только тогда, когда ему напоминает его собственный помощник. Я не вижу смысла просматривать досье Дара. А вообще что это за имя такое — Дар? Это сокращение от Динар или Дарин?

Я благодарю папу за то, что он нашел мне нового помощника в столь сжатые сроки, а

затем возвращаюсь к работе.

Примерно через полчаса кто-то стучит в дверь. Я поднимаю взгляд, в очередной раз забывая, что Филиппа нет рядом, чтобы справиться с этим.

— Входи, — зову я, и дверь открывается.

Матвей, один из секретарей, подходит вплотную. Он новенький и боится меня. Многие новые сотрудники таковы. Кто-то другой, возможно, расстроится из-за этого, но я рассматриваю это как признак того, что я хороший начальник. Мы здесь не для того, чтобы быть друзьями. Мы здесь для того, чтобы зарабатывать деньги.

— Да? — спрашиваю я после того, как он смотрит на меня несколько секунд.

— Ваша сестра на линии. Вас соединить?

Я приподнимаю бровь. Какого черта Вероника звонит мне? Что-то не так?

— Да, соедини.

Дверь с щелчком закрывается, и через несколько секунд на моем столе звонит телефон.

— Почему ты звонишь мне на работу? — спрашиваю я, как только отвечаю на звонок. Не хочу, чтобы это прозвучало резко, но я волнуюсь.

— О, прости, я хотела позвонить своему старшему брату, а не отцу, — выплевывает она, и удар действительно причиняет боль.

— Ладно, извини. Что ты хотела? Я как раз готовлю предложение для клиента.

— Я собираюсь на операцию.

— Ты позвонила, чтобы сообщить мне об этом? Для тебя в этом нет ничего нового.

— Я знаю. Я должна была отвезти Гришу на ознакомительное собрание в школу, но произошла серьезная автомобильная авария с многочисленными жертвами. В больнице все в сборе, и я жду машину, которая доставит моего пациента на срочную операцию.

Моя сестра — хирург, и я чертовски горжусь ею.

— Я все еще не понимаю, какое это имеет отношение ко мне.

— Кирилл в Новосибирске по делам, а мама в дневном спа-салоне и не может уйти в разгар своих процедур, — говорит она голосом, подражающим голосу нашей матери. Я не могу удержаться от смеха. — Поверь, мне неловко спрашивать, но есть ли какой-нибудь способ, при котором ты смог бы отвезти Гришу на собрание?

— А как насчет вашей няни?

— Я не хочу быть одной из тех мам, которые отправляют своего ребенка на собрание с няней. Школа тоже не советует этого делать. Ты член семьи и являешься одним из его контактов в экстренных случаях. К тому же Гриша был бы рад повидать дядю Алекса. Прошло много времени с вашей последней встречи, и он все время спрашивает о тебе.

— Я на работе, Ника.

— Я тоже. Пожалуйста, Алекс. Не заставляй меня вытаскивать карточку врача. — Что такое карточка врача?

— Открытка, где я напоминаю тебе, что я буквально спасаю чьи-то жизни, а ты составляешь маркетинговые планы; если ты отложишь их на час или два, из-за этого никто не умрет. Пожалуйста, Алекс. Я чувствую себя плохой мамой из-за того, что меня там не будет, — добавляет она срывающимся голосом. — Я не хочу быть такой же, как наша мама.

— Ты совсем не похожа на маму, — говорю я ей.

Нас с Никой воспитывала наша няня. Папа чаще всего был в офисе, а мама... Я до сих пор не знаю, что, черт возьми, она делала и где была. Ее никогда не было дома, и она вообще не участвовала в нашей жизни.

— Ты хорошая мама, и Грише повезло, что у него есть ты. Ты не можешь присутствовать на собрании, но ты хочешь быть там. Мама никогда не хотела иметь с нами ничего общего.

— Спасибо тебе большое.

— Конечно. Я отложу свои дела и пойду. Напиши мне подробности.

Глава 4

Я сворачиваю на парковку, нервы на пределе. Мы едва успели, а девочки все это время ссорились из-за дурацкой игрушки. Папа дал им каждой по пятьсот рублей и отвел в магазин. Игрушка, которую они хотели, стоила почти тысячу, поэтому они объединили деньги и обманули своего бедного милого дедушку, заверив его, что будут играть с ней вместе.

— Если ты не прекратишь, я возьму эту куклу и выброшу ее в окно!

Я срываюсь, но при этом чувствую себя ужасно. Девочки были очень рады видеть меня, показали свою новую куклу, но я так спешила, что отмахнулась от них и практически силой затащила в машину.

— Мамочка, нет! — кричит Полина. — Это моя кукла!

— Нет, она моя! — возражает ей Вика, и они вдвоем начинают плакать.

— Прекратите! — Я снова срываюсь на крик, а затем мгновенно чувствую себя виноватой — снова! — из-за того, что кричу на них. Это не самый лучший момент в моей родительской практике. — Пожалуйста, девочки, — говорю я, не скрывая отчаяния в голосе. — Пожалуйста, просто ведите себя прилично, чтобы понравиться учителям, — добавляю я, не желая говорить им, что боюсь, что, если приду с орущими детьми, школа откажет нам и бюджетные места достанутся кому-нибудь другому.

Собрание начнется через пять минут. Если предположить, что я смогу быстро найти место для парковки, у нас останется целых тридцать секунд в запасе.

У школы есть небольшая парковка. Я провела полдня, заполняя документы для моей новой работы, и получила ключи от моего собственного «Лексуса». Возможно, я и выгляжу соответствующим образом, когда заезжаю на парковку, но вид одной дорогой машины за другой напоминает мне, насколько мы сюда не вписываемся. Я сворачиваю в последний ряд и вижу свободное место в конце. Я включаю сигнал поворота, ведя машину медленно, так как немного боюсь получить царапину на этой новой машине.

Полина кричит на сестру и пинает спинку моего сиденья. Снова. Я просила ее не делать этого по крайней мере три раза по дороге сюда. Это раздражает, отвлекает и может привести к тому, что мы попадем в аварию. Последнее, что мне нужно, — это поврежденные детскими ножками кожаные сиденья. Я не совсем уверена, что мне разрешено устанавливать автокресла.

Я нажимаю на тормоз и оборачиваюсь, строго глядя назад.

— Прекрати пинать мое сиденье!

— Это не я, — протестует Полина, и тот факт, что она откровенно солгала, не уменьшает моего негодования. — Это Ви.

— Ви не может дотянуться ногами до моего сиденья. Прекрати врать, Полина!

Выдыхая, я разворачиваюсь и трогаюсь вперед, но только для того, чтобы ударить по тормозам, когда BMW проносится мимо, как раз на то место, которое я собиралась занять.

Серьезно??? Какой негодяй! Не было никаких сомнений в том, что я собиралась припарковаться на этом месте. Стиснув зубы, я проезжаю вперед, объезжаю парковку и

занимаю единственное оставшееся свободным место. Я помогаю выбраться девочкам, пряча эту дурацкую игрушку в сумочку.

— Нам придется идти очень быстро, — говорю девочкам и вешаю сумочку на плечо. Наклоняясь, я беру их за руки и иду вперед. Мы шагаем так быстро, как только могут двигаться их маленькие ножки.

И тут я вижу его, придурка на BMW, который занял мое место. Он все еще сидит в своей машине, прижав телефон к уху. Мы замедляем шаг, и я прищуриваю глаза.

— Мамочка, у меня развязался ботинок, — говорит мне Полина.

— Сейчас завяжу. — Я отпускаю их руки и присаживаюсь на корточки, завязывая шнурки на ее ботинке. Я не знаю, почему я решила, что купить девочкам обувь со шнурками хорошая идея. О, подождите, да, я знаю. Они были на триста рублей дешевле, чем те, что на липучках.

Я быстро завязываю шнурок, а затем встаю — как раз в тот момент, когда тот самый придурок выходит из своего BMW.

— Эй, — зову я, и он резко останавливается, оглядывая стоянку. Его глаза останавливаются на мне, одаривая пустым взглядом.

— Да?

— Ты занял мое место.

— Твое место? — Он приподнимает бровь и смотрит на свою машину. — Я не видел на нем твоего имени.

— Верно, но твоего я там тоже не увидела.

— Тогда в чем проблема?

Он приближается ко мне на несколько метров, идет медленно, словно просто прогуливается. Трудно не заметить, насколько он красив. Высокий. Темные волосы, темные глаза и заросший щетиной волевой подбородок. Он мускулистый, что заметно даже под костюмом, который, уверена, сшит на заказ. Он из тех людей, которые могут командовать целой комнатой, просто войдя в нее. Я нахожу его пугающим, и он это знает.

— Проблема в том, что у меня был включен сигнал поворота, и я явно собиралась припарковаться.

— Я тебя не видел. — Он подходит еще ближе, и мои губы непроизвольно приоткрываются, когда я втягиваю воздух. Я чувствую запах его дорогого одеколона, и мой желудок странно сжимается; почти как то самое чувство, когда Тимур Новиков в девятом классе сказал мне, что считает мою попку милой.

Но этот парень... Он бы не произнес слово «милая». Я просто знаю, что он бы... Соберись, Даша.

Неужели прошло так много времени с тех пор, как я в последний раз была с мужчиной?

Я смотрю сверху вниз на своих девочек. Да, это было очень давно. Печально, не так ли?

— Ты меня не видел? — эхом отзывается я, вынужденно напоминая себе, что этот парень — негодяй.

— Да, и я первый занял это место.

— Не может быть, чтобы ты меня не видел.

— Какая жалость. Мне жаль, что тебе пришлось на несколько метров дольше идти пешком, — с сарказмом говорит он.

У меня действительно отвисает челюсть. Он намекает, что я должна больше ходить пешком, чтобы привести себя в форму? Я сбросила вес после родов, вероятно, из-за стресса

и пропущенных приемов пищи, но, помимо шрама от кесарева сечения, я в прекрасной форме, и единственные растяжки на моем теле — на груди от кормления. Размер моей груди превратился из скромного в вау.

Я снова беру девочек за руки. Нам нужно поторопиться, пока мы не опоздали. Придурок на BMW открывает пассажирскую дверь, и оттуда выбирается симпатичный маленький мальчик.

— Учитесь соблюдать простые Правила дорожного движения. Сигнал означает, что кто-то занимает место. Ну, для большинства населения. Для людей, которые не являются эгоистичными придурками, — добавляю я, желая оставить последнее слово за собой, как взрослый человек.

Я поворачиваюсь к девочкам и подталкиваю их вперед, в сторону школы.

— Никогда так себя не ведите, — говорю я им громче обычного, чтобы этот засранец наверняка меня услышал. — Так грубо и неуважительно.

Таня ждет нас прямо у входа, держа в руках документы, которые она начала для меня заполнять. Я быстро вписываю недостающие данные, пишу так поспешно, что понятия не имею, будет ли что-нибудь из этого хоть немного понятным.

Собрание начинается, когда мы наконец входим в актовЫй зал, который, кстати, огромен. Никогда бы не подумала, что буду описывать начальную школу как шикарную, но вот я здесь, смотрю на темный бархатный ковер и сверкающую люстру, висящую надо мной.

— Разве это не здорово? — тихонько говорю я девочкам и оглядываюсь в поисках трех свободных мест. Мы пришли последние, и все уже занято. Я еще раз осматриваю помещение и нахожу два свободных места рядом. Одна из девочек может сесть ко мне на колени, если они обе не смогут поместиться на одном кресле.

Мы быстро проходим по проходу.

— Извините, — говорю я мужчине, сидящему как раз на пути к свободным местам. Его внимание обращено к телефону, а рядом с ним сидит симпатичный маленький мальчик. Мужчина поднимает голову, и у меня сжимается желудок. Это тот самый придурок из BMW.

— Серьезно? — бормочет он себе под нос. Я поднимаю брови, глядя на него, и плотно сжимаю губы. Сейчас нет смысла что-либо ему говорить, особенно при всех. И у меня нехорошее предчувствие, что в любом случае в течение учебного года здесь я столкнусь с более статусными и надменными родителями.

— Мы можем пройти, пожалуйста? — спрашиваю я, и он тяжело вздыхает, как будто ему так трудно сдвинуть ноги, чтобы освободить немного места. Снова уставившись в свой телефон, он поджимает ноги, чтобы мы могли пройти. Полина садится на кресло рядом с маленьким мальчиком, который представляется Гришей. Я сажаю Вику к себе на колени, из-за чего Полина заскулила, что хочет тоже сидеть у меня на коленях.

— Я поменяю вас через десять минут, — говорю я им шепотом. — Хорошо?

— Я хочу сидеть на своем месте, — отвечает Вика.

— Идеально. Тогда ты посиди здесь, а я подержу Полину.

Полина откидывается на спинку сиденья.

— Я хочу на это место, — скулит она.

Стиснув зубы, я делаю вдох и смотрю на сцену. Таня там, наверху, вместе с несколькими другими сотрудниками. Она широко улыбается мне, помогая успокоиться.

Я сосредотачиваю свое внимание на сцене, и всего через несколько секунд директор начинает говорить, приветствуя всех собравшихся. Полина перебирается ко мне на колени, а

Вика садится рядом с Гришей и что-то шепчет ему, отчего он хихикает. Я улыбаюсь, радуясь тому, что у нее уже появились друзья.

— Ш-ш-ш, — напоминаю я детям и подмигиваю Грише. Он широко улыбается и откидывается на спинку стула, снова обращая свое внимание на сцену. Персонал представлен, и мы переходим к обсуждению образовательных программ.

Здесь душно, и то, что Полина сидит у меня на коленях, никак не облегчает мне жизнь. Придурку из BMW, должно быть, тоже жарко, потому что он наклоняется вперед и вытаскивает руки из рукавов пиджака. Он аккуратно складывает пиджак и кладет его себе на колени. А потом он расстегивает пуговицу на запястьях рубашки и начинает закатывать рукава.

Боже милостивый, ему нельзя было позволять делать это здесь. Я слегка поворачиваю голову, переводя взгляд с него на сцену и обратно. Несколько других мам тоже смотрят, а две в ряду напротив нас с нескрываемым интересом откровенно пялятся и обсуждают его.

У него мускулистые предплечья, и при виде этого маленького кусочка загорелой кожи меня не должно бросать в жар. Я тяжело сглатываю, пытаюсь выкинуть из головы его ловкие пальцы, поднимающиеся к воротнику и медленно расстегивающие рубашку.

Греховность и сексуальная привлекательность исходят от этого мужчины.

Следующим этапом стала экскурсия по школе, и я снова пребываю в шоке от того, насколько здесь все красиво и современно.

После того, как нам все покажут, дети могут пойти поиграть в одну из классных комнат. Я могу сказать, что это большое дело, судя по тому, как все ведут себя. А когда мы заходим в класс, я понимаю — почему.

Дети ушли играть, дав родителям время познакомиться и оценить друг друга. Я не очень хорошо разбираюсь в людях. И поскольку я сама периодически могу выглядеть надменной и стервозной особой, стараюсь не судить по внешности.

Но, черт возьми, многие мамочки выглядят так, словно у них палки в задницах. Они все как на подбор, на каблуках и с дизайнерскими сумочками.

Тот придурок стоит у двери класса и снова разговаривает по телефону.

Я крадусь назад, уходя из поля зрения группы мамочек.

— Привет, — говорит рыжеватая блондинка, подходя к нам. — Ты здесь новенькая, не так ли?

— Э-э, да. Да, так. — Я растягиваю губы в фальшивой улыбке.

— Так и думала. Не помню, чтобы видела тебя на дне открытых дверей этим летом. Не то чтобы я помню всех, но я тоже мама близнецов, так что ты вроде как выделилась для меня. — Она улыбается, показывая идеальные белые зубы. Ее губы довольно полные, вероятно, из-за инъекций, а клубнично-светлые волосы совершенными локонами ниспадают на плечи.

— Я — Регина.

— Дарья. Приятно познакомиться. — Я смотрю на играющих детей. — Какие из них твои?

Регина поворачивается, несколько секунд оглядываясь, чтобы найти своих детей. Я не видела других идентичных близнецов, но иногда все, что требуется, — это разные прически, чтобы мои девочки выглядели как два разных человека.

— Макс в синей рубашке с ленивцем на ней, а Марфа ковыряет в носу в углу. — Она вздыхает и качает головой. — Твои девочки — просто прелесть.

— Спасибо. Твои дети тоже, если не считать ковыряния в носу. Мои прошли через эту стадию несколько месяцев назад. Они либо перестали, либо научились делать это, пока я не вижу.

Регина смеется, и узелок нервов в моей груди немного ослабевает. Может быть, я все-таки заведу здесь маму-подругу.

— На сколько мест для волонтеров ты собираешься записаться? — спрашивает Регина. — Мне кажется, что одного или двух в месяц вполне достаточно, но ты же знаешь, какие они. — Она смотрит на остальных мам и закатывает глаза. — Они здесь каждый день. Какой смысл отправлять детей в школу, если ты собираешься быть с ними каждый день? Хотя в некотором роде приятно выйти из дома и почувствовать, что у тебя есть хоть какая-то цель в жизни.

— Я, эмм, работаю, так что не знаю, как много смогу успевать делать здесь. Но приходиться хотя бы раз в месяц — звучит заманчиво, даже чтобы просто помочь и посмотреть, как дела у девочек.

— О, а чем ты занимаешься?

Я не могу лгать Регине, глядя в глаза. Хотя это и не ложь на самом деле. Просто я немного приукрасила правду.

— Я работаю в отделе по связям с общественностью маркетинговой фирмы. Это довольно скучно.

— Я уверена, что это интересно. А как насчет твоего мужа?

— Это, э-э, я одна. — Улыбаясь, смотрю на своих девочек, играющих с кукольным домиком, который, вероятно, стоит столько же, сколько месячная плата за нашу маленькую квартирку. — Только я и мои девочки.

— Что ж, это достойно уважения. Мне очевидно, что ты — прекрасная мать.

— Спасибо, — говорю я, поднимая голову, чтобы посмотреть на Регину. Ее слова значат для меня больше, чем я ожидала, и мне приходится приложить немало усилий, чтобы не поддаться эмоциям. Я очень легко плачу, и хотя Таня считает это милым и располагающим к себе, меня это раздражает. — Я стараюсь.

— Быть мамой — это тяжело. Дима хочет еще детей, но я просто не готова. Ты же знаешь, каково это — быть беременной двумя одновременно.

Мы смеемся, и напряжение ослабевает еще больше. Мне нравится Регина. Она разговорчива, мила и гораздо более приземленная, чем я ожидала от кого-то настолько великолепного.

— Слушай, — говорю я, понижая голос. — А кто этот парень?

— Тот красавчик в костюме? — Регина прищуривает глаза, тратя несколько секунд на то, чтобы разглядеть этого негодяя. — Я не знаю. Ты видела, какого ребенка он привел?

— Тот темноволосый мальчик у домика. Он сказал нам, что его зовут Гриша.

— О, Гриша. Да... Я не знаю, кто этот мужчина. Это определенно не его отец. — Она наклоняет голову. — Я знаю Веронику, мать Гриши. Она не из тех, кто заводит романы на стороне, и это не ее муж. — Оторвав взгляд от этого негодяя, она снова смотрит на меня.

— Почему ты спрашиваешь? Надеешься, что он тоже одинок?

— О, Боже, нет. Я просто...

— Марфа! — ругается Регина и спешит вперед как раз в тот момент, когда Марфа вытаскивает большую козявку у себя из носа и засовывает ее в рот. Оказывается, богатые или бедные, шестилетние дети все одинаковы.

Я была очень рада увидеть, что девочкам здесь понравилось и они уже завели новых друзей. Они рассказывают обо всем, что делали, пока мы идем к машине. Всю дорогу улыбка не сходит с моего лица.

Когда я медленно проезжаю вдоль ряда машин на маленькой стоянке, одна из них начинает сдавать назад прямо передо мной. Я нажимаю на тормоза и принимаюсь яростно сигналить.

— Черт возьми, — бормочу я себе под нос. Это тот самый придурок из BMW, и, мне кажется, он ждал, пока я окажусь прямо здесь, чтобы начать сдавать назад. Я снова сигналию.

— Что случилось, мамочка? — спрашивает Полина.

— Ничего, милая. — Я оборачиваюсь и ободряюще улыбаюсь им. — Я так рада, что вам было весело. Расскажите мне еще раз, что вам понравилось больше всего.

— Кукольный домик, — говорят они одновременно. Откинувшись на спинку сиденья, я наблюдаю, как задние фары BMW удаляются от нас. Слава Богу, мне больше никогда не придется видеть этого негодяя.

Глава 5

— Доброе утро, Александр Андреевич.

— Доброе утро.

Я вхожу в лифт с мужчиной, который, должно быть, стажер. Его рубашка на размер больше нужного, он сжимает в руках папки и выглядит до смерти напуганным из-за такой близости ко мне.

Вместе с нами в лифт заходят еще несколько человек, и один раздраженно придерживает двери для кого-то, кто бежит по вестибюлю. Я смотрю на часы, краем глаза замечая стажера. Он наклоняется вперед, открывая рот, как будто хочет что-то сказать, но трусит. Смелого шага для меня недостаточно, чтобы повисить кого-либо по службе, но этого достаточно, чтобы привлечь мое внимание.

Двери лифта со звоном закрываются, и я поднимаю голову. Возле дверей стоит женщина. Длинные темные волосы волнами ниспадают по ее спине, а узкая серая юбка обтягивает идеальную попку. Длинные ноги заканчиваются черными туфлями на каблуках, и я еще раз оглядываю ее с ног до головы.

Она стоит ко мне спиной и может быть кем угодно. Но я почти уверен, что запомнил бы такую задницу. Глядя прямо перед собой, она каждые несколько секунд поправляет сумочку на плече. Ее плечи напряжены, и то, как она переносит вес тела взад-вперед, дает мне понять, что она нервничает.

Лифт останавливается на следующем этаже, и еще несколько человек пытаются втиснуться внутрь. Я не боюсь лифтов как таковых, но я был бы чертовски зол, если бы мы застряли вот так, где едва хватает места, чтобы пошевелиться, не говоря уже о том, чтобы полноценно двигаться.

Женщина в обтягивающей юбке отходит в сторону, освобождая место. Она слегка поворачивается, и ее волосы падают на плечо, все еще закрывая половину лица. И все же в ней есть что-то знакомое. Если она работает в этом здании, значит, я видел ее раньше.

Она поднимается на четырнадцатый этаж вместе со стажером и со мной. Если бы она работала на моем этаже, я бы определенно запомнил ее. Я достаточно скоро узнаю, кто она такая, хотя, когда двери лифта открываются, она выскользывает из него и спешит по коридору к туалетам.

Вид ее сногшибательной задницы заставил мой член зашевелиться в штанах, но я

перестая думать о ней, лишь переступив порог своего офиса. Поскольку вчера я ушел раньше, мне нужно наверстать упущенное. Моему новому помощнику лучше прийти сегодня вовремя.

Я кладу свои вещи на стол и снова смотрю на часы. Рабочий день официально начнется через две минуты. Где, черт возьми, мой помощник? Пунктуальность важна для меня. А еще я хочу кофе.

Ворча, выхожу из своего кабинета. Мой отец стоит в холле и разговаривает с женщиной в обтягивающей юбке. Она смеется над тем, что он сказал, и этот мерзавец это проглатывает.

Ты слишком стар для нее, папаша.

— Алекс, — говорит папа, протягивая руку. — Как раз вовремя.

Он жестом приглашает меня подойти, и женщина, чья задница с этого ракурса выглядит еще лучше, откидывает волосы назад, через плечо, и все происходит как в замедленной съемке.

Ее полные алые губы растянулись в ослепительной улыбке, которая озаряет все помещение. Длинные ресницы обрамляют большие изумрудные глаза, которые сверкают, даже несмотря на то, что мы в здании, стоим под лампами дневного света.

Она великолепна, и я знаю, что никогда раньше ее не видел, но она выглядит такой чертовски знакомой, что это сводит меня с ума.

Внезапно ее улыбка исчезает, а глаза расширяются. Я моргаю и понимаю, что она — та самая святая, уставшая на вид мама, которая кричала на меня вчера. Обычно я не огрызаюсь подобным образом на совершенно незнакомых людей, но она перешла все границы. Я не заметил, что у нее был включен сигнал поворота. Признаю, я был рассеян, но я не такой большой негодяй, чтобы занимать чье-то место.

Она выглядит совсем по-другому, нежели при нашей первой встрече. Ее волосы не собраны в неряшливый пучок. Вместо этого они свободно спадают на спину, обрамляя ее хорошенькое личико. Я даже не помню, во что она была одета в прошлый раз, но, черт возьми, это точно был не этот сексуальный наряд библиотекарши. Все, что ей нужно, — это снять фальшивые очки, чтобы она могла прикусить кончики, когда скажет мне, что у меня просрочена книга.

Упругие округлые груди скрыты под блузкой, а верхняя пуговица расстегнута. Ее юбка туго облегает тонкую талию, и она выглядит слишком юной для матери двоих детей, с которыми я видел ее вчера. Тогда ее красота тоже поразила меня, и сначала я принял ее за няню. Потом я увидел, как она смотрит на своих детей, и понял, что она — их мать. Только мама, будучи настолько раздраженной и разочарованной, при этом смотрит на своих детей с такой любовью в глазах.

Обычно я не беру на работу никого, к кому испытываю физическое влечение. Смешивать бизнес с удовольствием так же плохо, как гадить там, где ты ешь, а я этого никогда не делаю. Эта женщина определенно привлекательна, но я думаю, что не поддамся искушению и не стану заманивать ее в свою спальню.

Я знаю, какая она заноза в заднице.

И теперь она здесь, стоит в моем офисе, разговаривает и смеется с моим отцом.

— Вы, — выпаливает она, медленно качая головой. Краска отливает от ее лица, и губы приоткрываются.

— Что вы здесь делаете? — спрашиваю я и сокращаю расстояние между нами.

Папа переводит взгляд с женщины на меня и обратно:

— Вы двое знаете друг друга? Это Дарья, твой новый помощник.

— Подождите, — говорит Дарья, выглядя еще более испуганной, чем раньше. — Я думала, что работаю на вас. Мне сказали, что я буду работать с господином Фроловым.

— Я — Александр Фролов, — выплевываю я, раздраженный тем, что мой отец следует за мной по пятам. Да, он основал эту компанию, но именно я вывел ее на тот уровень, на котором она находится сегодня.

Дарья стоит, как олень в свете фар, широко раскрыв свои большие изумрудные глаза. Ее щеки вспыхивают, и краснота расплзается по шее и груди.

— А что, будут какие-то проблемы? — медленно спрашивает папа, переводя взгляд с Дарьи на меня.

— Нет, — быстро говорит Дарья. Слишком быстро. — Не будет никаких проблем. — Она натягивает улыбку и обращает свое внимание на меня. — Я с нетерпением жду возможности приступить к работе!

— Да, я в этом уверен.

Я не из тех, кто ведет бессмысленную светскую беседу или приукрашивает что-либо.

Она протягивает мне руку для пожатия. Где мои манеры?

— Я — Дарья Соколова, и мне очень приятно с вами познакомиться.

Я беру ее за руку и поражаюсь тому, какая мягкая и теплая она на ощупь. У нее тонкие пальцы, и поначалу прикосновение робкое, но затем ее хватка превращается в крепкое рукопожатие.

Ее глаза все еще широко раскрыты от шока и страха, в них отражается невинность, которой я никогда раньше не знал. Это вызывает у меня странное чувство, и я ловлю себя на том, что хочу защитить эту невинность почти так же сильно, как хочу забрать ее.

Есть шанс, что я сделаю и то, и другое, уволив ее к концу дня. Я не могу представить, что кто-то, кто кричит на незнакомцев из-за такой мелочи, как место на парковке, мне подойдет.

— Взаимно. — Я отпускаю ее руку и уже скучаю по ее мягкой, гладкой коже. — Следуйте за мной в кабинет. У меня сегодня много дел.

Она коротко кивает мне, надевает еще одну фальшивую улыбку на своё хорошенькое личико и снова обращает свое внимание на моего отца. Ее улыбка становится искренней, и папа берет ее маленькую ручку в свои ладони.

— Для меня было честью познакомиться с вами, — говорит ему Дарья. — С тех пор, как я прочитала статью о вас и компании, я поняла, что должна здесь работать. — Папа сияет и проводит пальцами по ее запястью. Дарья напрягается.

Извините, леди. Твой кумир — бессовестный подонок. Который... Женат.

— Усердно работай и прояви себя, и ты окажешься на вершине. — Папа подмигивает ей, и Дарья снова краснеет.

— Благодарю вас.

Она отдергивает руку и прижимает ее к своему бедру. Она выжидающе смотрит на меня. Я жестом приглашаю ее следовать за мной.

— Послушайте, — начинаю я, изо всех сил стараясь не смотреть на нее. Вообще-то странно иметь помощницу-женщину. Когда я только начинал свою работу здесь, папа не разрешал этого из страха, что в конечном итоге я буду спать с ней. Тогда я бы так и сделал. Теперь же я повзрослел. Эта работа очень много значит для меня.

Денис был моим первым помощником. Он на несколько лет старше меня, и за его плечами больше образования и опыта, чем было у меня в то время, но иногда это больше зависит от того, кого ты знаешь. Сейчас Денис — один из наших лучших специалистов, которого я считаю своим хорошим другом.

Дело не в том, что я думаю, что Дарья плохо справится с работой, потому что она женщина. Наш главный администратор — женщина, и я решительно выступаю за то, чтобы ко всем нашим сотрудникам здесь относились справедливо и все получали равную оплату. Это другое дело, вот и все, и я не могу представить, чтобы она была в восторге от встречи за обедом в ресторане, известном своими официантками. Точнее, обтягивающими белыми рубашками и короткими клетчатыми юбками, которые они носят.

И, конечно, есть много женщин, которых это устраивает и даже увлекает, но Дарья? Мисс Встревоженная мама? Ни за что, черт возьми.

— Мы оба были удивлены этим. Очевидно, произошла какая-то ошибка из-за отсутствия связи. Я могу позаботиться, чтобы вы получили свою предыдущую работу...

— Нет, — выпаливает она. — Меня эта устраивает, я имею в виду... Если это устраивает вас. — Румянец возвращается к ее щекам, и она нервно откидывает волосы назад. — Мне действительно нужна эта работа, и я вас не разочарую. И... И я сожалею о вчерашнем, хотя вы были неправы, заняв мое место. — Тяжело сглотнув, она смотрит на меня, действительно смотрит на меня.

Я смотрю на нее несколько секунд, даже не зная, что, черт возьми, делать. Она пробыла здесь всего тридцать секунд, а я уже понял, что она сильно отличается от ассистентов, которые были у меня в прошлом. Она сказала, что ей нужна эта работа, но она не пресмыкается у моих ног, как это делают большинство стажеров и ассистентов. Это действительно отрезвляет.

— Меня не волнует вчерашний день, — говорю я ей. — О чем я забочусь, так это о том, чтобы выполнять свою работу, и делать это хорошо. Мне нужен кто-то, кто сможет сразу влиться. У меня нет времени обучать кого-то с нуля.

Ее рука — не единственное, к чему я хотел бы прикоснуться...

— Я быстро учусь, — говорит она, делая неуверенный шаг вперед. — Я умная, трудолюбивая и смогу сделать все, что вам от меня будет нужно. Ну, не совсем все. Я никого не буду убивать. Или делать что-нибудь незаконное, просто чтобы прикрыть вас. Но это зависит от того, какой именно деятельностью вы хотели бы, чтобы я занималась. Например, если вам нужно, чтобы я проникла в морг, чтобы украсть файлы о подозрительной смерти, которая могла быть вызвана вампиром, — я бы согласилась. Но если вы решите выкрасть секретные компьютерные файлы у конкурента, на меня не рассчитывайте.

Я моргаю. Один раз. Два раза. Три раза.

— Что?

Она делает вдох и смотрит мне прямо в глаза.

— Я справлюсь с этой работой и приступлю прямо сейчас. Предполагалось, что ваш предыдущий помощник позвонит и все мне расскажет.

— Хорошо. Для начала приготовьте мне кофе, пожалуйста.

Она кивает.

— Какой кофе предпочитаете?

— Черный.

— Ладно. Я, э-э, сейчас вернусь.

Она исчезает из офиса, и до меня доходит, что она понятия не имеет, где и что находится на этом этаже. Я подхожу к столу и открываю свою электронную почту. В моем почтовом ящике больше дюжины нежелательных писем, и это выводит меня из себя. Как, черт возьми, мой рабочий адрес электронной почты вообще оказался в этих списках рассылки? Филипп бы уже удалил их, а я тем временем успел бы ответить двум клиентам, прежде чем Дарья вернется с моим кофе.

Сегодня будет долгий, сложный день, и я не могу обещать, что к вечеру Дарья все еще будет моим ассистентом.

Глава 6

Я не могу поверить, что накричала на своего начальника.

Технически он еще не был моим начальником — хотя подождите, да, он им уже был. О, Боже. Вчера, перед тем как уйти из офиса, я подписала все документы. Я просто не знала, что он мой начальник, а он не знал, что я его помощница.

Прекрасное начало работы, знаю. Я не рассчитываю подружиться со своим начальником, и у меня нет желания тусоваться с ним после работы. Но я обычно нравлюсь людям, а Александру Андреевичу определенно — нет.

Это мой первый день на этой работе, и начальник уже ненавидит меня.

Мне он тоже не особо нравится. Напыщенный, самовлюбленный и грубый. Я возненавижу работу на него, необходимость приносить ему кофе по утрам и миллион других маленьких утомительных вещей, которые он более чем способен сделать сам.

Эта работа — временная, и я не останусь здесь навсегда. Если бы это был большой пакет лимонов, то я бы сорвала лимонадный джекпот. То, что сегодня кажется кислым, завтра может стать сладким, и в конце концов это окупится.

Мне просто придется напоминать себе об этом каждый день. Наверное, дважды в день. Я выпью свой лимонад... Но сначала мне нужно придумать, где найти кофе для Александра.

Голова идет кругом, я прохожу несколько метров вперед только для того, чтобы замедлиться и снова оглядеться.

— Дарья, верно? — зовет кто-то. Оборачиваясь, вижу молодого человека, склонившегося над столом у входа в офис. Я киваю, и он машет мне рукой.

— Я — Матвей.

— Дарья, но ты, эмм, уже знаешь это. Приятно познакомиться.

— Выглядишь немного потерянной.

— Да, так и есть.

Он одаривает меня сочувственной улыбкой и выходит из-за стола.

— Позволь мне провести для тебя двухминутную экскурсию.

— Спасибо.

— Уборные находятся дальше по коридору, у лифта, — начинает он, указывая на двери, ведущие в главный офис. — А там у нас стажеры. — Он машет рукой в сторону открытого пространства за большим столом секретаря. Там около дюжины столов, заполненных полными надежд стажерами с горящими глазами надеющимися продвинуться по службе и получить постоянную работу в фирме.

Мы проходим мимо них, останавливаясь в коридоре, который ведет в кабинет Александра. Матвей показывает мне два конференц-зала, еще несколько офисов и комнату отдыха.

И, черт возьми, это здорово.

Огромная.

Красивая.

И закуски предоставляются бесплатно.

Я собираюсь набрать несколько килограммов за первую неделю.

— Еще раз спасибо, — говорю я Матвею, заметив кофейник. Он стоит рядом с кофемашиной, которая выглядит слишком сложной в использовании. Слава богу, Александр хочет всего лишь черный кофе.

Двое мужчин в приталенных пиджаках сидят за столиком у окна и обсуждают, как они цепляли танцовщиц в клубе прошлой ночью. Я проскальзываю в комнату, направляясь прямо за кофе. Надеюсь, что в шкафчике есть кружки или бумажные стаканчики.

— ...И ее большие сиськи, ммм, я говорю тебе, чувак...

Один из мужчин поднимает взгляд, замолкая при виде меня.

— О, черт. Извини.

Другой поворачивается и подмигивает, разглядывая меня. Хочет, чтобы я знала, что он находит меня привлекательной, и я не понимаю, что чувствую по этому поводу. С одной стороны, это лестно, а с другой — немного жутковато.

Я не кусок мяса, хотя приятно внимание с их стороны.

— Я раньше не видел тебя здесь, — парень, говорящий о больших сиськах, встает и застегивает пиджак. — Я — Денис, и мы не всегда такие вульгарные.

Каблуки стучат по полу позади меня.

— Не вешай ей лапшу на уши, — говорит женщина. — Обычно они еще хуже. Она входит в комнату и протягивает мне руку для пожатия. Она высокая, худощавая, с самыми гладкими светлыми волосами, которые я когда-либо видела. — Кристина, приятно познакомиться.

— Дарья, — говорю я и пожимаю ей руку. — Я тоже рада познакомиться.

Она подходит к модной кофеварке для приготовления эспрессо, и я задаюсь вопросом, смогу ли беззаботно стоять и наблюдать, как она ею пользуется, чтобы и самой разобраться. Если нет, я запишу марку и модель, чтобы позже посмотреть видео в Интернете.

— Я не знала, что мы наняли новых стажеров.

— Я, эмм, не временная работница. Я новая помощница Александра Андреевича.

— Ты заменяешь Филиппа? — Кристина отводит взгляд от кофемашины и оглядывает меня с ног до головы. — Не ожидала.

— Это хорошо? — спрашиваю я с нервным смешком. Я уже забыла последовательность кнопок, которые она нажимала на этой чертовой машинке.

— Дай мне неделю, и я тебе отвечу на этот вопрос. — Она наливает себе кофе и поворачивается, чтобы уйти. — Удачи. Тебе она понадобится.

— Мне действительно понадобится удача? — спрашиваю я Дениса, как только Кристина выходит из комнаты отдыха. Открываю тот же шкафчик, что и она, и беру белую кружку.

— Не-а. — Денис машет рукой в воздухе. — Алекс не так уж и плох, когда узнаешь его поближе.

Он ободряюще улыбается мне, но по его глазам видно, что он лжет. Мне понадобится вся удача в мире, чтобы пройти через это.

Глава 7

— Черт! — Я моргаю, надеюсь, что просто неправильно увидела время. Нет, все

правильно. — Черт, черт, черт! — я откидываю одеяло и вытаскиваю руку из-под Полины. Она пришла ко мне в постель утром, всего за минуту до того, как зазвонил мой будильник. Сказала, что ей приснился плохой сон, и она хотела полежать со мной, пока не успокоится. Я выключила будильник, сказав себе, что мы просто полежим пять минут, а потом встанем. Что ж, прошло двадцать минут, и теперь мы опаздываем.

Все еще ворча, я вскакиваю с кровати, задеваю ногой свою одежду, которую сняла и оставила на полу, и спешу в ванную. Я не жаворонок, и обе девочки унаследовали мой ген ночной совы. Нам нелегко подниматься каждое утро и выходить из дома.

Я бы все отдала, чтобы сейчас остаться дома со своими детьми вместо того, чтобы работать на работе своей мечты. В понедельник они идут в школу, и у меня такое чувство, что я больше работала, чем играла с ними, что нормально, я знаю.

Но мне это не нравится.

Я умываю лицо, расчесываю волосы, которые, к счастью, держатся волной благодаря вчерашним распущенным локонам. Постукивая по экрану своего телефона, чтобы посмотреть время, я паникую. Не имею ни малейшего представления, как, черт возьми, я собираюсь успеть на работу вовремя.

Выбегая из ванной, иду на кухню и открываю холодильник. У нас очень мало продуктов, а на моем банковском счету очень мало денег. Не самое удачное сочетание.

— Мамочка, — зовет Вика из своей спальни. — Где ты?

— Кухня, — отвечаю я, стараясь не говорить громче, чем обычно. Квартира небольшая, состоит из маленькой гостиной, которая переходит в еще меньшую кухню. У нас есть крошечная ванная комната с раковиной, ванной и туалетом, а затем две спальни. Стойла у лошадей больше, чем комнаты, в которых мы спим, но, по крайней мере, у нас есть крыша над головой и безопасное место для ночлега, верно? Хотя, если бы я посмотрела статистику преступности в этом районе, я бы снова начала спать с ножом под подушкой.

— Доброе утро, детка, — говорю я Вике, когда она медленно подходит к столу. Она напоминает мне зомби с медленными, отрывистыми движениями и растрепанными волосами. Эта девочка просыпается с впечатляющим гнездом на голове. У обеих девочек великолепные густые темно-каштановые волосы, которые они унаследовали от меня.

Их идеальные натуральные кудри... те, что достались им от отца, а также их карие глаза. Потому что у их отца тоже были карие глаза... Я думаю. У нас не было отношений, когда я забеременела. Мы даже не встречались.

Я пошла на вечеринку с Таней с целью отвлечься от худшей недели в моей жизни. На последнем курсе института мне нужно было наверстать упущенное. Когда дело доходило до вечеринок, я предпочитала проводить ночи в своем общежитии с книгой, а Таня любила гулять и напиваться. Я не могу вспомнить, сколько ночей я придерживала ей волосы, чтобы они не упали в грязный совместный туалет, когда ее рвало с полбутылки водки.

Несмотря на рвоту, которая всегда сопровождалась плачем и пустыми обещаниями, что она «никогда больше не будет пить», Таня всегда возвращалась к своему обычному образу жизни и рассказывала о том, насколько веселыми были упомянутые вечеринки. Мы во многом противоположны, и, вероятно, именно поэтому из нас получились такие хорошие друзья.

Один-единственный раз Таня смогла уговорить меня пойти с ней на тусовку, единственный раз, когда мне нужно было передохнуть, выпить и просто забыть о том, насколько несправедлив мир. Это только доказало мне, что не имеет значения, хороший ты

или плохой человек.

Вещи просто случаются.

Плохие вещи.

Хорошие вещи.

Несправедливые вещи.

Они просто случаются.

Или, может быть, это было вовсе не случайно. Я потеряла все только для того, чтобы получить двух драгоценных дочерей, которых я люблю больше жизни. Из-за которых я просыпаюсь каждое утро с желанием стать лучше.

Только ради них.

— Скоро завтрак? — спрашивает Вика, протирая глаза. — Я голодная.

— Да, сегодня мы должны быстро поесть.

Я открываю шкафчик и достаю крекеры и варенье. Достаю две тарелки, даю каждой по четыре крекера и намазываю их вареньем, а затем достаю из холодильника яблоко. Мне действительно нужно добиться большего.

Комок в моем горле возвращается, и мне с трудом удается сглотнуть, чтобы прогнать его. На новой работе мне повысили зарплату, и я собираюсь сойти с ума в продуктовом магазине, как только поступят деньги.

Ладно, я просто куплю свежие фрукты и овощи. И сосиски. Очень много сосисок. Всего две упаковки. Или три. Девушка может мечтать.

— Ешь, милая. Я собираюсь разбудить твою сестру. — Вика кивает и кладет голову на стол. Мне неловко заставлять их вставать рано, чтобы я могла отвезти их в детский сад, но нам придется привыкнуть вставать и уходить еще раньше, как только начнутся занятия в новой школе. Девочки должны быть там к половине девятого, а забирать их нужно в половине третьего. Слава Богу, Таня готова забирать их либо к себе домой, либо в папину квартиру.

— Полина, — тихо говорю я и возвращаюсь в свою комнату. Я поднимаю жалюзи, чтобы впустить немного света. Окно снаружи серьезно нуждается в мытье, но больше шансов, что я выиграю в лотерею, встречу переодетого принца, который безумно в меня влюбится, и, наконец, получу свое письмо из Хогвартса — в тот же день, — чем на то, что управляющая компания наймет кого-нибудь для этого. К счастью, мы переехали сюда не ради блеска и гламура.

— Пора вставать, милая.

Полина приоткрывает глаза и стонет, снова натягивая одеяло на голову.

— Я знаю, — говорю я ей и плюхаюсь на кровать. — Я тоже хочу снова лечь спать, но мне нужно отвезти вас в детский сад, чтобы я могла поработать. — Не хочу! Не хочу в детский сад! — стонет она, голос граничит с хныканьем. Клянусь, только мои дети могут просыпаться и хныкать. Честно говоря, это действует мне на нервы, и мое терпение иссякает, когда я уставшая.

А уставшая я всегда.

— Сегодня пятница! — Я подхватываю ее на руки и усаживаю. — Это значит, что завтра мы будем спать, смотреть фильмы и гулять в парке, если будет хорошая погода.

— Мы можем устроить день спа?

— Что такое день спа? — спрашиваю я, надеясь, что она не имеет в виду поход в настоящий спа-салон. Даже если бы я могла себе это позволить, думаю, я бы не стала брать

туда шестилетних детей. Это было бы полной противоположностью расслаблению.

— Мы делаем маски для лица и красим ногти. Я видела это в видео.

— Звучит забавно! Я закажу где-нибудь несколько масок для лица. У меня есть лак для ногтей и бомбочка для ванны, которую тетя Таня подарила мне на день рождения.

Полина оживает, улыбается и кивает.

— Но у нас не получится провести спа-день, если я не пойду на работу. Так что давай, вставай и ешь, а я пока выберу одежду на сегодня.

— Можно, как у Ви?

— Я подумаю, что можно сделать, — говорю я ей с улыбкой. У девочек есть похожая одежда, но, поскольку девятно девять процентов того, что у них есть, было подержанным, я не могла одевать их в одинаковые комплекты.

Десять минут спустя я все еще спешно собираюсь. Полина начала день медленно, а Вика не может усидеть на месте, пока я пытаюсь расчесать ей волосы.

— Я не буду делать тебе прическу, — говорю я ей и отпускаю пригоршню густых локонов, которые держала в руках. — Ты уже достаточно взрослая, чтобы сидеть смирно, пока я собираю твои волосы в хвост.

Вика, плача, спрыгивает с дивана на пол.

— Я хочу, чтобы мои волосы были наверху. Пожалуйста, мамочка!

Я закрываю глаза, зная, что не должна сдаваться. Она ноет, но на улице жарко и влажно, а в детском саду они выходят на улицу. Ей действительно следует собрать волосы, но она должна посидеть спокойно тридцать секунд и не вертеть головой.

— Нет. Мы пытались три раза, но ты не слушаешься.

Я откладываю расческу и встаю, хватая свою косметичку. Я не пользуюсь большим количеством косметики, в основном потому, что у меня нет времени, а хороший макияж требует времени, да и стоит он дорого. Но я хочу приложить усилия, по крайней мере, в течение первого месяца на моей новой работе.

И как бы мне ни было неприятно это признавать — все на четырнадцатом этаже выглядят такими собранными! Как будто они действительно отвечают за свою жизнь и не мечутся, имея в запасе две минуты, в то время как шестилетний ребенок катается по полу и плачет.

Я рискую потерять минуту драгоценного времени, чтобы сходить в туалет. Когда выхожу из ванной, Полина тоже лежит на полу, обнимая свою сестру.

Я единственный ребенок в семье, поэтому не совсем понимаю связь между братьями и сестрами. Полина покладистая, а Вика гораздо более сорвиголова, но они так похожи во многих других вещах, причем не только внешне.

— Готовы? — спрашиваю я, и они обе поднимают глаза.

— Мамочка, ты можешь сделать прическу моей сестренке? — спрашивает Полина. — Я велела ей сидеть тихо. — Она делает ударение на последних словах, и это чертовски мило.

— Да, но нам нужно поторопиться. Надень свои туфли, пока я уложу ей волосы, пожалуйста.

Полина кивает, и Вика садится. Я быстро собираю ее волосы в хвостик, приглаживая их. Прикрепляю большие белые банты к волосам обеих девочек, хватаю наши вещи и выбегаю за дверь.

Мы добираемся до детского сада точно вовремя, и я поворачиваюсь на своем сиденье, чтобы отстегнуть ремни автокресел девочек.

Вика вскакивает со своего места и выглядывает в окно, думая, как здорово, что у нее есть место для ног, чтобы стоять в этой машине. Полина не двигается, лишь откидывает голову на спинку сиденья.

— Что случилось, детка? — спрашиваю я.

— Я не хочу идти в детский сад.

— Я знаю, но ты должна.

— Почему я не могу остаться с тобой?

О, мое сердце.

— Потому что мне нужно идти на работу.

— Остайся дома, — умоляет она, и глаза ее наполняются слезами. — Я буду скучать по тебе.

— Я заеду за тобой, как только смогу, и тогда у нас будут выходные, которые мы проведем вместе. Тебе будет весело, как только ты окажешься внутри детского сада. Ты же любишь своих друзей!

— Я хочу остаться дома.

— Мы уже в машине. Я не собираюсь домой.

— Тогда пойдем с тобой на работу, — пытается она меня уговорить.

— Да! — Вика соглашается. — Можно нам пойти с тобой на работу, мамочка?

— Нет, любимые мои, мне жаль, но вы не можете. На моей работе не пускают детей в здание, — вру я, надеясь, что это поможет. Хотя я не могу себе представить, чтобы Александр когда-нибудь допустил детей в офис. Он такой холодный и надутый... И невероятно красивый.

Что, кстати, несправедливо. Он такой негодяй. Почему у кого-то доброго и заботливого, кто работает волонтером и прижимает к себе спасенных щенков, не может быть его внешности?

Я подъезжаю к дверям, и Эльвира, одна из работниц детского сада, встречает нас с удивленным лицом:

— О, Дарья. Я не знала, что это вы. Новая машина? — спрашивает она и помогает Вике прыгнуть вниз.

— Ах, хотелось бы. Она принадлежит моему начальнику, — говорю я, чувствуя, что проще оставить все, как есть. Говорить, что у меня есть служебная машина, — немного чересчур, а объяснять, что мне дали надежную машину для поездок, чтобы я могла быть в полном распоряжении Александра, — слишком унижительно. Эльвира протягивает руку Полине, которая обхватывает себя руками и качает головой.

— Что случилось, Полиночка? — спрашивает Эльвира. Она так хорошо ладит с детьми, и они ее тоже любят. Это одна из немногих вещей, которые заставляют меня чувствовать себя лучше, когда я привожу их сюда каждое утро.

— Я скучаю по маме.

Эльвира еще ближе наклоняется к машине.

— У меня есть идея, но ты не рассказывай маме, хорошо? — говорит она шепотом. — Я только что открыла совершенно новую коробку цветных карандашей. Как насчет того, чтобы нарисовать супер-особенную картинку для мамочки?

Полина шмыгает носом:

— Хорошо.

— Спасибо, — говорю я Эльвире, смагивая собственные слезы. Я еще раз обнимаю и

целую каждую девочку перед отъездом. Я так расстроена, что не понимаю, что опаздываю, пока не заезжаю в гараж на работе. Моя старая машина все еще стоит на том же зарезервированном для меня месте, а я подъезжаю к гораздо более близкому, зарезервированному для помощника Александра.

Я буквально бегу к лифту и так быстро, как только могу, пересекаю вестибюль и вхожу в другой лифт. Сейчас восемь пятьдесят четыре, подъем на четырнадцатый этаж занимает около минуты, ну, если мы не будем останавливаться на каждом этаже.

Именно это и происходит. Ладно, не на каждом этаже, но мы останавливаемся на этаже номер пять. И семь. И десять. И двенадцать. Я выхожу из лифта, когда мы добираемся до моего этажа, и врываюсь в офис, не переводя дыхания, пока двери за мной не закрываются. Сейчас восемь пятьдесят семь. Я не опоздала.

— Привет, — говорит Матвей, когда я прохожу мимо.

— Привет, как дела?

— Хорошо. Сегодня пятница. У тебя большие планы на выходные?

Я качаю головой.

— Я провожу время со своими детьми. Так что ничего сумасшедшего, насыщенного событиями, но я с нетерпением жду этого.

— У тебя есть дети? — Он поднимает брови. — Ты так молода. Без обид или чего-то в этом роде, я просто предположил, что мы примерно одного возраста.

— Вероятно, так оно и есть. Мне двадцать пять, и у меня шестилетние девочки-близняшки.

— Близнецы? Ты выглядишь потрясающе для того, кто родил двоих детей.

— Это было шесть лет назад, — смеюсь я, не добавляя, что стресс от того, что я мать-одиночка и не могу сама покупать достаточное количество продуктов, помог мне сбросить вес. Женщины выращивают внутри себя человеческих существ. Кого, черт возьми, волнует, если мы наберем несколько килограммов, у нас появятся растяжки или обвиснет кожа на животах?

Позвольте мне сказать это еще раз: женщины выращивают внутри себя людей. Это не что иное, как чудо, и внешность меркнет в сравнении с ним. Мне снова и снова говорили, как мне повезло, что у меня не появились растяжки, а я горжусь своим шрамом от кесарева сечения. Из меня вышел не один, а два крошечных человечка. Это чертовски круто.

— Ну, тем не менее ты выглядишь потрясающе.

— Спасибо, — говорю я с улыбкой. Этот комплимент был как раз тем, в чем я нуждалась, чтобы уменьшить боль в моем сердце из-за того, что я отправила девочек в детский сад. Я направляюсь к своему рабочему месту, бросаю сумочку и заглядываю в кабинет Александра Андреевича.

Он разговаривает по телефону, и, черт возьми, Александр сегодня прекрасно выглядит в темно-сером приталенном костюме. Действительно, странно, что большая часть его тела прикрыта, и тем не менее я нахожу, что он излучает сексуальную привлекательность. Он поднимает голову и ловит мой взгляд. Я слегка машу рукой и улыбаюсь, а затем направляюсь в комнату отдыха, чтобы взять кружку черного кофе на случай, если Александр снова захочет его.

Этим утром в комнате отдыха настолько много еды, что я останавливаюсь и моргаю, чтобы убедиться, что мне это не почудилось. Тут имеется даже повар в белом халате, и я почти уверена, что эти бокалы полны настоящего шампанского.

Почему я не начала работать здесь раньше?

— Доброе утро, — говорит парень двадцати с чем-то лет, входя в комнату. — Я — Петр, ассистент Дениса. Ты — Дарья, верно?

— Да, — отвечаю я, не отрывая взгляда от кофе. Я не хочу пролить ни капли. — Приятно познакомиться. Ты давно здесь?

— Не слишком. Всего семь месяцев. — Он берет стакан с апельсиновым соком. Все парни подкалывают меня и говорят, что это девчачий напиток, но я люблю хорошую Мимозу. Хочешь одну?

Слава богу, он это сказал, иначе я бы выпила залпом, прежде чем почувствовать алкоголь.

— Может быть, позже. Я не часто пью и еще не завтракала.

— Возьми одну, пока они не закончились.

— Так вы, ребята, часто этим занимаетесь? Едите яичницу с сосисками, выпивая?

Он кивает и протягивает повару тарелку, чтобы тот наполнил ее.

— Каждую пятницу. А в первый понедельник месяца мы ходим на массаж. Рад познакомиться с тобой, Дарья.

Я бросаю долгий взгляд на горячие блюда и заставляю себя оторваться от них. Надеюсь, смогу отнести Александру кофе, а потом прокрасться обратно за тарелкой завтрака для себя.

Он все еще разговаривает по телефону, поэтому я ставлю его кофе на свой стол и сажусь, просматривая календарь на день. Проходит несколько минут. Я оглядываюсь каждые тридцать секунд, чтобы посмотреть, говорит ли все еще Александр по телефону. Наконец дверь открывается, и он стоит на пороге. Я сразу включаю режим написания рассказа и представляю, как он срывает с себя рубашку и заводит кого-то — кто чисто случайно похож на меня — в тайную комнату в офисе, чтобы заняться страстной любовью.

Но потом я чувствую, как от него волнами исходит гнев.

— Доброе утро, Александр Андреевич.

Я встаю и беру чашку с кофе.

— Что ты делаешь? — спрашивает он.

— Принесла для вас кофе, — медленно произношу я, осознавая, что на нас пялится не один стажер. — А на что это похоже? — спрашиваю я с легким смешком и улыбкой. У меня приятная улыбка. Мама говорила, что это заразительно, и я могу перевернуть любую хмурость с ног на голову. Может быть, это и срабатывало, когда я была милой пятилетней девочкой, но прямо сейчас по какой-то причине это очень сильно бесит Александра.

— Если ты не относишься к этой работе серьезно, возможно, мне следует найти кого-то другого, кто это сделает.

Что? Нет. Я не могу потерять эту работу. Я даже не получу выходного пособия. Я пробыла здесь недостаточно долго.

— Я действительно отношусь к этому серьезно. Честно.

— Но ты опоздала.

— Я приехала сюда в восемь пятьдесят семь. А должна быть здесь в девять.

— Твой рабочий день начинается в девять. А это означает, что ты должна быть здесь и готова к этому времени. Ты мой помощник и должна помогать мне. А мне не очень помогает, что ты не приходишь вовремя, не так ли?

— Я... я... — Я запинаясь, подбирая слова. Александр разворачивается и марширует обратно в свой кабинет.

Проклятье. Я опускаюсь обратно в кресло и пытаюсь притвориться, что половина офиса только что не видела, как на меня накричали на второй день работы.

Эта работа не стоит такого стресса, и мне следовало остаться на своей старой.

Боже, я чувствую себя неудачницей из-за этих мыслей. Сейчас только утро второго дня, а я уже хочу бросить все. Мама была бы так разочарована во мне. Слезы наворачиваются на глаза при мысли о ней. Она была мне не только матерью, но и самой близкой подругой, даже в те трудные подростковые годы, когда я не хотела иметь ничего общего с родителями.

Мама была доброй и понимающей, и у нее было больше терпения, чем у меня когда-либо будет. Хотя она растила только одного маленького чертенка, а не двух.

Внезапно до меня снова доходит, что она никогда не встретится со своими внуками и что близняшки никогда не узнают, какой удивительной была их бабушка. Я только надеюсь, что смогу поделиться ее вдохновением с помощью историй о ней и сохранить память о ней живой на долгие годы.

Я отворачиваюсь от Александра и смотрю на календарь на своем столе. Слава звездам, что он будет занят на встречах до конца дня. Я принесу ему кофе — и изо всех сил постараюсь не плюнуть в него, — а потом буду держаться от него подальше. Его первая встреча назначена на десять, так что мне остается потерпеть еще всего лишь час.

Все в нем меня раздражает, и мне это не нравится. Я изо всех сил стараюсь не быть осуждающим человеком и не позволять таким мужчинам, как он, действовать мне на нервы. Я имею в виду людей, которые думают, что они — Божий дар человечеству. Которые думают, что они лучше всех, им все позволено — только потому, что у них есть деньги.

Пошел ты, Александр Фролов. И к черту твою безумно красивую внешность и твою точеную челюсть, которая каким-то образом уже покрыта идеальной щетиной, хотя сейчас всего девять утра. К черту твой дизайнерский костюм и твои часы, которые стоят больше, чем моя годовая арендная плата.

И самое главное — пошел ты к черту за то, что наполнил меня таким количеством негатива. Потому что, как бы я ни старалась убедить себя в обратном, одно я знаю наверняка: я ненавижу Александра Фролова.

Глава 8

Если есть что-то, от чего мне становится не по себе, так это чьи-то слезы. Может быть, потому, что в моей жизни было довольно много моментов, когда я сам хотел заплакать, но не позволял себе этого. Каждый раз, когда я чувствовал на себе ярость папиных кулаков. Каждый синяк, каждая разбитая губа. Каждая ложь о том, как это произошло.

Каждая ночь, когда мама плакала, пока не засыпала. Когда Ника пробиралась в мою комнату и пряталась под одеялом в моей кровати, боясь, что придет наш отец, пьяный, усталый и разглагольствующий о работе.

Я всегда держал себя в руках, никогда не позволяя себе слез. Мама сказала бы мне, что настоящие мужчины не плачут.

— Не позволяй своему отцу видеть твою слабость, — говорила она, когда слезы наполняли мои глаза, а боль от жестокого обращения становилась слишком сильной.

Так что я держал себя в руках.

Я все еще ненавижу себя за то, что постоянно искал его одобрения. Может быть, если бы я добился его любви, он перестал бы вымещать на мне свой гнев. Возможно, если бы он был горд мною, он позволил бы мне присоединиться к нему на воскресном обеде, когда встречался с инвесторами, объясняя им, почему они должны доверять его совершенно новой

компании.

Я уважал его. В конце концов, он был моим отцом, и с годами я увидел его в новом свете. Не просто жестокий негодяй, который превратил мою жизнь в сущий ад, а жестокий негодяй, который был умен, хитер и зарекомендовал себя в деловом мире.

Наша жизнь изменилась, а папа — нет. Только когда мне исполнилось шестнадцать и я стал крупнее и сильнее его — он поднял на меня руку в последний раз; тогда я ударил его в ответ, сломав ему нос и испачкав кровью одну из его дизайнерских рубашек.

Я знаю, это полный треш, но в следующие выходные я пошел на поздний завтрак с ним и членами правления. Если бы я знал тогда то, что знаю сейчас, я бы никогда не пошел с ним. Я был все еще молод, все еще юноша с полными надежды наивными глазами, который верил во второй шанс.

Я находил для него оправдания. Он зарабатывал много денег, и это была очень напряженная работа. Он зарабатывал много денег и всегда находился под давлением. Он зарабатывал много денег, так что быть ослом — нормально.

Несмотря ни на что, все всегда сводилось к одному: к деньгам.

Не поймите меня неправильно, мне нравится мой более чем комфортный образ жизни. Мне нравится мой дом и мои машины. Моя дизайнерская одежда, новейшие гаджеты и возможность нанять обслуживающий персонал. Все это помогает мне. Но... Это лишь вещи.

И когда я сижу здесь, наблюдая, как Дарья смахивает крупные слезы, которые собираются в ее глазах, я думаю о том, насколько хрупка жизнь и что в конце концов все не имеет значения. Я мог бы умереть в одиночестве в своем многомиллионном доме, окруженный всеми желаемыми вещами в мире, и ничто из этого не имело бы значения.

Крайне неприятное чувство тяжело оседает у меня в груди, и я борюсь с желанием утешить Дарью. Вытереть ей слезы и заставить улыбнуться. Я не знаю ее, но все же чувствую что-то внутри нее, что-то редкое и драгоценное. Этот свет, который я не хочу гасить.

Эти чувства меня пугают.

Мне не следовало быть таким резким. Я не хотел этого, и мне трудно поддерживать с ней профессиональные отношения, когда мои мысли о ней постоянно возвращаются к каким-то очень непрофессиональным.

Я серьезно отношусь к своей работе, и Дарья мне тоже нужна. Но мне не следовало так сильно переживать, хотя я знаю, что это было связано с надеждой, что она не примет мое предложение и вернется на свою старую работу этажом ниже, где мне не придется видеть ее красивое лицо или полные губы.

На самом деле я не придурок и не хочу им быть. Я рос с одним из таких и видел, какое опустошение это нанесло нашей семье. Легче закрыть свое сердце и притвориться, что у меня иммунитет к эмоциям. Какое-то время это работает, но потом все, что подавляешь, возвращается, обычно ночью.

Это удушает, напоминая мне, насколько я одинок, что люди, которые называют себя моими друзьями, совсем меня не знают. Это не их вина, потому что я тот, кто носит маску. Кто скрывает свою боль за выпивкой и вечеринками, делая вид, что живет своей лучшей жизнью каждый день недели.

Есть причина, по которой Дарья так сильно действует мне на нервы, и это не только потому, что я нахожу ее безумно привлекательной. Она излучает атмосферу идеальной соседской девчонки, но я думаю, что в ее случае, честно говоря, она даже не замечает этого. А другая причина здесь, кричит на меня из глубины моего сознания, но я отказываюсь

слушать.

Я еще не готов.

И даже если бы я это сделал, что с того? Она моя помощница. Запрещено. Я вообще не хожу на свидания и тем более не собираюсь связываться с кем-то с работы.

Я кладу руки на стол, собираюсь встать и подойти к ней, но я не знаю, что бы я сказал. Утешать и проявлять эмоции — не моё, но меня убивает сидеть здесь и ничего не делать. Я встаю как раз в тот момент, когда звонит ее телефон. Дарья шмыгает носом, встряхивается и отвечает на звонок, широко улыбаясь.

Собеседник, очевидно, не видит ее улыбки, но ей нужно убедить себя, что с ней все в порядке. У меня такое чувство, что это то, к чему она привыкла, и я снова испытываю интерес к ней. У нее есть близняшки, которые выглядят как ее мини-версии. Учеба в «Эрудите» обходится недешево, и, возможно, с моей стороны стереотипно предполагать, что если она отправляет туда своих детей, значит, она замужем за кем-то, кто зарабатывает больше денег, чем ассистентка без опыта работы.

И все же она не носит кольца, хотя в наши дни это мало что значит. Многим людям не нужен ярлык любви или брака. Однако вчера в ее глазах было отчаяние, когда она сказала, что ей нужна эта работа, и я не думаю, что мысль о том, чтобы расстраивать меня и рисковать повышением, привела ее на грань слез. Она боится потерять работу, потому что без нее ей — и ее детям — было бы плохо.

Я моргаю, отрывая от нее взгляд, и снова смотрю в свой компьютер. Сегодня у меня очередные встречи, и у меня нет времени на размышления о Дарье. Она — моя помощница. Она проработает здесь год, если вообще продержится так долго, а потом перейдет на какую-нибудь другую должность. Я не просто так отделяю свою личную жизнь от работы. Работа отнимает большую часть моей жизни, я ни в коем случае не хочу думать об этом, когда наконец оказываюсь дома и пытаюсь расслабиться.

И Дарья... Дарья, похоже, полная противоположность расслаблению. Она слишком игривая. Слишком разговорчивая и бодрая, хотя выглядит так, будто ей не помешал бы долгий сон и большой бокал вина. Интересно, что она... черт возьми. Мне нужно остановиться.

Она смеется над тем, что кто-то говорит по телефону, и улыбка озаряет все ее лицо. Она опирается локтем на стол и наклоняется вперед, записывая что-то в блокнот. Она сняла розовый свитер, который был на ней поверх черного платья, и одна из тонких бретелек упала с ее плеча. Она — водоворот вещей, которые не должны сочетаться друг с другом, но которые сочетаются. Мягкая и нежная, но в то же время странная и причудливая. Серьезная, но эмоциональная.

Желанная, но такая недостижимая.

Я все еще смотрю на нее, наблюдая, как этот по-детски выглядящий лимонный амулет болтается у нее на шее, когда она поднимает взгляд. Наши взгляды встречаются, и она снова замирает, все еще прижимая телефон к уху. Я отвожу глаза и снова смотрю в свой компьютер.

Она снова смеется, но выражение ее лица совершенно этому не соответствует. Она подыгрывает тому, кто говорит по телефону, и делает это чертовски здорово. Через несколько секунд она вешает трубку. Краем глаза я вижу, как она смотрит на меня, колеблясь, прежде чем встать.

Она останавливается у открытой двери и тихонько стучит.

— Александр Андреевич?

— Зови меня Алекс, — говорю я ей. — И заходи. Мне, э-э, жаль, что я сорвался. Я не жаворонок, поэтому по утрам бываю в не лучшем настроении.

Дарья слегка улыбается мне:

— Я тоже. Только что звонила помощница Дмитрия Григорьевича. Дмитрий хочет знать, можешь ли ты перенести встречу, которую должен был провести сегодня, на следующую неделю.

Проклятье. Это уже третий раз, когда он переносит встречу. Дмитрий — совладелец крупнейшей компании по производству игрушек в России. В прошлом году они выкупили другую компанию по производству игрушек, и теперь он является одним из крупнейших наших клиентов. Рич-пиар месяцами переманивала наших клиентов и, несмотря на их дурацкое название, смогла украсть несколько самых крупных.

Я больше не проиграю им, и я уверен, что постоянные переносы сроков Дмитрия связаны с той, другой пиар-фирмой. Однако он работает с нами уже много лет и был одним из первых крупных клиентов моего отца. Их последняя рекламная кампания, которую мы организовали для них, увеличила их доход на рекордный процент, и мы никогда не сталкивались с какими-либо проблемами. Зачем колебаться сейчас?

— Он назначил время, которое его устроило бы?

— Нет, он хотел, чтобы я сначала проверила твое расписание, а ты очень занят всю следующую неделю.

— Организуй эту встречу и перенеси все, что нужно, чтобы встретиться с Дмитрием. Он крупный клиент и наш приоритет.

— Сделаю. Ты, эмм, все еще хочешь кофе? Я могу разогреть его.

— Я возьму его, и разогревать не обязательно. В любом случае, к тому времени, как я доберусь до кофе, он обычно остывает, — говорю я, слегка улыбаясь, на что она отвечает широкой улыбкой:

— Мне знакомо это чувство. Если я не могу найти свой кофе, то обычно это потому, что я поставила его в микроволновку и забыла о нем. — Ее глаза задерживаются на мне еще на несколько секунд.

— Я перезвоню Софье и дам ей знать, чтобы она назначила встречу как можно быстрее.

— Спасибо, — говорю я ей, находя свет, вернувшийся в ее глаза, гораздо более привлекательным, чем мне хотелось бы. Она поворачивается, чтобы уйти.

— Дарья, — зову я.

— Да?

— Ты была дружелюбной по телефону с... С Софьей, не так ли?

— Я полагаю. Разве я не должна быть такой?

— Нет, на самом деле это хорошо. Не будь навязчивой, но, если сможешь, выясни, почему Дмитрий перенес встречу.

— Ладно. Я постараюсь. И, эмм, ты ведь хочешь этот кофе, верно?

— Да.

Кивнув, она поспешно выходит из моего кабинета и хватает белую кружку со своего стола.

— Спасибо, — говорю я и беру у нее кружку. Она выходит из офиса, а я возвращаюсь к работе, перечитывая досье клиента, пока Дарья снова не стучит в дверь.

— Александр Андреевич? Прости, я имею в виду, Алекс?

— Да?

Я сохраняю то, над чем работаю, и отворачиваюсь от компьютера. Дарья снова стоит в дверях, теребя маленький желто-лимонный амулет, висящий у нее на шее.

— Я поговорила с Софьей.

Я немного жду, но она не продолжает.

— И что?

— Она, эмм... Она думает, что Дмитрий, возможно, хотел бы обратиться в другую пиар-фирму.

Румянец разливается по ее груди, распространяясь по шее и щекам.

— Она сказала, почему?

Она теребит ожерелье и сочувственно смотрит на меня.

— Она думает, что это, возможно, связано с той статьей о тебе и моделях, опубликованной несколько недель назад, но я клянусь, что не понимаю, о чем она говорит.

Она напоминает мне малыша, который рассказывает о себе еще до того, как сделает что-нибудь плохое. Это так раздражающе очаровательно, что несколько секунд до меня не доходит смысл ее слов.

И тут меня осеняет.

Дерьмо. Я понял, о какой статье она говорит. Предполагалось, что она будет посвящена бизнесу и тому, что я один из самых молодых руководителей такой крупной компании, но вместо этого взяли другое направление и осветили недавнюю поездку в Анапу, в которой участвовали я, автобус для вечеринок, полный моделей нижнего белья, и обильное количество выпитого в те выходные алкоголя.

Я почти сразу же пожалел об этом. Не о сексе — секс был великолепен. А о той части, где я пытался убедить себя, что этого достаточно, чтобы заполнить пустоту внутри. Это было не так, и именно тогда я понял, что если тщательно продуманные, безумные выходные, наполненные горячими моделями, количеством алкоголя, которого хватило бы, чтобы убить слона, дорогими ужинами и гостиничными номерами, не смогут смягчить боль... Ничто не поможет.

Глава 9

Таня протягивает мне бокал розового вина.

— Выпьем за то, чтобы пережить первую неделю на новой работе!

Мы чокаемся бокалами.

— Прошло всего два дня, но мне все равно это кажется нереальным подвигом. Хотя на самом деле все не так уж и плохо. Ну, кроме того, что мой начальник — очень сексуальная заноза. Сегодня я посидела и поговорила с несколькими стажерами все семь с половиной минут, которые у меня были на обеденный перерыв, и они сказали, что считается комплиментом, если Алекс проходит мимо и не критикует то, над чем они работают.

— Похоже, он прекрасный парень.

— Думаешь? Хотя все стажеры были обрадованы тем, что оказались там. Они сказали, что включение этого опыта в резюме дает им гарантию, что они получают работу. Однако я не могу представить, что можно быть таким бесчувственным и бессердечным. Как ты думаешь, у него есть какая-то трагическая предыстория или что-то в этом роде?

— Не делай этого, прекращай придумывать истории для людей, — предупреждает Таня. — Некоторые люди просто придурки, хотя нет никакой реальной причины для этого. Я имею в виду — просто посмотри на своего начальника. Буквально посмотри на него.

Она достает свой телефон, быстро ищет в Интернете и открывает его фотографию. Или может быть, это реклама костюма от Гуччи, который на нем надет, потому что, черт возьми, он такой мрачный и задумчивый, погруженный в свои мысли.

— Он вырос с серебряной ложкой во рту и стал одним из самых молодых генеральных директоров в городе, потому что его папа владеет компанией. И он выглядит вот так. Я нахожу его привлекательным.

— Я все еще думаю, что что-то наверняка должно было случиться, что сделало его таким черствым. О! Может быть, он безумно влюбился в женщину, а она разбила ему сердце, переспав с его лучшим другом? Нет, с его отцом! И суть в том, что она секретарша его папы, и он вынужден видеть их вместе каждый божий день, счастливых и влюбленных.

— Вот это любовный роман, который я бы прочитала, но я бы хотела, чтобы он стремился отомстить. Я люблю мрачные повороты в романах. Бонусные очки, если кто-то умрет.

— Кто, отец или обманутая секретарша?

Таня пожимает плечами:

— Может быть, оба погибли в автокатастрофе? Или, может быть, они попадают в автокатастрофу, но у нее будет амнезия, и она не помнит, как бросила его ради отца, поэтому она просыпается с мыслью, что все еще любит Алекса.

— А потом они переспали только для того, чтобы понять, что она беременна, но они не знают, кто отец ребенка!

Мы обе начинаем смеяться, и Таня наливает еще вина в наши бокалы.

— Если когда-либо и был признак того, что в детстве мы смотрели слишком много телесериалов, то это он.

— Да, — говорю я, мысленно возвращаясь в то время. Моя мама посадила нас на сериалы; я помню, как она смотрела их по ночам, записывала на видеокассеты, чтобы быстро прокручивать рекламные ролики.

— Клянусь, только благодаря этому я смогла сдать испанский, — смеется Таня. — Ты и твоя мама, которые переводили для меня диалоги актеров, научили меня лучше, чем все уроки, которые я посещала.

— Я не говорю по-испански с девочками, — говорю я, и до меня вдруг доходит. Я всегда хотела, чтобы мои дети умели говорить по-испански так же, как и я. Моя мать родилась и выросла в Колумбии и приехала учиться в Россию, когда ей было восемнадцать.

Они с моим отцом встретились после того, как она пробыла в стране всего несколько месяцев, и это была любовь с первого взгляда. Судьба. Лучшая история любви.

Прямо как в телесериале.

Пока она не умерла от рака шесть лет назад. Ее родители до сих пор живут там, и мы приезжали к ним так часто, как только могли, пока мама не заболела. Я ни за что не смогу позволить себе в ближайшее время отвезти девочек к их прабабушке и прадедушке. Думать об этом все еще больно, и я быстро моргаю, чтобы сдержать слезы.

— Итак, скорее всего, Алекс не находится в странном любовном треугольнике с участием своего отца, но я все еще хочу верить, что у него есть какое-нибудь трагическое прошлое. Это заставляет меня не так сильно ненавидеть его. Ненавидеть человека, на которого работаешь, — отстой.

— Так и есть. Я ненавидела нашего прежнего директора, помнишь? Она превратила мою работу в сущий ад. Мы даже устроили вечеринку в тот день, когда она уехала.

— Я помню это. Ты сказала, что принесешь мне торт, а потом съела его, прежде чем добралась до моего дома.

— Ты никогда не забудешь об этом? — смеется она.

— Нет, пока не получу свой торт, — поддразниваю я и смотрю в конец коридора. Девочки крепко спят, прижавшись друг к другу в одной постели. Когда они наконец переросли свои детские кровати, я смогла позволить себе один довольно приличный матрас двойного размера. Они предпочитают спать вместе, и это хорошо, потому что в этой крошечной комнате помещается только одна кровать. У нас нет возможности жить в слишком комфортных условиях, но мы есть друг у друга.

— И, к слову о его отце — не говоря уже о любовном треугольнике, — между ними просто что-то странное. Его отец работает не так далеко от него, но они почти не разговаривают. Они даже не замечают друг друга, когда пересекаются в коридорах. Возможно, они заняты и пытаются быть профессионалами, но ты можешь представить, если бы мой отец работал со мной?

— Ты бы никогда ничего не успевала сделать, — смеется Таня. — Между шутками над папой и тем, что он постоянно спрашивает, не хочешь ли ты, чтобы он приготовил тебе что-нибудь перекусить.

— Правда? — Я смеюсь. — Не знаю. — Я замолкаю и качаю головой. — Я думаю, не самом деле я бы предпочла поверить, что есть причина, по которой он такой замкнутый, чем признать тот факт, что ты права и в этом мире есть придурки без всякой на то причины.

— Ты слишком хороший человек, Даша. И я сильно сомневаюсь, что Алекс расстроен отсутствием хороших отношений у него с отцом, когда он спит голым на кровати из денег.

Таня приподнимает бровь.

— Ты думаешь, люди действительно так делают? — Я подношу бокал с вином к губам. — Я имею в виду — спать на деньгах.

— Это фигура речи, дурочка, — смеется Таня. — Они прилипали бы к телу, и было бы неудобно.

— Только если ты будешь спать гольшом.

— Правильно. — Она медленно качает головой. — Я забыла, что ты странная и спишь в одежде.

— Спать гольшом намного удобнее, но, когда двое детей бесконечно забираются к тебе в постель в течение ночи, необходимо надеть хотя бы один слой одежды, прежде чем мне начнут мять грудь.

Таня смеется:

— Прокатиться на паровой тяге?

— Так я называю это, когда они прижимаются друг к другу и случайно зажимают мои бедные ягодицы между своим телом и матрасом.

— Я все время сплю гольшом с другими людьми. Но могу заверить, что со мной такого не случилось.

— Клянусь, это то, что могут делать только дети. Они способны причинять такую боль, какую ты даже представить себе не можешь, — говорю я с невозмутимым видом. — Роды — это только начало.

Таня снова смеется.

— Благодаря тебе я в очередной раз убеждаюсь в правильности своего решения не заводить детей. Твоих девочек и моих учеников мне более чем достаточно.

— Ты можешь посидеть с моими девочками в любое время, когда захочешь, — говорю я, подмигивая.

— О, я так и сделаю. Когда ты наконец пойдешь на свидание.

Я поджимаю губы и снова подношу бокал с вином ко рту.

— Я надеялась, что ты оставила эту тему, — ворчу я.

— Я никогда не отстану от тебя. Ты любишь любовь, моя дорогая. Ты — безнадежный романтик, и я хочу, чтобы ты была счастлива.

— Я счастлива, — настаиваю я. — Я в стрессе, встревожена и так нервничаю, что не могу спать по ночам, но я счастлива.

— Я шучу!

— Эта новая работа снимает большую часть стресса. На самом деле я подумываю о том, чтобы продать свой старый драндулет на запчасти и пользоваться служебной машиной как можно дольше.

— Разве не в этом смысл машины? Чтобы пользоваться ею?

— Да, но личное использование так и не было разрешено, а я не хотела спрашивать

Я делаю еще один глоток вина, принесенного Таней.

— Если бы школа дала мне машину, я бы оторвала эти чертовы колеса.

— Я не хочу делать ничего такого, что могло бы все испортить. Эта работа действительно может все изменить для нас. Мне платят вдвое больше, чем я зарабатывала раньше, что по-прежнему мало и просто показывает, насколько жалка зарплата за работу начального уровня.

— Вся эта история с тем, что тебе нужен опыт, выводит меня из себя, — говорит она, осторожно взбалтывая вино в своем бокале. — А с преподаванием все почти наоборот. Преподавателю с большим опытом работы будет трудно найти новую работу, потому что нанять его дороже, чем нового выпускника. Чушь собачья.

— Так и есть!

— Итак, ты думаешь, что со временем получишь повышение?

Я смотрю на розовую жидкость в своем стакане.

— У меня нет диплома, так что нет. Но, может быть... Просто, может быть, я смогу посещать вечерние занятия здесь или там и смогу сдать последние зачеты, которые мне нужны.

— Я знаю, ты сможешь. Ты умная, Даша. — Она допивает вино и ставит бокал на стол. — Девочки рады, что наконец пойдут в новую школу в понедельник?

— Да. Я думаю, они все еще думают, что это будет похоже на детский сад, где практически бесконечный игровой день с перерывами на обед и сон.

— Первая неделя или две заполнены большим количеством игрового времени. Наверное, мне не следует этого говорить, поскольку это моя работа, но чертовски безумно ожидать, что шестилетние дети будут вести себя прилично пять дней в неделю в классе.

— Мне грустно думать, что их детство практически закончилось.

— Не надо так драматизировать, — Таня закатывает глаза. — Мы действительно много играем в перерывах между уроками. Хотя к концу года родители будут спрашивать меня, в какой университет, по моему мнению, поступит их ребенок. Это всего лишь начальная школа.

— Ты шутишь.

— Я бы хотела шутить. Некоторые из этих родителей уже планируют академическое

будущее своих детей, что выражается в поиске способов сделать так, чтобы они занялись бизнесом и зарабатывали много денег, как их дорогой папа.

— Вот именно. Тебе удалось выяснить, кем Гриша приходится Александру и почему он там оказался?

— Удалось! Мама Гриши — сестра Александра — хирург. Она проводила операцию во время собрания. Александр пришел с Гришей вместо нее.

— Это мило.

— Так и есть. Вот видишь, у него есть семья. Он не настолько одинок.

— Хорошо, но я все равно собираюсь придумать, что у него была какая-то травма в прошлом, и как только он испытает настоящую любовь, он превратится в самого милого мужчину в мире.

Таня смеется и качает головой:

— Просто смени его имя, когда будешь писать о нем в том суперсекретном дневнике.

Я драматически вздохнула:

— Ты не должна была знать об этом!

— Дорогая, я знаю об этом уже много лет и читала его в институте. Ты действительно могла бы стать писателем. Эти истории и правда увлекательны.

— Я не могу поверить, что ты это прочитала!

— Чаще всего ты оставляла его на своей кровати. Я думаю, это было твое подсознательное желание, чтобы кто-нибудь прочитал его и сказал наконец, что у тебя талант.

— Я всегда знала, что хорошо пишу.

— Может быть, тебе стоит выбрать что-нибудь одно? Напиши книгу и предложи её какому-нибудь издательству.

— Ты говоришь так, будто это легко.

— О, поверь мне, я знаю, что это не так. Но попробовать стоит, не так ли?

Раньше я тешила себя мыслью, что когда-нибудь смогу стать писателем, но это казалось таким же надуманным, как один из тех шансов на миллион.

— Может быть, — говорю я ей, не желая полностью отмахиваться от этого. — Но только по одной работе за раз.

— Справедливо. — Она кладет телефон на журнальный столик. — Ну вот, теперь я захотела посмотреть телесериал. Готова к сумасшедшему пятничному вечеру? Вино, драма, и я думаю, что можно еще заказать пиццу.

— Мне нравится этот план.

Я делаю еще глоток вина и встаю, чтобы взять пульт от телевизора. Мне пришлось отключить кабельное телевидение и все сервисы, но Таня позволяет нам пользоваться ее аккаунтом от онлайн-кинотеатров.

Мы тратим минуту на поиски чего-нибудь интересного для просмотра и уже досмотрели половину первого эпизода, когда приносят пиццу. Съедаем половину, а остальное я убираю в холодильник, радуясь возможности удивить завтра девочек пиццей на обед.

Мы посидели еще час или около того, а затем Таня ушла на свидание в бар в центре города. Выходить на улицу и общаться с людьми всегда было ее коньком, и хотя в большинстве случаев я бы предпочла остаться дома с книгой или достойным выпивки телешоу, иногда я чувствую себя немного подавленной из-за того, что у меня нет

возможности выйти куда-нибудь.

Что, конечно, заставляет меня чувствовать себя неловко. Я не могу никуда выйти, потому что у меня двое замечательных детей, которых я люблю больше жизни. Это не эгоистично — время от времени хотеть отдохнуть и развлечься. Думаю, на самом деле для девочек я была бы лучшей мамой, если бы у меня хоть иногда было время для отдыха.

Чаще всего я слишком устаю физически или морально, чтобы играть с девочками, и мне кажется, что я всегда куда-то спешу, пытаюсь что-то успеть сделать. Папа и Таня помогают, чем могут, но они тоже работают.

Я бы не смогла пройти через это без них, и то время, что я была беременна, действительно показало мне, кто мои настоящие друзья. Я общалась с людьми, и у меня было несколько друзей в школе.

Они задержались в моей жизни на достаточно долгое время, чтобы застать рождение моих девочек, но после этого меня перестали приглашать куда-либо, потому что они думали, что я все равно скажу «нет». Это в большинстве случаев было правдой, но все равно становилось обидно. Все происходило всего через несколько месяцев после того, как я потеряла маму.

Это, конечно, было темное время в моей жизни. Но, как мама постоянно говорила мне, — приготовь лимонад.

В течение года мой лимонад был кислым. Едва ли пригоден для питья. Но я научилась справляться с этим, и в конце концов все наладилось.

Лимонад стал слаще.

Я стягиваю футболку через голову и иду в ванную, чтобы принять душ. Включаю воду и снимаю остальную одежду. Мой телефон звонит сразу, как только я начинаю мыться. Я выбегаю как сумасшедшая и поскользываюсь на ламинированном полу.

Никто обычно не звонит мне после десяти вечера, если только это не срочно. В моей голове проносится миллион и одна вещь, которые могли бы случиться: с папой произошел несчастный случай на работе. На него напали. Ограбление. Выстрел. Кавалер Тани оказался убийцей, и полиция звонит мне, потому что я была последней, кому она звонила.

Но это не папа и не Таня.

Это Александр.

— Что? — бормочу я и тянусь за полотенцем, висящим на крючке рядом с душем. Я возвращаюсь на коврик для ванной и неуклюже обматываю себя полотенцем одной рукой, пока другой отвечаю на телефонный звонок.

— Алло?

— Дарья. Это Алекс.

— Да, я, эмм, сохранила твой номер. Все в порядке?

Может, он ввязался в горячую ссору, вызванную страстью, потому что я была права насчет любовного треугольника и его нужно вытащить из тюрьмы под залог?

— Да, а почему нет?

— Ты звонишь мне в двадцать два тридцать в пятницу.

— О, точно. Я не подумал, что уже поздно. Извини, если помешал.

— Ты не помешал. Я была в душе и запаниковала, когда услышала телефонный звонок, так что теперь я голая, и вода стекает по всему телу на пол моей ванной.

Алекс смеется, и мое лицо становится ярко-красным. Вот почему мне не следует пить. Полбутылки вина — а у меня уже нет фильтра.

— Ну, тогда мне жаль, что я напугал тебя.

— Ты все еще в офисе? — спрашиваю я и закрываю дверь ванной. Я оставляю ее открытой, когда принимаю душ, чтобы слышать, как девочки встают, однако сейчас не хочу будить их разговором.

— Да, я завершаю один проект. Вот почему и звоню.

— Ой. Тебе ведь не нужно, чтобы я сейчас приехала?

— Нет, но если бы ты смогла проверить свою электронную почту, было бы здорово.

— Конечно. Какое именно письмо мне нужно найти?

— Электронное письмо от одного из стажеров, который работал над проектом «Дженинг-рекордс».

— Хорошо.

Я убираю телефон от уха и открываю свою электронную почту. У меня есть возможность использовать рабочий телефон для звонков и электронной почты, но так достаточно сложно следить за происходящим. Одного телефона мне вполне достаточно. Я захожу в рабочую папку и вижу множество электронных писем.

Александр предпочитает, чтобы электронные письма сначала могла прочитать я, а потом переслать ему только те, что ему действительно нужно видеть. Я нахожу письмо от стажера и пересылаю его по электронной почте.

«Отправлено».

— Спасибо тебе, Дарья, — говорит он, и это странное чувство печали возвращается. Работать так поздно в пятницу немного грустно, не так ли? Может быть, это снова говорит вино. Я становлюсь немного эмоциональной, когда выпиваю. Я напоминаю себе, что сказала Таня. Я уверена, что Алекс работает допоздна, чтобы заработать побольше денег.

— Ты часто работаешь допоздна по пятницам? — спрашиваю я.

— Если есть необходимость. Я предпочитаю не задерживаться в офисе так долго, но у меня планы на выходные, и я не хочу, чтобы меня беспокоили.

— В этом есть смысл. Я бы тоже не хотела думать о работе в выходные. — О, черт. Я только что сказала своему начальнику, что не хочу думать о работе, намекая на то, что мне не нравится моя работа. — Не то чтобы мне не нравилась моя работа или что-то в этом роде. Она мне действительно нравится, хотя прошло всего лишь...

— Все в порядке, Дарья. — Он смеется, и это чувство печали начинает превращаться во что-то другое. Может быть, тепло? Это первый раз, когда я слышу, как он смеется.

— Что ж, надеюсь, ты хорошо проведешь выходные. Я уверена, что они будут более насыщенными, чем мои.

— У тебя нет никаких планов?

— Ничего особенного, просто провести время со своими детьми. Я, наверное, посмотрю «Гарри Поттера», прежде чем лечь спать сегодня. Или «Мстители: Финал».

— Я еще не видел «Мстителей: Финал».

— Что? Как не видел? А ты смотрел «Войну бесконечности»?

— Конечно, и мне понравилось.

Я недоверчиво моргаю.

— Тогда как же ты не умер в ожидании выхода «Финала»?

Он снова смеется.

— Я полагаю, что часть меня не готова к этому. Я знаю, кто умрет. Я мог бы поискать спойлеры.

— Серьёзно?

Теперь я смеюсь.

— Серьёзно, и я не знаю, смогу ли заставить себя посмотреть это, — признается он.

Я улыбаюсь, находя все это в некотором роде милым.

— Я бы никогда не приняла тебя за фаната Marvel.

— Я бы тебя тоже.

— О, я тот ещё ботаник. Комиксы, фэнтези, научная фантастика... Мне все это нравится.

— Фильмы или книги?

— И то, и другое! — восклицаю я и откидываюсь назад, все еще улыбаясь. — Я люблю читать, но у меня не так много времени. Я чувствую себя старой, признаваясь, что, когда сажусь вечером почитать, в конце концов засыпаю.

— Мне нравятся аудиокниги, — говорит он мне. — Я слушаю их, когда веду машину.

— Вообще-то это хорошая идея. Надо будет как-нибудь попробовать.

— Да, это очень удобно.

Проходит несколько секунд тишины.

— Я, пожалуй, позволю тебе вернуться в душ, — говорит Алекс.

— Хорошо. А то мне уже становится холодно, потому что я все еще голая.

Я крепко зажмуриваю глаза. Почему я только что это сказала?

— Я увижу тебя в офисе в понедельник.

— Да. В понедельник. В офисе. Спокойной ночи.

— Тебе тоже. Пока.

Я кладу телефон и опускаю голову на руки. Если бы была награда за самую неловкую реплику, самую странную, на грани неуместности, то я бы ее выиграла.

Утро понедельника обещает быть веселым.

Хотя на самом деле... Я не боюсь. Потому что этот короткий разговор с Алексом заставил посмотреть на него как на реального, живого человека, а не как на бессердечного робота.

Это делает его — осмелюсь сказать — почти симпатичным.

Глава 10

— Привет, Алекс!

Гриша спрыгивает с качелей, приземляется и падает на колени. Он тут же вскакивает, невредимый, но я не могу сказать того же о его штанах, на которых теперь видны ярко-зеленые пятна от травы. Ника, которая суется над красными и синими воздушными шарами, только вздыхает и качает головой. Гриша на полной скорости пробегает через двор, приближается к краю бассейна. Это заставляет меня нервничать, и я бросаюсь вперед, готовый в любой момент поймать его, если понадобится. Он брал уроки плавания, но унаследовал спортивные способности своей матери, которых, собственно, у нее нет.

Гриша прыгает ко мне в объятия, и я поднимаю его, крепко обнимая, прежде чем опустить обратно.

— Мой праздник скоро! — Он так взволнован, что не может устоять на месте. — Посмотри на украшения!

— Выглядит неплохо, приятель, — говорю я и оглядываю лужайку. — Сколько еще тебе придется ждать?

— Долго, — драматично скулит он, откидывая голову назад и заставляя меня

смеяться. — Ты останешься на праздник?

— Я бы хотел, — говорю я ему. — Но мне нужно успеть на самолет и улететь во Владивосток.

— Что ты там будешь делать?

— Работать.

По-видимому, отказавшись от воздушных шаров, Ника подходит ко мне. Ее волосы красиво уложены, и на ней розовое платье. Шестой день рождения Гриши во вторник, а вечеринка по этому случаю состоится сегодня. Я не в курсе, но Ника уже упоминала, что имеется огромное социальное давление, требующее устроить грандиозную, продуманную и идеальную детскую вечеринку.

Мне это кажется нелепым, поскольку все это шоу предназначено лишь для того, чтобы родители похвастались друг перед другом. Дети просто хотят пиццу, торт и надувной домик. Ника действительно выложила по полной для этой вечеринки в стиле Marvel. Я смотрю на большой снимок Капитана Америки и думаю о Дарье.

И о том, как она сказала, что была голой и мокрой.

Ее образ сразу же возникает у меня в голове. Капли воды медленно стекают по ее длинным темным волосам, падают на грудь, скатываясь по нежному изгибу талии и бедер. Ее щеки покраснелись от горячей воды, а кожа была теплой на ощупь.

Черт, я не могу сейчас думать об этом. Или вообще когда-либо еще. Она работает на меня. Я не могу думать о ней в этом направлении. Вместо того, чтобы думать о том, как странно легко было с ней разговаривать, мне нужно сосредоточиться на том, какая она раздражающе бодрая. Какая она рассеянная, хотя изо всех сил старается это скрыть.

— Хочешь открыть свой подарок прямо сейчас? — спрашиваю я Гришу, ероша его волосы.

— Да! Можно мне, мам? Можно? — он подпрыгивает на месте.

Ника пристально смотрит на меня.

— Ну, я не могу сейчас сказать «нет», не так ли? Давай зайдем внутрь.

Гриша бежит впереди, а мы с Никой следуем за ним. Она на несколько лет старше меня, и, хотя у нас было немало ссор, мы всегда были близки. Полагаю, ничто так не сближает братьев и сестер, как жестокий отец и небрежная мать. Однажды она сказала мне, после того как перепила коктейлей на вечеринке, что забота о моих травмах, нанесенных папиными кулаками, — это то, что заставило ее захотеть стать врачом.

Мама никогда не хотела, чтобы кто-нибудь знал, что происходит за закрытыми дверями, и часто преуменьшала боль, которую я испытывал каждый раз, когда папа замахивался на меня. Ника никогда этого не делала, и, хотя она моя старшая сестра, я отчаянно защищаю ее. Если бы какой-нибудь мужчина когда-нибудь дотронулся до нее хоть пальцем, я бы так его отделал, что ему повезло бы, если бы он смог после этого ходить.

— Лучше бы ты не дарил ему ничего очень дорогого. — Ника входит в дом. — Мы пытаемся научить его быть более минималистичным в материальном плане.

Я поворачиваюсь и указываю рукой в направлении заднего двора, с которого мы только что пришли.

— Хорошая идея с минимализмом. Все настолько минималистично, что я даже не заметил, что у вас намечается вечеринка.

— Издеваешься, как всегда. — Она закатывает глаза. — И я не шучу! Я же просила тебя не сходить с ума с подарком в этом году.

— Итак, ты считаешь, что ключи от четырехколесного автомобиля, который он просил, — это безумие?

Ника резко оборачивается, широко раскрыв глаза.

— Скажи, что это шутка, или ты будешь тем, кто скажет ему, что он не может этого получить! Здесь негде на нем покататься!

— Ладно. На самом деле я не покупал ему этого.

— Алекс, — ругается она, — что ты ему подаришь?

— Набор для выращивания кристаллов, который он просил — серьезно, ваш ребенок — ботаник! И пропуск на катание на картингах на крытом треке.

Ника улыбается.

— Ему это действительно понравится. Я знаю, что наши графики работы — отстой, и мы оба сильно заняты, но он наслаждается каждой минутой, которую может провести с тобой.

— Мне тоже нравится проводить с ним время.

— Мы с Кириллом как раз говорили о семейном отпуске. Его сестра хочет присоединиться, и было бы здорово, если бы ты тоже поехал... И взял кого-нибудь.

— Не начинай, — предупреждаю я, тон выходит резче, чем я хотел. Последние три года Ника раздражающе настаивала на том, чтобы я изменил свой образ жизни холостяка, остепенился и завел собственную семью и детей.

Я открываю рот, чтобы сказать ей, что мне нравится быть одиноким, встречаться с девушками и не связывать себя никакими обязательствами. Я свободный и могу делать все, что захочу.

Но ложь требует слишком больших усилий, а это именно ложь.

— В моей хирургической бригаде есть очень симпатичная одинокая медсестра, — продолжает она, полностью игнорируя мою просьбу прекратить этот разговор. — Я могу свести вас. Я думаю, она бы тебе действительно понравилась.

— Конечно. Познакомь нас. И позаботься о номере в отеле на ночь.

— Отвратительно.

Она корчит гримасу и закатывает глаза. Ника зовет Кирилла, своего мужа, вниз, и мы все идем искать Гришу, который не слишком терпеливо ждет, чтобы открыть свой подарок от меня.

Конечно, он ему понравился.

— Ну, приятель, — начинаю я, глядя на время на своих часах. — С наступающим Днем рождения!

— Не уходи, дядя Алекс. Останься на мой праздник!

— Дядя Алекс должен уехать, — напоминает Кирилл Грише. — Он должен сесть в самолет и сделать вид, что работает, выпивая виски и посещая рестораны. — Он смотрит на меня и смеется. — Похоже, у тебя был ужасный день в офисе.

— Бывало и похуже. — Я смеюсь. — Это будет быстрая поездка туда и обратно. Ничего слишком расслабляющего.

— Привези мне выпивки, — добавляет Ника с улыбкой. — Можно сказать, что это маркетинговый ход. Если мне понравится, я закажу еще.

— Поверь мне, она так и сделает, — шепотом говорит Кирилл, обнимая Нику, и наклоняется для поцелуя.

— Отвратительно. — Гриша морщит нос.

— Согласен, — говорю я ему, подмигивая. — Хорошей вечеринки, приятель. И не ешь слишком много торта.

Он обнимает меня на прощание, и Ника провожает меня до двери.

— Спасибо, что заглянул, — говорит она, выходя на крытое кирпичное крыльцо. — Это действительно много значит для Гриши. Поскольку в последнее время Кир так много разъезжает по работе, я думаю, Гриша хочет, чтобы в его жизни был какой-нибудь мужской образец для подражания.

— Подожди. Постой. Ты только что назвала меня образцом для подражания?

— Я не говорила, что ты хороший парень.

Она смеется.

Ника быстро обнимает меня.

— Счастливого полета. Откуда ты вылетаешь? И какой номер вашего рейса?

— Вероника, — говорю я строго. Она всегда нервничала, когда дело касалось перелетов. И когда несколько лет назад она оказалась в самолете с отказавшим двигателем, ее нервы переросли в настоящий страх. — Со мной все будет в порядке. Ты же знаешь, что у меня больше шансов погибнуть по дороге в аэропорт, чем попасть в авиакатастрофу.

— Это должно помочь мне?

— Лучше побеспокойся о моей печени. Я уверен, что в эти выходные мне придется работать сверхурочно из-за того количества виски, которое я буду употреблять.

Она качает головой и пытается смотреть на меня так, словно я пациент, которому она собирается прочитать лекцию о том, как серьезно нужно относиться к своему здоровью.

— С этим тоже будь осторожен..

— Со мной все будет в порядке. А когда вернусь, я найду время, чтобы потусоваться с Гришей.

Ника сияет.

— Он обалдеет от счастья.

Я улыбаюсь в ответ.

— Жду с нетерпением.

Глава 11

— Сиди спокойно, — говорю я в сотый раз за это утро. Изо всех сил стараюсь сохранять хладнокровие, но мое терпение уже на исходе, а мы на ногах всего двадцать минут.

Именно поэтому у меня вот-вот совсем иссякнет самообладание.

Вика была слишком взволнована перед школой и не могла уснуть прошлой ночью. Поэтому, естественно, она не давала спать своей сестре. В конце концов мне пришлось разделить их. Я положила Полину в свою постель, а Ви оставила в их комнате. Каждой потребовалось около двадцати минут, чтобы успокоиться и наконец уснуть... Это заставило меня понервничать, и теперь я ничего не успевала.

Белье не было ни сложено, ни даже рассортировано. Посуда простояла в раковине так долго, что потребуются кипяток и обезжириватель, чтобы удалить с нее засохшие остатки еды.

А потом я совершила ошибку — или, может быть, спасительную милость: заглянула в свою рабочую электронную почту прямо перед ужином. И, черт возьми, я ни за что не смогу взять полный выходной и при этом остаться в курсе событий. Я чувствую, что мне нужен помощник просто для того, чтобы быть помощником Александра.

Я не знаю, как Филиппу это удавалось, но одного дня обучения по телефону было явно

недостаточно. С его слов это так просто, и я полагаю, что по сути так оно и есть. Я помогаю Алексу выполнять его работу. Отвечаю на электронные письма, готовлю ему кофе, выполняю поручения, отвечаю на его телефонные звонки и назначаю встречи. Мне повезло, что он держит свою личную жизнь в секрете, иначе я бы чувствовала себя как Энн Хэтэуэй в фильме «Дьявол носит Prada».

Я потратила три часа, отвечая на все электронные письма, которые могла, пересылая остальные Алексу или стажерам, занимающимся конкретным проектом, и делая перекрестные ссылки на несколько файлов, которые понадобятся Алексу для его утренней встречи.

— Полина, — говорю я сквозь стиснутые зубы, — когда же ты наконец запомнишь, что для того, чтобы я смогла сделать тебе прическу, ты должна сидеть спокойно, не двигаясь? Ты уже достаточно взрослая, чтобы знать, как сидеть смиренно.

Блин, я чувствую себя заезженной пластинкой.

— Я не шевелюсь, — скулит она. — Я просто двигаю глазами, мам..

— Малыш, ты не просто двигаешь глазами. — Я откладываю щетку и беру лак для волос. — А теперь закрой глаза.

Подождав немного, я сбрызгиваю ее макушку лаком для волос и зачесываю волосы назад. Таня принесла большие розовые банты, сказав, что многие девочки в школе носят их. Они слишком велики, но до смешного милы, а поскольку все носят одинаковую форму, красочные банты — хороший способ придать немного индивидуальности.

— Теперь все?

Полина драматично откидывает голову назад как раз в тот момент, когда я завязываю бант, в результате чего большая прядь ее волос выбивается из хвоста.

— Ну, отлично.

Я закрываю глаза и стискиваю зубы. Сегодня первый день в новой начальной школе. Очередное утро, которое меня убивает.

— Пожалуйста, ради всего святого. Сиди и не двигайся.

Я вытаскиваю ленту из ее волос и начинаю все сначала. Второй раз прическа получается замечательно, и тогда я перехожу к Вике. Вселенная бросила мне кость, и она сидела совершенно неподвижно, пока Полина демонстрировала свои новые навыки в натягивании колготок.

— Хорошо, мои маленькие ученицы начальной школы, — говорю я со слезами на глазах. — Возьмите свои досочки и, пожалуйста, не пачкайте их, пока я не сделаю несколько снимков.

Папа купил мне простые квадратные классные доски, и после того, как я потратила несколько часов на работу, я потратила еще час, пытаюсь создать дизайн для досок в стиле «Первый день в школе». Их девочки будут держать на фотографиях.

Затем я встаю напротив входной двери и включаю все лампы в этой крошечной квартирке. У нас есть окно за нашим обеденным столом и по одному в каждой спальне. Я не уверена, соответствует ли это стандартам пожарной безопасности, но можно сказать наверняка: окна почти не пропускают света.

— Улыбнитесь! — говорю я девочкам и прохожу через череду вымученных улыбок и кривляний, прежде чем получаю достаточно хорошие фотографии. Я отправляю их папе сообщением и по электронной почте своим бабушке и дедушке, которые проверяют электронную почту всего несколько раз в месяц. Я делаю еще несколько фотографий, а

потом осознаю, сколько времени.

— Вот дерьмо.

— Мамочка сказала — дерьмо! Мамочка сказала — дерьмо! — скандирует Полина, в то время как Вика истерически смеется. Я просто закатываю глаза и подлетаю к столу, хватаю свою сумочку и засовываю ноги в туфли.

Помимо вчерашних бантов, Таня привезла более тонны обуви и одежды, которые она купила в Интернете — по ее словам, в основном, когда была пьяна. Но она не может надеть это в школу, так как у них строгая форма одежды для учителей.

Как мама двух учениц престижного заведения, я должна была одеваться «красиво», но не прикладывать столько усилий к своей внешности, как сейчас. Сегодня на мне шелковое платье, которое, осмелюсь сказать, мне очень идет. Этим утром я надела единственный бюстгальтер пуш-ап, который у меня есть, и степень декольте, которое я демонстрирую, кричит о том, что «у нее есть сиськи, и она ничего не может с этим поделать». У меня всегда была хорошая грудь, и когда я кормила близняшек, ее размер увеличился вдвое. Я смогла кормить грудью лишь три месяца, чем до сих пор очень горжусь. И после того, как у меня закончилось молоко, увеличившийся размер моего бюста никуда не делся.

У нас с Таней одинаковый размер обуви — мы это выяснили сразу, как познакомились, что привело к частому обмену обувью за годы нашей дружбы. Ее слабостью всегда были туфли на высоком каблуке. Честно говоря, я не знаю, как она выдерживала целый день в таких туфлях. Учить и воспитывать маленьких неуправляемых деток в начальной школе достаточно сложно само по себе, не говоря уже о семисантиметровых каблуках.

Красные туфли на каблуках, которые я надела, идеально сочетаются с платьем, и я спала с заплетенными в косы волосами, чтобы сегодня утром они были волнистыми, создавая иллюзию того, что я действительно потратила время и усилия на их укладку. Я правда хочу делать прическу и макияж каждое утро перед работой, но, черт возьми, у меня нет на это ни сил, ни времени.

Я обнимаю и целую девочек, затем выхожу, запирая за нами дверь квартиры. В коридоре, ведущем от нашей квартиры к выходу, всегда пахнет сигаретами и мочой. Я беру каждую девочку за руку и убыстряю шаг, не останавливаясь и не позволяя себе оглядываться, когда мы проходим мимо открытой двери. Вполне возможно, в этой квартире мог быть труп, или, что более вероятно, кто-то вырубился голым из-за того, что слишком много выпил прошлой ночью. Я не могу дождаться, когда увезу отсюда девочек, чтобы жить где-нибудь, где мне не захочется задерживать дыхание, выбегая из своего дома на улицу.

Мы добираемся до машины и усаживаемся в рекордно короткие сроки. Девочки достаточно взрослые, чтобы сидеть в креслах-бустерах и без ремней безопасности, но я к этому не готова. Ремни безопасности кажутся намного надежнее, а обе мои девочки могут быть такими неуправляемыми, что я боюсь, чтобы они не вывалились из машины, пока я за рулем.

— Вы рады, что идете в школу? — спрашиваю я, выезжая с крошечной парковки у дома.

— Ты уже спрашивала нас об этом, мам, — говорит Вика бесстрастным голосом. Я смеюсь. — Что ж, я спрашиваю еще раз. Рады?

— Да, — говорят они в унисон.

— А тетя Таня будет вашей учительницей.

— Мы знаем, мам, — напоминает мне Полина. — Ты нам уже говорила.

— Мне позволено повторяться. — Я отрываю взгляд от дороги и оборачиваюсь ровно

настолько, чтобы посмотреть на моих красавиц. — Я старая.

Они смеются, и я улыбаюсь, несмотря на беспокойное утро и недосып.

— Там у вас будет обед, — говорю я им — тоже в миллионный раз. — Тетя Таня сказала, что еда очень вкусная, и вы сможете выбрать все, что захотите!

— А как я узнаю, куда идти? — спрашивает Вика, немного нервничая.

— Кто-нибудь тебе покажет. Либо ваш учитель, либо ученик постарше. — Таня рассказала мне, что пятиклассники приходят в корпус начальной школы и «усыновляют» учеников на первую неделю.

— Но что, если я заблужусь?

— Не переживай, ты не заблудишься, — заверяю я ее.

— Я найду тебя, Ви, — говорит Полина и тянется, чтобы взять сестру за руку. Мое сердце тает, и улыбка возвращается вместе со слезами, которые я пытаюсь сморгнуть. Я пообещала себе, что не буду плакать, и это не первый раз, когда мои девочки будут вдали от меня.

Я действительно безудержно рыдала, когда впервые отвезла их в детский сад на весь день. Это была такая боль, к которой никто не мог меня подготовить. И от того, что я так сильно скучала по своим девочкам, и от того, что поняла, что из женщины с карьерой в приоритете я превратилась в маму.

Маму, которая отдала бы все, чтобы остаться дома и заботиться о своих детях.

Маму, которая будет скучать по первым словам и первым шагам своих девочек.

Я еще раз украдкой бросаю взгляд на девочек в зеркало заднего вида. Жизнь сложилась не так, как я планировала... Совсем не так. Не идеально. Черт, иногда моя жизнь очень сложна, действительно чертовски сложна. Но вещи не обязательно должны быть идеальными и легкими, чтобы быть прекрасными.

— Дарья! — Регина машет мне. Сегодня ее макияж и образ в целом на высоте, и я сильно подозреваю, что у нее дома есть личный стилист, потому что эти косички из ее светлых волос уж очень замысловаты!

— Привет, — говорю я в ответ и вытираю слезу с глаза, надеясь, что не размазала тушь. Рядом с Региной стоит невысокая женщина с короткой стрижкой боб. Я помню, что видела ее на собрании, но не могу вспомнить ни ее имени, ни ребенка, с которым она пришла сюда.

Я просто высадила девочек и ушла из школы. На сердце у меня тяжело и в то же время радостно. Мои дети растут, и время действительно летит очень быстро.

— Посмотри на себя, — говорит Регина, когда я подхожу к ней. Она оглядывает меня с ног до головы и шевелит бровями. — Черт возьми, дорогая.

Я смеюсь.

— Ты смотрелась в зеркало? Выглядишь великолепно.

Брюнетка с короткой стрижкой смеется.

— Правда? Я все время говорю ей, что она могла бы вернуться к своей карьере модели без каких-либо проблем.

— Ты раньше работала моделью — Мои брови взлетают вверх. — Не то чтобы я удивлена. Ты великолепна.

Регина машет рукой в воздухе, отмахиваясь от комплиментов.

— Оставалось либо это, либо найти настоящую работу, а я никогда не стремилась к ней. Кроме того, у меня появились растяжки после вынашивания близнецов.

— У меня растяжки от вынашивания одного ребенка, — смеется брюнетка. — Хотя,

если честно, они были у меня еще до того, как я забеременела.

У нее легкий акцент, и в ней есть определенная энергия, которая немного притягивает, как будто она пригласит вас на сладкий чай с печеньем, и это будет самый лучший, черт возьми, сладкий чай с печеньем, которые вы когда-либо пробовали.

— Дарья, это Катя. Катя, Дарья, — представляет Регина. Она наклоняется ближе ко мне и, касаясь губами моего уха, тихо говорит:

— Она хорошая.

— Так приятно с тобой познакомиться, — говорит мне Катя и берет мою руку в свою. — Регина сказала, что ты мать этих очаровательных близняшек.

— Так и есть. И мне жаль, но я не могу вспомнить тебя по собранию.

— О, милая, все в порядке. Я вообще не могу сопоставлять лица с именами и просто запоминать имена в целом. Лиза — моя девочка. Примерно такого роста, — она прижимает руку к бедру, — и у нее черные вьющиеся волосы, совсем как у ее папочки.

— Она тоже учится в классе Татьяны Рагозиной?

— Так и есть! И мы просто в восторге. Все хотят к Рагозиной.

Я улыбаюсь, делая мысленную пометку рассказать Тане об этом. Ей будет приятно слышать, как все хотят, чтобы она стала учительницей их детей.

— Мы собираемся позавтракать и поплакаться в наши коктейли, — начинает Регина. — Ты должна присоединиться к нам, и я не приму отказа.

— Я бы с удовольствием, — говорю я ей и чувствую себя немного подавленной из-за того, что впервые завожу подруг-мамочек, но не могу потусоваться с ними. — Но мне нужно идти на работу.

Группа из трех других мам — тех самых, которые выглядят, как будто только что сошли с обложки самого модного глянцевого журнала, — стоит неподалеку. Та, что одета в светло-голубой брючный костюм, поворачивается и оглядывает меня с ног до головы.

— Ты работаешь? — спрашивает она. Ее светлые волосы уложены вокруг головы таким образом, что кажется: чем выше прическа, тем ближе она к Богу в буквальном смысле.

— Да, работаю, — говорю я ей, и она поднимает брови, переводя взгляд на мою руку. К сожалению, это то, к чему я уже давно привыкла. Люди ищут обручальное кольцо, как только узнают, что у меня есть дети. — А ты разве нет?

— Мой муж зарабатывает более чем достаточно для нас обоих. — Она натянуто улыбается мне и поворачивается обратно к своей компании.

— Ну, я бы предположила, что она работала на телевидении, — начинает Катя тихим шепотом. — Одета она, как та тётка, которая вела новости 20 лет назад.

Мы с Региной начинаем смеяться, и жар смущения, который я обычно испытываю, когда меня открыто обсуждают, даже не успевает охватить меня.

— И то верно! — Регина качает головой. — А эти волосы? Будем надеяться, что она не пройдет мимо открытого огня, потому что такое количество лака для волос превратится в пожар! — Она улыбается. — Давай спланируем что-нибудь на субботу. Приводи детей к нам домой, а мы сможем пообщаться с мамами, которые нам действительно нравятся.

Я снова смеюсь.

— Это отличный план, по субботам я обычно свободна.

— Для нас это тоже подходит, — говорит нам Катя. — Я принесу шампанское, чтобы ты все-таки смогла отведать Мимозу, — добавляет она, подмигивая мне.

— Теперь мне еще больше нравится этот план, — говорю я.

— Какой у тебя номер? — Регина достает свой телефон. — Я напишу тебе в субботу утром.

Мы обмениваемся номерами, после чего спешно прощаемся, пока я не опоздала на работу.

Я прохожу мимо группы сплетничающих мам, и мне действительно становится их жаль. Как бы они ни старались, ничто из того, что они говорят, не сможет задеть меня.

Я мать-одиночка, которой приходится работать, чтобы выжить, и я чертовски горжусь тем, как далеко я в этом продвинулась.

Глава 12

— Доброе утро, Александр Андреевич.

Голос Дарьи разносится по моему кабинету, мягкий и нежный, успокаивающий и в то же время сексуальный. Все, что она сказала, — это четыре коротких слова, и я сразу же вспоминаю наш телефонный разговор в пятницу вечером. Она забавная, чего я никак не ожидал, и разговаривать с ней было легко.

— Пожалуйста, зови меня... — Я сохраняю проект, над которым работаю, и поворачиваюсь к Дарье. Боже мой, она сегодня выглядит потрясающе. — Алекс. — Мой голос замирает у меня в горле, и мне требуется вся сила воли, что у меня есть, чтобы не начать раздевать её взглядом.

Красный — определенно её цвет. Он подчеркивает яркость её глаз и сочетается с её красной помадой. На ее щеках снова появляется легкий румянец. Я не могу сказать, макияж это или нет, но тот факт, что она так явно выражает свои эмоции на лице, очарователен.

— Доброе утро, Алекс. — Ее полные губы растягиваются в улыбке. — Как прошли твои выходные? Ты не отвлекался от работы во время поездки?

Боже, она великолепна.

— Неплохо, но это была рабочая поездка.

— Я так и предполагала, поскольку это было в твоем рабочем календаре, — смеется она и пересекает кабинет. Ее грудь слегка подпрыгивает, когда она подходит к моему столу, ставя кружку с кофе на край. — По крайней мере, это была хорошая поездка?

— В целом, да. Есть способы провести выходные и похуже, чем пить виски на деловых переговорах.

— О, это действительно звучит увлекательно. И если тебе нужна моя помощь, я к твоим услугам.

Ее улыбка возвращается, и она подмигивает мне. В ней есть что-то такое, чего я никак не могу понять. Она отличается от женщин, которыми я обычно себя окружаю, и вместо того, чтобы отталкивать, это, наоборот, интригует и притягивает.

Дарья — это тот человек, с кем я могу представить себя проводящим долгую ночь, без маски алкоголя и необходимости выставлять напоказ все свое богатство, чтобы почувствовать себя достойным. Нет, мы были бы вдвоем, может быть, наслаждались бы тихим ужином и прогулкой по набережной после захода солнца. В ней есть что-то искреннее, что-то, что заставляет меня думать, что деньги, должность и все мое имущество потеряли бы всякое значение из-за нее.

Она увидела бы меня, сломленного мальчика, который собрал себя из неровных кусочков и вырос в надломленного мужчину.

Это нелепая мысль, которую не стоит принимать во внимание. Я совсем не знаю Дарью. И самое главное — я ее начальник. Романтические отношения между сотрудниками

не противоречат политике компании, но это противоречит моим личным принципам.

Не мусори там, где ешь.

Что, если мы с Дарьей возьмемся за это горячо и сильно, а потом выдохнемся? Ей все равно придется быть моей помощницей. Насколько, черт возьми, странно было бы, если бы кто-нибудь из нас начал встречаться с кем-то другим? Это чревато слишком большим количеством проблем, а эта работа, черт возьми, слишком важна для меня, чтобы подвергать ее опасности из-за женщины. Даже такой великолепной женщины, как Дарья. Позвольте мне перефразировать: особенно такой великолепной женщины, как Дарья.

Я смотрю, подольше задерживая взгляд на ее красивом лице. Она ведет себя так, будто не замечает собственной красоты, но в то же время мне трудно поверить, что она не осознает, насколько хорошо смотрятся ее сиськи в этом платье. Как они прижимаются к платью при каждом ее вдохе, словно проверяют ткань на прочность. Не потребуется много времени, чтобы верхняя пуговица расстегнулась, открывая V-образный вырез еще глубже, дразня меня еще больше.

Воздух меняется, и, несмотря на тепло, исходящее от Дарьи, я чувствую сквозняк. Я смотрю мимо нее и вижу своего отца, идущего по коридору. Уже не могу дождаться, когда этот ублюдок уйдет на пенсию. Он всегда твердит, что важно адаптироваться и меняться, но он достаточно долго придерживался своих старых привычек. Как только я полностью возьмусь за дело, я собираюсь вывести эту компанию на новый уровень.

Я уже связался с небольшой, но быстро развивающейся маркетинговой компанией в Питере по поводу совместной работы. У нас есть опыт, влияние, длинный список довольных клиентов. Они новые и свеженькие — на мой личный вкус, немного слишком хипстерские, но это не имеет значения: они способны привлечь другую аудиторию.

Если бы папа согласился с этим, он бы приписал все заслуги себе, а я устал жить в его тени. Это моя идея, и я буду тем, кто воплотит ее в жизнь. Я не собираюсь делиться с ним ни одной из своих идей, пока он официально не подпишет все документы, передающие власть мне.

Он поднимает голову, встречаясь со мной взглядом, и на долю секунды колеблется, заставляя меня подумать, что он собирается войти в мой кабинет. Я не хочу начинать понедельник со встречи и разговора с этим человеком.

— У меня есть работа, которую нужно сделать, — огрызаюсь я, и Дарья отшатывается от резкости в моем голосе. Это было направлено не на нее, но я не могу объяснить ей свое презрение к отцу.

— Да, конечно, эмм, конечно, как скажешь. — Она быстро моргает и заправляет волосы за ухо. — Я буду у себя. — Она делает шаг назад. — Пока тебе еще чего-нибудь не понадобится.

— Пока все в порядке, спасибо, — говорю я и напоминаю себе, что не должен чувствовать себя плохо. Она моя сотрудница, а не подруга, и уж точно никогда не будет кем-то большим.

Дарья возвращается к своему столу, а я возвращаюсь к работе. Каждую неделю мы начинаем со встречи, на которой узнаем новости компании и обсуждаем различные клиентские проекты. Встреча начнется через полчаса, а до тех пор я рассмотрю предложение для нашего давнего клиента.

Дарья не оборачивается, когда я выхожу из своего кабинета. Она стоит на коленях, склонившись над нижним ящиком своего стола. Мой взгляд падает прямо на ее задницу, а

когда я отвожу взгляд, то замечаю, что двое стажеров стоят в стороне и тоже пялятся на ее задницу.

Их головы склонились друг к другу; без сомнения, они комментируют, насколько она хороша. Затем один из них вытягивает руки в нескольких сантиметрах от своей талии и делает грубый жест, как будто он трахает какую-то невидимую женщину сзади. Как будто он трахает Дарью сзади. Моя кровь мгновенно закипает.

— Уже перерыв? — спрашиваю я, и мой голос пугает их.

— Извините, — говорит тот, кто трахал Дарью в воздухе. Он опускает глаза и спешит к своему столу. Качая головой, я оглядываюсь на Дарью, задаваясь вопросом, какого черта она делает, вот так согнувшись, и обнаруживаю, что она хмуро смотрит на меня.

Верно. Похоже, она видела, как я набросился на этих стажеров. Если бы она только знала, что они делают за ее спиной!

— Нужна какая-нибудь помощь? — спрашиваю я ее, не позволяя себе думать о том факте, что дважды в течение часа выставлял себя в ее глазах ослом.

— Нет, но спасибо. В ящике застряла ручка, и она цепляется, когда открываю. В этом нет ничего страшного, но немного раздражает, что приходится проталкивать дверцу взад-вперед, прежде чем открыть.

Я киваю.

— Хорошо. Я попрошу техобслуживание приехать и все починить.

— Нет, нет необходимости их беспокоить. Я уверена, что с ящиком я могу справиться сама. Хотя, насколько нам известно, внутри этой ручки могло быть свернуто и спрятано сверхсекретное сообщение.

Я улыбаюсь.

— Что ж, если есть хоть какой-то шанс, мы должны это выяснить. Это может быть послание из будущего, предупреждающее нас о гибели человечества.

— Правда? Может, моя миссия — вытащить эту ручку?

— Ты можешь сделать это позже? — спрашиваю я, все еще улыбаясь. Я знаю, что половина стажеров, чьи столы находятся в большом открытом пространстве офиса прямо рядом с нами, смотрят на нас. Неужели это действительно такая редкость, что я шучу с людьми в офисе? Да, вероятно, так оно и есть.

— Конечно.

Она встает, разглаживая руками юбку, и смотрит на меня так, словно ждет, что я дам ей задание. Верно. У нее было очень мало практики, и, учитывая это, она неплохо справляется.

— У нас встречи каждый понедельник, и ты должна приходить на них со мной, чтобы делать заметки.

— О, конечно, иду.

Она задвигает ящик на место, и я слышу, как ручка перекачивается под ящиком. Схватив ручку и блокнот, Дарья следует за мной в конференц-зал.

— О чем мне делать заметки? — с опаской спрашивает она. — Записывать абсолютно все?

— Нет, просто отмечай любые изменения, чтобы я мог следить за происходящим. Я немного забывчив, но никому не говори, — говорю я с улыбкой.

Дарья улыбается в ответ:

— Я сохраню твой секрет.

Мы здесь только вдвоем, пока не придут остальные, и атмосфера напряженная. Если я

это чувствую, то и она тоже. Я сажусь во главе стола и жестом приглашаю Дарью сесть рядом со мной. Она открывает блокнот и записывает вверху сегодняшнюю дату большими закольцованными буквами.

Проходит еще несколько секунд, и если я ничего не сделаю с этим напряжением в воздухе, мне понадобится нож, чтобы прорезать его. Напряжение такое густое, что кажется осязаемым, и я нахожусь на грани мысленной войны с самим собой.

Я не хочу, чтобы Дарья думала, что я плохой парень. Я не сволочь. Или, по крайней мере, я не хочу ею быть. Это ведь должно что-то значить, верно? Но, с другой стороны, это не имеет значения. Я здесь не для того, чтобы быть ее другом. Пока мы можем профессионально работать вместе, мне наплевать, что она думает обо мне.

Но, черт возьми, мне не наплевать.

— Отсюда открывается потрясающий вид.

Голос Дарьи звучит так тихо, что я не понимаю, говорит ли она это мне или самой себе.

— Так и есть, — соглашаюсь я. — Мне нравится, когда ветрено. Можно видеть, как тучи собираются над рекой перед тем, как непогода обрушится, и тогда я словно оказываюсь там, наверху, в центре шторма.

— Я была в ужасе, когда в первый раз застала такую непогоду, — начинает она, все еще глядя в окно. — Я имею в виду, когда я была в высотке. — Она поворачивается, и тепло разливается по мне, когда ее глаза встречаются с моими. Оно доходит прямо до кончика моего члена, и я думаю о том, как она медленно расстегивает эти пуговицы. — Я никогда не попадала в такую непогоду на высоте четырнадцати этажей, пока не начала работать здесь. Я думала, что здание будет раскачиваться как сумасшедшее, и окна вылетят наружу. Потом я поняла, что это не сильно отличается от пребывания на улице.

Она поворачивается на стуле и снова смотрит в окно.

— Это хорошая перспектива, не так ли? Где бы мы ни находились, штормит все равно. Ты можешь находиться высоко или низко — и все равно почувствуешь ветер и дождь, все равно услышишь тот же гром и увидишь те же вспышки молнии.

— Я никогда не думал об этом с такой точки зрения.

Она протягивает руку и касается маленького лимонного амулета, висящего у нее на шее.

— Это потому, что ты всегда думал, что ты выше шторма, — говорит она голосом едва громче шепота. Прежде чем я успеваю отреагировать на ее заявление, входят Денис, Кристина и несколько стажеров.

Озадаченный тем, что сказала Дарья, и пытаюсь понять, было ли это оскорблением, я не спешу начинать встречу. Дарья что-то рисует в блокноте, и только через пять минут после начала совещания я понимаю, что она набросала впечатляющее начало горизонта, которое виднеется прямо из окна конференц-зала.

Мой отец присоединяется к нам в середине совещания. Он здесь только для того, чтобы наблюдать за мной. И, без сомнения, папаша найдет, за что меня раскритиковать позже... Что он и делает.

Конечно, черт возьми.

— В мой офис, — натянуто говорит он, покидая собрание полчаса спустя. Я немного удивлен, что на этот раз он передал сообщение сам, вместо того чтобы заставить это делать своего помощника.

Я отвечаю коротким кивком и продолжаю, как обычно, надеясь, что никто больше не заметил, как снисходительно он смотрел на меня во время встречи. Он, как никто другой,

должен знать, какой ущерб нанесет компании недоверие ко мне. Хотя, честно говоря, меня бы не удивило, если бы он надеялся, что я потерплю неудачу, как только он уйдет из компании.

Наблюдать, как все, что он построил, сгорает дотла, стоило бы того, чтобы он имел возможность просто сказать мне, что он меня предупреждал.

Мои сотрудники выходят из конференц-зала, и мне интересно, какие отношения у них со своими родителями. Счастливые семьи существуют только в кино, я уверен в этом, и еще одна причина, по которой я не спешу остепеняться, заключается в том, что я не хочу быть отцом-негодяем. Мой собственный был таким. А я не хочу быть проклятым, если пойду по его стопам.

— Закрой дверь.

Отец не поднимает глаз от раскрытой книги на своем столе. Стиснув зубы, я в очередной раз напоминаю себе, что его отставка приближается... Просто недостаточно быстро.

— Я слушаю.

— Садись.

Он указывает рукой на кресла перед своим столом, но по-прежнему не поднимает взгляд.

— Чего ты хотел, отец? У меня совещание через, — я смотрю на часы, — семь минут.

— Я видел, ты смотрел на свою помощницу во время той встречи.

— И что? — Я не пропускаю ни единого удара. — Я смотрел на всех.

— Дело было не только в том, что ты смотрел на нее, но и в том, как ты на нее смотрел.

Ты не можешь думать членом, если собираешься взять управление компанией в свои руки. Я бы не нанял такую хорошенькую молодую девушку, если бы знал, что тебе будет трудно удержать хозяйство в штанах.

Я стискиваю зубы, зная, что, если я открою рот, не смогу больше контролировать себя. Как только это случится, я, возможно, возьму что-нибудь со стола старого ублюдка и брошу это в него. Но, черт возьми, я не могу сделать ничего, что заставило бы ускорить слишком медленный процесс его окончательного ухода из бизнеса.

И он прав.

Меня влечет к Дарье. Очень. Она привлекательна по очевидным причинам, но в ней есть что-то еще, что привлекает и манит меня.

— Тебе не о чем беспокоиться. У нас с Соколовой профессиональные отношения, ничего больше.

— Профессиональные! — шипит отец. — Ты что, вообще не просматривал ее досье?

Я этого не делал, и когда я подумал о том, чтобы заглянуть туда прошлой ночью, я почувствовал себя слишком большим мерзавцем. Она уже принята на работу, отдел кадров оформляет документы. Нет необходимости возвращаться и просматривать ее досье.

— Это все, что ты хотел сказать мне? — спрашиваю я и кладу руки на подлокотники кресла, готовясь приподняться.

— Да. — Он наконец поднимает глаза. — Эта работа требует полной отдачи себя и своего времени, она требует чувства одиночества. Ты сильно пожалеешь, если поддашься соблазну, тем более с кем-то из компании.

— Дело в том, — стою я на своем, — что я не женат и у меня дома нет двоих детей. Переспав с кем-нибудь в этом офисе, я не разрушу брак так, как это сделал ты, переспав со

своей помощницей.

С этими словами я поворачиваюсь и вылетаю из кабинета своего отца. Я в ярости, и мне нужно успокоиться. Я почувствую себя лучше, как только вернусь в свой кабинет, а между мной и этим мудаком появится достаточно большое расстояние.

Вернувшись в свой кабинет, я опускаюсь в кресло и открываю поиск в Интернете. Последние несколько месяцев я то и дело подыскивал классический ретро-автомобиль. Все, что у меня есть, — новейшее и современное, а просмотр старых автомобилей, выставленных на продажу, успокаивает мои нервы и позволяет мне лучше видеть происходящее вокруг.

Все, о чем я думаю, — это о машинах. О поиске недостатков. О том, чтобы убедиться в подлинности и качестве. Я начинаю искать, не нахожу ничего впечатляющего и расширяю свой поиск. Подавляющее количество людей разместили старые автомобили, и мысль о том, чтобы проехать час только для того, чтобы провести тест-драйв этой Победы 1950 года выпуска, — именно то, что мне нужно, чтобы отвлечься.

Дарья тихонько стучит в дверь кабинета и заходит внутрь.

— Я написала и распечатала заметки. Мой почерк не самый аккуратный.

— Я уверен, что он лучше, чем у меня, — смеюсь я, не подумав. Поднимая глаза, я вижу хорошенькое личико Дарьи. Она подходит ближе и кладет заметки на мой стол.

— Я тут подумала — и все еще не могу поверить, что ты не видел «Мстители: Финал». Но теперь мне любопытно, видел ли ты другие фильмы из этой серии. Я признаю, что опоздала на просмотр фильмов о Человеке-муравье, но я постаралась сначала посмотреть все остальные, чтобы избежать спойлеров.

Кивнув, я беру записи, которые она положила на мой стол, и быстро просматриваю их. Она была очень скрупулезна и хорошо организована. Она все еще приспосабливается к своему новому графику, но делает свою работу чертовски хорошо.

— Я не знаю, доступна ли где-либо трансляция «Финала», но уверена, что ты можешь без проблем посмотреть его онлайн. Если тебе нужно будет чем-то заняться во время обеда, ты обязательно должен посмотреть этот фильм, чтобы потом мы могли его обсудить.

У меня едва хватает времени вздохнуть во время обеденных перерывов, и если я уйду из офиса на обед, то только потому, что встречаюсь с клиентом. Позвать сюда Дарью, развернуть мой монитор и посмотреть фильм вместе, даже на короткие двадцать или тридцать минут, — это действительно заманчиво и очень мило.

Я поворачиваюсь на стуле и обнаруживаю Дарью, стоящую рядом с моим столом. Мой взгляд медленно скользит по ней, и я снова поражен не только ее внешностью, но и ее внутренней личностью. Она такая яркая во всех отношениях.

Мой взгляд останавливается на этом маленьком лимонном талисмানে. Она носила его каждый день, пока работала здесь, и это либо единственное украшение, которое у нее есть, либо оно имеет для нее какое-то особое значение.

Мои мысли снова уплывают не туда. Отвлекаюсь от работы и телефонной конференции, которая начнется с минуты на минуту. Дарья должна быть за своим рабочим столом, готовая отвечать на звонки в мой офис, а не здесь, выглядеть чертовски сексуально и обсуждать со мной фильмы.

— Прости, Дарья, — начинаю я, видя, как лицо моего отца мелькает у меня перед глазами, когда я моргаю. — Мне нужно поработать. Будет лучше, если мы не будем обсуждать фильмы на работе.

Ее имя слишком приятно слетает с моих губ. Я хочу застонать от этого, пока откидываю

ее волосы в сторону, касаясь губами мягкой кожи, прикосновение такое нежное, что у нее мурашки бегут вверх и вниз по спине, увлажняя ее кистку и заставляя ее хотеть меня так же сильно, как хочу ее я.

Но я не могу заполучить ее. Не сейчас... Никогда.

Глава 13

И они говорят, что женщины сложные.

Я пристегиваю ремень безопасности и заводжу двигатель машины, предоставленной компанией. Вздохнув, включаю задний ход и медленно выезжаю со своего места парковки. Странно смотреть на камеру заднего вида и на самом деле не поворачиваться и не смотреть назад. Как будто я делаю что-то не так.

Машина подает мне сигнал, давая понять, что я близко к внедорожнику рядом со мной. Это заставляет меня ударить по тормозам, думая, что я достаточно близко, чтобы врезаться в него. Смогу ли я когда-нибудь привыкнуть к вождению так называемой умной машины? Я прекрасно себя чувствовала в своей старенькой «Киа».

По пути к выходу я проезжаю мимо парковочного места Александра и качаю головой, глядя на его «Теслу». Сегодня я чуть не получила от него пощечину. Образно говоря. В пятницу вечером у нас состоялась дружеская беседа. Сегодня утром он был милым и разговорчивым, а потом вдруг снова стал холодным и чопорным.

И тут мне показалось, что я поймала его взгляд, устремленный на меня с вожделием в глазах. Сначала это меня удивило, потому что такой человек, как Алекс, не подходит такой, как я, — бедной матери-одиночке двоих детей. Но я знала, что видела, и не могу отрицать существования той искры, которую я почувствовала во время нашего с ним разговора. Это было почти так, как если бы он на долю секунды ослабил бдительность, и я увидела его настоящего.

Я пытаюсь убедить себя, что это не имеет никакого значения. Мне нужна эта работа, и я хорошо с ней справляюсь. Дайте мне еще неделю или две, чтобы привыкнуть к тому, как работает офис, и я стану лучшим помощником, который у него когда-либо был.

И все же я не перестаю размышлять над этим по дороге к Тане. Она привезла девочек к себе домой после школы, и я умираю от желания увидеть их и спросить, как прошел их первый день в новой школе.

Таня живет в маленькой, но милой квартире не слишком далеко от школы. У нее есть два йорка, которых я пытаюсь полюбить, но пока безрезультатно. Они слишком много раз писали на мои ботинки. И думаю, что в глубине души я просто больше люблю кошек.

Припарковавшись как можно ближе к Таниному дому, выбегаю из машины, как можно быстрее, делая мысленную пометку захватить пару кроссовок и оставить их в машине. Чтобы была возможность сменить эти каблуки. Я готова бежать сломя голову, если это означает, что смогу быстрее увидеть моих девочек.

Кто-то входит в подъезд как раз одновременно со мной. Они идут проверять свою почту, а я захожу в лифт. Нажимая кнопку четвертого этажа, я практически подпрыгиваю от нетерпения.

Я скучаю по своим малышам каждый божий день, когда нахожусь вдали от них... Но потом прихожу домой и слышу крики, ссоры и миллионы просьб заставить Барби говорить. Мамочки. В такие моменты мне хочется провести несколько часов в одиночестве, чтобы насладиться тишиной и покоем. Я постоянно пытаюсь найти баланс между тем, что хочу проводить каждую секунду со своими милыми девочками, и тем, чтобы меня оставили в

покое, пока я, черт возьми, не сошла с ума. Я слышала, что вино помогает. Как только получу следующую зарплату, куплю себе бутылочку чего-нибудь сладкого, чтобы выпивать бокал-другой перед сном.

Лифт дребезжит, и я выхожу прежде, чем двери полностью открываются. Бегу трусцой по коридору, всего один раз подвернув лодыжку, и останавливаюсь перед дверью Таниной квартиры. Сначала я дергаю за ручку, готовясь накричать на нее за то, что она не заперла дверь, особенно когда здесь дети. На этот раз дверь заперта. Надеюсь, то, что я перечислила все до единой причины, по которым она должна держать дверь запертой, изменило ее мнение.

Я стучу, и Таня долго не открывает. Тридцать секунд кажутся вечностью.

— Эй, эй! — говорит она мне, открывая дверь и отступая в сторону. — Черт, я почти завидую, насколько тебе идет это красное платье. Я знала, что у меня для этого не хватает сисек, но все равно заказала его.

Я выпячиваю грудь и трясу ею, заставляя нас обоих смеяться.

— Знаешь, они не такие, какими кажутся на первый взгляд.

Я заглядываю мимо нее в гостиную.

— Где дети?

— О, нет! — Таня громко ахает. — Должно быть, я оставила их в школе!

— О, нет! — подыгрываю я. — Тогда, наверное, мне следует вернуться и поискать их.

— Мамочка! — кричат они в унисон и сбрасывают с голов одеяло. Самая широкая улыбка появляется на моем лице, и сердце наполняется нежностью.

— Мои девчонки!

Я бросаю свою сумочку на пол и раскрываю объятия. Полина и Вика вскакивают с дивана и подбегают ко мне.

— Мамочка! — говорят они. Я опускаюсь на колени, когда девочки добегают до меня, и обнимаю их так крепко, как только могу. Я целую каждую из них по два раза и обнимаю еще добрых тридцать секунд, прежде чем выпрямиться.

— Как сегодня прошли занятия в школе, мои любимые?

— Хорошо, — говорит мне Полина.

— Просто хорошо? — Я смеюсь. — Вы узнали что-нибудь новое?

— Нет, — отвечает Вика.

Я смотрю на Таню, сдерживая смех.

— Что ж, это позор.

— Честно говоря, — начинает Таня, поднимая палец, — они ничего не узнали, потому что первый день — это настоящий хаос. Но я думаю, что в этом году у меня отличный класс, и нам будет очень весело, не так ли, девочки?

— Да! — кричат они вместе, и я притягиваю их для еще одного объятия.

— Мы можем досмотреть этот мультик? — спрашивает Полина, переключая внимание с меня на телевизор.

— Я уверена, тетя Таня хочет немного отдохнуть без детей.

— Но она заказала пиццу, а я хочу кушать, — жалуется Вика. — Пожалуйста, мамочка.

— Я действительно заказала пиццу, — говорит Таня. — Я была настроена на здоровое питание в этом учебном году, но мне нужна вкусная и калорийная еда после первого дня.

— Ты не возражаешь, если мы останемся?

— Пожалуйста. Если ты этого не сделаешь, то оставишь меня наедине с очень большой

пиццей Пепперони.

— Ну, если ты так ставишь вопрос...

Я встаю и снова улыбаюсь, глядя на своих девочек. Вздохнув, перевожу взгляд на Таню.

— Значит, у тебя был трудный первый день?

— Нет, не было ничего необычного. И я правда думаю, что в этом году у меня хороший класс. Обычно у меня есть один или два трудных ученика, но реальная проблема всегда заключается в родителях. — Она закатывает глаза. — В этом году есть две мамы, которые скорее всего устроят мне весёлую жизнь.

— Ты, вероятно, о женушках богатых и влиятельных, — говорю я и хватаю свою сумочку, убирая ее с пути Бима и Гоги, двух йорков. Я не доверяю им настолько, насколько это вообще возможно.

Таня смеется.

— Я точно знаю, о ком ты говоришь, и да, о них. Одному из их детей действительно рано идти в школу в этом году, но, Боже упаси, если я предложу им отменить его зачисление и посоветую походить в детский сад еще один год. — Она снова закатывает глаза. — Печальная вещь в частных школах заключается в том, что администрации на самом деле наплевать на детей, поскольку они получают деньги от родителей, а эта конкретная семья инвестирует очень много.

— Звучит не очень весело. Мне жаль.

Она машет рукой в воздухе.

— Все в порядке. Через неделю или две у нас у всех будет хороший распорядок дня, и родители задарят меня фирменными кошельками и подарочными картами на шикарный массаж в каком-нибудь элитном салоне.

— Мне следовало стать учителем.

Таня фыркает от смеха.

— Я отвечаю, учителя государственных школ не согласились бы с этим утверждением. Мне просто повезло.

— Точно.

— Хватит о школе. Как прошел твой день?

— Уф. — Я откидываю голову назад и следую за Таней через прихожую. Мы уворачиваемся от девчонок и заходим к ней на кухню. Она белая и яркая, что мне очень нравится. — Я думаю, что ненавижу своего начальника.

— Ты действительно его ненавидишь? — Она недоверчиво поднимает брови. — А что случилось с тем предположением, что он был вовлечен в супертабуированную любовную интрижку или что-то в этом роде?

— Или что-то в этом роде, ага, — фыркаю я и закатываю глаза. — Я думаю, ты, возможно, была права насчет того, что он просто негодяй, без веских на то причин, — говорю я, произнося по буквам нехорошее слово и надеясь, что девочки его не уловят.

— Что-то случилось?

— Он позвонил мне в пятницу вечером после твоего ухода, чтобы узнать, не прислал ли мне кто-нибудь из стажеров по электронной почте что-нибудь о проекте, над которым он сейчас работает.

— Он звонил тебе в пятницу вечером?

— Он сказал, что не заметил, насколько поздно это произошло, и я ему верю. Мы поговорили, как будто по-дружески, и я подумала:

— Эй, а может быть, он не так уж и плох, в конце концов.

Но потом, когда я пришла в офис, он такой:

— Дарья, не говори о фильмах на работе, — говорю я, стараясь передразнить голос Александра. — Дарья, делай это профессионально. Дарья... Дарья... — Я стискиваю зубы. — Просто то, как он произносит мое имя, похоже на скрежет гвоздей по классной доске. И ты бы слышала, как он разговаривает со стажерами! Я этого не понимаю. Мы довольно долго разговаривали в пятницу, и если бы я не сказала ему, что я голая, мы, вероятно, проговорили бы дольше.

— Подожди, стоп. — Таня поднимает руку. — Ты сказала ему, что была голой?

— Я упомянула, что только что приняла душ, а потом услышала, как зазвонил мой телефон, и испугалась, что это кто-то звонит с плохими новостями.

— Я все еще не понимаю, как это предшествует тому, чтобы сказать ему, что ты голая. Ты надеялась, что он тоже снимет свою одежду?

— Если бы он это и сделал, то я бы все равно не узнала. — Я тяжело вздохнула. — Он сбивает с толку, и мне это не нравится. Потому что он мне не нравится.

— Ты говоришь так, словно он очень горячий и ты этим обеспокоена.

Я корчу гримасу и качаю головой.

— Мамочка? — меня зовет Полина. — Что значит «горячий» и «обеспокоена»?

Я прищуриваюсь, глядя на Таню, а она еле сдерживает смех.

— Это значит, что чай был горячий, и я этим обеспокоена, — выпаливаю я.

Таня открывает холодильник и достает бутылку красного вина.

— Ну, ты довольно расстроена.

— Конечно, в какой-то степени это так.

— И это не имеет никакого отношения к твоему желанию нравиться всем?

Она ставит бутылку вина на свой маленький столик-островок и смотрит прямо мне в глаза.

— Я не хочу всем нравиться.

Таня приподнимает бровь и поджимает губы.

— М-м-м.

— Прекрасно, я счастлива знать, что нравлюсь многим людям. Я довольно приятный человек, если сама так говорю. Так что не имеет смысла, почему я не нравлюсь Алексу. Что я ему такого сделала?

— Милая, успокойся. Этот парень — негодяй. Никаких «если», «и» или «но» по этому поводу. Нет никакой предыстории, никаких причин для того, чтобы он огрызался и был негодяем.

— Может быть, ты и права. — Я сокрушенно вздыхаю, не уверенная, готова ли в это поверить. — Это хорошая работа. Я зарабатываю больше, чем раньше, я получаю льготы, и у меня отличная машина, на которой я могу ездить. Алекс может ненавидеть меня сколько угодно, и я собираюсь возненавидеть его в ответ.

Таня смеется:

— Ладно. Это зрелый ответ на сложившуюся ситуацию.

— Спасибо. — Я вздергиваю подбородок, пытаюсь выглядеть самодовольной. — Я взрослая. Но на самом деле... Я собираюсь делать свою работу. Нам не обязательно быть друзьями, и он может сколько угодно меня не любить. Я хороший помощник, так что я просто сосредоточусь на работе и ни на чем другом.

— Вот и хорошо. Это все равно временно, — напоминает она мне. — Хочешь вина?

— Выпью капельку, я же за рулем.

Она наливает вино, и мы идем в гостиную. Я делаю маленький глоток и ставлю свой бокал на журнальный столик. Я вклиниваюсь между Полиной и Викой, сажая по одной на каждую коленку. Когда-нибудь они станут слишком взрослыми, чтобы вот так прижиматься ко мне, и я хочу наслаждаться этими моментами, какими бы короткими они ни были, как можно дольше.

— Расскажите мне о своем дне, — пытаюсь я снова.

— Это было весело, — говорит Вика, что вызывает улыбку у Тани. — У нас есть центры!

— О, это звучит забавно! Что же это за центры такие?

— Я не помню их всех, но компьютерный центр — мой любимый!

— Конечно, это так, — смеюсь я и целую ее в макушку. Полина продолжает рассказывать мне о девочке по имени Лиза из их класса, с которой они играли на перемене, и о том, как весело было сидеть в столовой.

— Большинство детей покупают обед каждый день? — спрашиваю я Таню. Я хочу быть уверена, что моих детей научат не беспокоиться о том, чтобы быть в толпе, и что они уверенно себя чувствуют в обществе. Но я также осознаю, насколько важно вписываться в компанию детей школьного возраста.

— Да, — уверяет она меня. — Еда здесь вкусная. Реально хорошая. Большинство учителей тоже обедают там каждый день.

— Что, это приготовлено каким-то знаменитым шеф-поваром? — Я шучу.

— Да, — серьезно отвечает она.

— Черт возьми. Мне нужно как-нибудь пообедать с вами, девочки, и попробовать эту еду.

Они обе думают, что это было бы самой крутой вещью в мире, и я целую их обоих. Вскоре после этого приносят пиццу, и, поев, мы собираемся уходить.

Как и ожидалось, девочки протестуют, и приходится немного повозиться, чтобы вытащить их из гостей. В конце концов мне приходится выносить Полину, пока она плачет, а Вика, наблюдая за своей сестрой, испытывает искушение тоже закатить истерику. Я одариваю ее своим материнским взглядом, предостерегая ее не делать этого. Слава богу, она решает, что лучше не искушать меня. Это был чертовски долгий день.

Я делаю все возможное, чтобы избежать всего что не касается работы, на следующий день. Единственные слова, которыми мы обменялись, касались проектов, когда у него следующая встреча и кто звонил по телефону.

Я закончила свою работу точно вовремя и вышла из офиса в 18:03. Алекс все еще был в офисе с закрытой дверью, и у меня такое ощущение, что он почти всегда допоздна засиживается на работе, хотя и сказал, что это не так. Но это не имеет значения.

Он не избегает трагической семейной жизни, погружаясь в работу. У него нет давно потерянной возлюбленной или чего-то хотя бы отдаленно интересного. Он просто мой самоуверенный начальник, и первый день обращения с ним как ни с кем иным удался.

Папа сегодня забрал девочек из школы и привез их к нам домой. Когда я вошла внутрь, еда уже была готова, и у нас был приятный скромный семейный ужин. Он приготовил знаменитый мамин салат, и мы говорили о ней на протяжении всего ужина.

Девочки пусть и не встречались со своей бабушкой лично, но они наверняка многое

запомнили о ней из историй, которые мы рассказываем.

Среда была похожей, и в четверг все было спокойно. Вставать ни свет ни заря, шататься по квартире, приводя себя в порядок, готовить завтрак для девочек и бороться с ними, чтобы они встали с постели.

Высаживаю их у школы, машу рукой и торопливо здороваюсь с Региной и Катей, а затем спешу на работу, где стараюсь избегать любого контакта с Алексом, насколько это возможно. Несколько раз я чувствовала, что он пристально смотрит на меня, и когда я поднимала глаза — клянусь, в его глазах отражалась печаль.

Мне все равно.

С нетерпением жду выходных. Я снова засиделась допоздна, разбирая электронную почту и пытаюсь исправить файл, который испортил один из стажеров. Это был простой ввод данных, к чему я привыкла со времен своей работы исследователем. Ошибки легко исправить, но очень утомительно.

Я забираюсь в постель в час ночи, сплю восхитительные сорок пять минут и просыпаюсь оттого, что Вика тычет мне пальцем в лицо, говоря, что ей не спится. Я укрываю ее одеялом, снова засыпаю и просыпаюсь от крика Полины, потому что она проснулась одна.

Наконец я снова засыпаю за целых три часа до того момента, как зазвонил мой будильник, и чувствую себя так, словно меня грузовик переехал. Мое единственное спасение в том, что я знаю, что смогу съесть полную тарелку сосисок, когда приду в офис.

И, вероятно, выпью шампанское, потому что, черт возьми, почему бы и нет?

— Вы знаете, что ждет нас завтра? — спрашиваю я девочек, когда мы подъезжаем к школе.

— Что? — спрашивают они в унисон.

— Суббота! А это значит, что мы будем спать, и вам не надо в школу!

— Ура! — кричат они.

— Мы можем сходить в кино? Лиза с мамой идут в кино.

— Посмотрим, — говорю я им. Сегодня я получаю свою первую зарплату на новой работе, а также на предыдущей. Мне будет казаться, что я выиграла в лотерею. Мы сможем устроить спокойное утро, может быть, сходим в кино. Я могла бы спрятать в сумочке напитки, и мы смогли бы купить попкорна.

— Еще завтра мы пойдем за продуктами.

— Хорошо. Я больше не могу есть яйца, — бормочет Вика. Меня от них тоже тошнит, но это самое дешевое питательное блюдо, которое я могу для них приготовить. Я запаслась ими и пыталась подойти к их приготовлению творчески.

Готовила стандартно: омлет, яичница. Какое-то время хитом был «яичный тост». Сваренные вкрутую яйца с солью тоже неплохо получались, но даже мне трудно их проглотить.

Когда-нибудь... Когда-нибудь это перестанет быть проблемой.

— В яйцах много белка и мало углеводов, — говорю я им, но уже сама не уверена, что это вообще правда. — Но да, мы поищем другие полезные варианты.

Я упорно трудилась, пытаюсь скрыть от девочек свои денежные проблемы. Не хочу, чтобы они волновались по этому поводу. Не тогда, когда они такие маленькие.

Я паркуюсь и помогаю девочкам выбраться из машины. Держу каждую из них за руки и веду к школе. Я провожаю их до главного входа и останавливаюсь. Дважды обнимаю каждую

и целую в лоб, прежде чем отправить восвояси.

— Даша!

Оборачиваясь, вижу Регину у тротуара. На ней светло-розовое платье. Оно с глубоким вырезом и струится вокруг ее ног. Кажется, что постоянный ветерок развеивает ее густые волосы, а плохого освещения не существует, когда она рядом.

— Привет, — приветствую я ее с улыбкой. По дороге сюда мы не проехали обычного количества светофоров, и у меня есть около пяти дополнительных минут, прежде чем мне нужно будет спешить на работу. — Ты выглядишь потрясающе.

Регина заключает меня в объятия:

— Ты мне льстишь.

Я фыркаю от смеха и откидываюсь назад:

— Взгляни поближе на мешки у меня под глазами.

— Ты мать-одиночка, которая работает. Конечно, ты устала. — Это не оскорбление, а просто факт. В ее голосе вообще нет осуждения. — И я предполагаю, что ты еще не делала никаких косметических процедур?

— Нет, хотя я бы с удовольствием вколола немного ботокса в лоб.

— Это, — начинает она и показывает на свое лицо, — это постоянный труд. Я проработала в индустрии красоты достаточно долго, чтобы уметь ценить естественную красоту.

— Спасибо, но я сегодня слишком уставшая, чтобы верить тому, что хорошо выгляжу.

— Знаешь, у женщин есть склонность к этому.

Что делать? Я снимаю с плеча свою тяжелую сумку. Я не знаю, что делает ее настолько тяжелой.

— Не отклоняй комплименты. Ты горячая штучка, Даша. Все естественно, без каких-либо косметических вмешательств. Наслаждайся и гордись этим.

Мои губы растягиваются в улыбке:

— Я постараюсь.

Катя подбегает к тротуару, сжимая руку дочери. Девочка — мини-версия своей матери, вплоть до походки. Катя быстро целует дочь и отсылает прочь.

— Тяжелое утро? — спрашивает Регина Катю, когда та, пыхтя, подходит к нам.

— О, очень.

Катины брови нахмурены, а на рубашке спереди — пятно от кофе.

— Няня именно сегодня чем-то отравилась. А сразу после школы, я встречаюсь за завтраком с потенциальным донором, но посмотри! — Она указывает на коричневое пятно на своей блузке. — Я не захватила сменную одежду, и где вообще сейчас можно что-то купить в этом районе?

Донор? Я пытаюсь пошутить:

— Я не против сходить к донору спермы.

Катя кивает:

— Я пытаюсь убедить людей или компании делать пожертвования некоммерческим организациям, и Петров, похоже, согласился на офигеть какое крупное пожертвование, но если я появлюсь в таком виде... — Она вздыхает и качает головой. — Он не воспримет меня всерьез. Черт, — бормочет она и достает свой телефон. — Еще так рано, и ничего нет поблизости.

— Я могу одолжить тебе свою одежду, — предлагаю я. Черный топ с V-образным

вырезом, который на мне, подошел бы к ее брюкам. — Я немного выше тебя, но у тебя достаточно большая грудь, чтобы компенсировать разницу.

Катя смотрит на меня широко раскрытыми глазами, и я думаю, что она вот-вот расхохочется при мысли о том, чтобы надеть мою одежду, которая стоит ничтожно мало по сравнению с ее одеждой.

— Ты не шутишь?

— Да. В офисе всегда холодно, и большую часть дня я ношу свитер. Никто даже не увидит пятна.

— Ты меня спасла! Спасибо!

— Нет проблем. — Я смотрю в сторону школы. — Мы можем зайти переодеться?

— Они строго следят за безопасностью. Через дорогу есть кофейня, — указывает Регина.

— О, точно. — Катя долго моргает, закрывая глаза, и вздыхает с облегчением. — Еще раз спасибо тебе, Даша. Я угощу тебя кофе. Ты избавляешь меня от такой головной боли.

— Тебе не нужно этого делать. У нас на работе очень хороший кофе.

Катя улыбается:

— Ты святая.

— Если вы хотите выпить кофе, то я иду, — говорит нам Регина. — Я поведу. Парковка там ужасная.

Мы спешим к ее «Рейндж роверу». Катя садится впереди, а я перелезаю через сиденье-бустер, чтобы сесть в середине заднего ряда.

— Сбор пожертвований и грантов для некоммерческих организаций — это очень кропотливая работа, — говорю я Кате. — Я ходила в школу пиара, надеюсь, что смогу делать что-то подобное.

— Мы всегда ищем новых сотрудников. Присылай свое резюме, и я замолвлю за тебя словечко.

— Я так и не получила диплом, — признаюсь я и изо всех сил стараюсь не испытывать смущения или стыда. — Я забеременела близняшками на выпускном курсе института.

— О, хорошо. Как ты думаешь, ты получишь диплом теперь, когда они стали старше?

Я качаю головой и смотрю в окно.

— Нет, воспитывая из одна, я не представляю, как это возможно.

— Их отец вообще не участвует? — спрашивает Регина, и я снова качаю головой.

— Какой негодяй.

— Может быть, — начинаю я и складываю руки на коленях. — Но в его защиту могу сказать, что я не думаю, что он знает, что он отец.

— Теперь мне любопытно. — Регина смотрит на меня в зеркало заднего вида. — Прости. Я не хочу ничего спровоцировать.

— Нет, все в порядке. Все не так. — Я поднимаю глаза и на полсекунды встречаюсь взглядом с Региной. Если эти женщины собираются стать моими друзьями, моими настоящими подругами, тогда они должны знать правду. — Тогда у меня была очень, очень, очень плохая неделя, и я подумала, что напиться и завести интрижку на одну ночь будет отличной идеей. Что ж, это реально отвлекло.

— У меня было несколько таких недель, когда все было дерьмово, и тебе просто нужен перерыв. Например, прямо сейчас. — Катя оборачивается. — Что произошло тогда?

— Моя мама умерла. — Слова вырываются так легко, и я ненавижу это. Быстро моргаю,

пытаясь сдержать слезы. Прошло больше пяти лет, а мне все еще больно.

— О, Боже мой, мне очень, очень жаль. — Катя ободряюще похлопывает меня по руке.

— Спасибо. Однако дело было не только в этом. Мои бабушка и дедушка — ее родители — живут в Колумбии, и хотя у них были все необходимые документы, чтобы приехать сюда на похороны, их задержали в иммиграционной службе, и это была ужасная борьба за их освобождение. Все это было такой неразберихой.. — Я закрываю глаза и качаю головой, не желая думать об этом. — Все наладилось, но после... После всего этого я решила отвлечься и сходить на вечеринку в универе.

— О, милая. — Катя сочувственно смотрит на меня.

— Я принарядилась, подготовилась к вечеринке и решила в кои-то веки выглядеть секси. Я называла себя Анной-Марией.

Регина притормаживает на светофоре и оборачивается, ожидая, что я продолжу.

— Отец девочек — парень по имени Михаил, по крайней мере, это имя он мне назвал. Я же назвала ему вымышленное имя, так что кто знает, не соврал ли он в свою очередь? Все началось как очевидная разовая связь, но в итоге мы болтали о самых случайных вещах. Я уже использовала вымышленное имя и не хотела говорить ему правду в тот момент, боясь, что он разозлится и уйдет.

— Значит, у вас была связь?

Я киваю, возвращаясь мыслями к той ночи. Я рассказала ему обо всем, что произошло, несколько раз плакала, а он просто обнимал меня. Затем он рассказал мне о своем брате, который погиб при исполнении служебных обязанностей всего два года назад. В ту ночь мы сблизились из-за горя, и я никак не ожидала, что у меня возникнет глубокая связь с парнем, который, как я надеялась, трахнет меня до беспамятства, дав мне лишь небольшую отсрочку от реального мира. — Мы действительно это сделали.

— Вы больше никогда не видели друг друга?

Я качаю головой. Я была убита горем из-за него еще до того, как узнала, что беременна. Мы с Таней часами искали его в Интернете, но это было похоже на то, что он был призраком, которого я просто выдумала. И я, возможно, действительно верила, что он один из них, пока примерно месяц спустя меня не начало тошнить.

— Я так и не смогла его найти. Кто-то из участников вечеринки сказал, что его фамилия Козловский, и жил он в Москве, поэтому я отыскала каждого Михаила Козловского во всем городе и написала им сообщения. Но никто так и не ответил мне. Так что либо это был не он, либо он не хотел иметь ничего общего с какой-то случайной девахой, которую обрюхатил. С тех пор остались только я и девочки.

— Ух, ты. — Катя медленно качает головой. — Ты зашла так далеко. Это невероятно.

— Я не чувствую себя настолько невероятной. Я просто делаю то, что любая мать сделала бы для своих детей.

Я помню, что сказала Регина об отклонении комплиментов. Это правда. Я делаю это постоянно, потому что мне непривычно принимать похвалу.

— Я не думаю, что смогла бы прожить хоть неделю без няни, — признается Катя. — Ты крутая, Даша. — Регина снова встречается со мной взглядом в зеркале и ободряюще улыбается.

— Да, — говорю я, тоже улыбаясь. — Наверное, так и есть.

Глава 14

Я солгала.

В офисе не холодно. Но у меня есть свитер, который я определенно надену. Не потому, что меня волнует пятно от кофе, а потому, что верх этой рубашки слишком свободен, и я рискую засветить грудь в любой момент. И хотя она в пятнах, я уверена, что это самая дорогая вещь, которую я когда-либо носила.

Я достаю розовый свитер из нижнего ящика своего стола. На этот раз мне приходится дергать за ручку довольно сильно. Эта ручка сводит меня с ума, но я понятия не имею, как ее достать, не вскрывая весь ящик... А я не знаю, как это сделать.

Натягивая свитер, я возвращаюсь в комнату отдыха и накладываю на тарелку сосиску, два блинчика и рогалик со сливочным сыром. Беру кофе для Алекса и возвращаюсь. Ставлю тарелку на свой стол, а затем несусь Алексу его кофе.

Он сидит за своим столом и снова выглядит чертовски хорошо. Сегодня на нем темно-синий костюм с бледно-розовой рубашкой на пуговицах под ним. Этот цвет — последнее, чего я ожидала, но он идеально смотрится на нем. Замираю на долю секунды, ожидая увидеть, занят ли он, разговаривает ли по телефону или еще что-нибудь.

Алекс поднимает голову, и когда его глаза встречаются с моими, сердце замирает, и мне приходится напомнить себе, что жаркого поцелуя в лифте, как в одном из моих любимых фильмов, не будет.

— Доброе утро, Дарья.

Его голос глубокий и проникает прямо в меня, согревая. Слышать, как он произносит мое имя, — на грани эротики. Соберись, ты ненавидишь его, помнишь?

— Доброе утро. Вот твой кофе. — Я ставлю кружку на его стол, чувствуя запах его одеколona, когда подхожу ближе. — Сегодня в девять тридцать у вас назначена встреча с Демьяном Павловичем, и было сообщение от Дмитрия Григорьевича с просьбой перенести встречу.

— Снова? — Алекс закрывает глаза и тянется за своим кофе, вслепую обхватывая длинными пальцами ручку кружки.

— Ты хочешь, чтобы я попыталась найти другое время для встречи с ним?

Алекс делает глоток кофе и качает головой.

— Нет, ясно, что они больше не хотят иметь с нами дела, хотя я не понимаю, почему. Это должно быть нечто большее, чем эта дурацкая статья. Прости за грубость.

— Все окей, — заверяю я его.

Напряжение на его лице исчезает, всего на мгновение. Странно, но я чувствую, что он поддерживает этот образ, что на самом деле он неплохой парень под всеми доспехами, которые на нем надеты. Или, может быть, я просто хочу, чтобы это было правдой. -

— Ты все еще на связи с помощницей Дмитрия?

— Не совсем, но она отправила мне запрос о вступлении в друзья в ВК. Ты хочешь, чтобы я попыталась поговорить с ней или что-то в этом роде?

— Нет, я не могу просить об этом. — Он подносит руку к голове и запускает пальцы в свои волосы. До этого момента я никогда до конца не осознавала, насколько они густые. Как хорошо было бы мне провести по ним своими собственными пальцами.

О... мой... Бог.

Мне нужно остановиться.

Алекс — мой начальник, и, что важнее, он, похоже, терпеть не может меня преобладающее количество времени, что я рядом.

— Я попытаюсь подружиться с ней, — говорю, прежде чем повернуться и уйти. Я знаю,

что потеря этого клиента беспокоит Алекса, и хотя я здесь всего неделю, но уже начинаю узнавать некоторые тонкости этого бизнеса.

Рич-пиар — наш самый большой конкурент, и они крадут клиентов направо и налево. Это дерьмовая тактика, и она причиняет нам ущерб. Дмитрий Григорьевич решил работать с ними? Если бы он это сделал, Алекс наверняка разозлился бы.

Алекс больше ничего не говорит, и я поворачиваюсь, чтобы уйти.

— Дарья?

— Да?

Я оборачиваюсь, и его глаза встречаются с моими. Как будто он ищет что-то, чего, как он думает, никогда не найдет, и за дерзким поведением, модным костюмом и ухмылкой, которая так хорошо смотрится на его красивом лице, я снова вижу проблеск его — настоящего.

— Знаешь что, не бери в голову. Я разберусь сам.

Еще раз кивнув ему, я снова поворачиваюсь и на этот раз возвращаюсь к своему столу. Поскольку его сегодняшняя встреча была отменена, я обновляю несколько календарей, с которыми работаю. Один из них — большой настольный календарь, и остальная часть месяца расписана благодаря Филиппу. Другой — традиционный планировщик, а третий — общий календарь онлайн.

Я добавляю важные даты на следующую неделю в свой телефон, устанавливаю будильники и напоминания, чтобы убедиться, что я ничего не забыла, что, в свою очередь, означало бы, что Алекс что-то забыл.

Поскольку планировщик — это то, что я беру с собой домой, я добавляю в него и свои личные задачи. Родительский вечер в школе состоится в понедельник. Начало в половине шестого, и Таня присмотрит за близняшками в школе, пока я не приеду туда после работы. Мне — снова — жаль их. Ни один шестилетний ребенок не должен так долго находиться в школе, но что я собираюсь делать? Папа работает в тот вечер, а Таня весь день будет в школе и уйдет позже нас. Я упакую девочкам еду, чтобы они продержались весь вечер, и, возможно, захвачу сумку с Барби и удобную одежду, чтобы переодеться. Слава богу, Таня — моя лучшая подруга. Я не знаю, что бы я делала, если бы у нас ее не было.

Я знаю, что я — единственный родитель-одиночка, чьи дети посещают нашу школу.

Закрываю ежедневник и доедаю свой завтрак. Заглядывая в открытую дверь, я вижу Алекса, сидящего за своим столом и печатающего электронное письмо.

Мой телефон вибрирует от сообщения. Это Катя, она говорит, что получила пожертвование, и еще раз благодарит меня за футболку. Катя из богатой семьи и вышла замуж за богатого парня. Воспитание Регины было более или менее обычным, она из простой семьи с четверьмя старшими братьями. Она стала моделью в старших классах и познакомилась со своим первым мужем на показе мод. Он оказался жестоким мудаком, и в итоге она влюбилась в своего адвоката по бракоразводным процессам, который является ее нынешним мужем и отцом ее детей.

Улыбаясь, я разблокирую свой телефон.

Я: Я знала, что у тебя получится! И этот топ просто убийственный;-)

Катя: Хах! Я уверена, что он скрепил сделку.

Я: О, без сомнения!

Катя: Лиза просто обожает твоих девочек. Завтра все в силе?

Я: Да! Девочки будут в восторге, когда я им расскажу.

Улыбаясь, я кладу телефон на стол только для того, чтобы снова поднять его. Моя зарплата должна поступить на счет прямо сейчас, и мне нужно посмотреть, сколько я на самом деле получила. Уведомлений о зарплате нет. Погашение моей кредитной карты через два дня.

Арендная плата тоже скоро должна быть выплачена.

И я бы с удовольствием удивила девочек чем-нибудь другим, кроме яиц и фирменных тостов на завтрак на следующей неделе.

У меня болит живот, когда я думаю об этом, и в горле снова появляется это ощущение спазма. Проклятье. Та маленькая радость, которую я испытала, назначая время для игр, исчезла. Испарилась. Потрясенная стрессом реальной жизни.

— С тобой все в порядке?

Голос Алекса пугает меня. Я не слышала, как он вышел из своего кабинета.

Я поднимаю взгляд, понимая, насколько я напряжена, и заставляю себя улыбнуться. Я не должна ненавидеть его за то, что он родился богатым. Я ненавижу его за то, что он такой придурок. И все же испытываю стресс от того, что не знаю, как свести концы с концами, как бы сильно я ни старалась, а потом смотрю на него... Это, черт возьми, нечестно.

Да, — откровенно лгу я. Хотя на самом деле... Я не лгу. Потому что со мной все будет в порядке, могло быть и хуже.

— Ты выглядишь расстроенной.

— Да, но это никак не связано с работой.

— О... Ладно. Я полагаю, это хорошо. — Он делает несколько шагов вперед только для того, чтобы замереть и сделать один большой шаг назад. — Если мы можем чем-то тебе помочь, пожалуйста, не стесняйся, дай знать отделу кадров.

Конечно, вот только отдел кадров не собирается дать мне кучу денег, которые мне нужны, чтобы оплатить аренду, погасить долг по кредитной карте, купить продукты, купить девочкам новую одежду, обувь и простыни, которые не «колючие», как они говорят, и еще немного, чтобы отложить на черный день.

— Спасибо, — говорю я ему. — Со мной все будет в порядке. Я давным-давно научилась готовить лимонад.

Он бросает на меня вопросительный взгляд, но не задает вопросов. Вместо этого он продолжает идти, направляясь в один из кабинетов старшего администратора. Я протягиваю руку, находя утешение в ощущении маленького металлического лимона под моими пальцами.

Я могу приготовить самый лучший лимонад, который вы когда-либо пробовали... Но это практически невозможно, когда я даже не могу позволить себе эти чертовы лимоны.

Глава 15

— Как прошли твои выходные?

Голос Дарьи разносится по офису. Она разговаривает не со мной, но я все равно поднимаю взгляд. Сегодня на ней черное облегающее платье, которое чудесно облегает ее изгибы. Ее волосы заплетены в косу, и на ней снова те же ярко-красные туфли, которые сочетаются с ее помадой.

Стажер, с которым она разговаривает, стоит ко мне спиной, из-за чего невозможно расслышать, что он говорит. Что бы это ни было, Дарья смеется, и ее лицо озаряется. Я не знаю, как прошли выходные у Дарьи, и она не собирается спрашивать, как прошли мои.

Она разговорчивый и жизнерадостный человек, и то, что она не заполняет тишину неловкой светской беседой, на самом деле еще более неловко. Она идеальная помощница, и у меня нет никаких претензий. Она организована, что, в свою очередь, помогает мне быть организованным. Она всегда в курсе событий и постоянно обновляет мой календарь, информируя меня о назначенных встречах, изменениях в расписании и управляя проектами, которые стажеры передали на утверждение.

Но это все.

Она не болтает без умолку о чем-то случайном. Так эффективнее, и пока мы выполняем свою работу, так и должно быть. И все же меня не может не беспокоить то, как она смотрит на меня, словно я жадный до денег диктатор.

Я никогда особо не заботился о том, чтобы кому-то здесь нравиться. Я босс, а не приятель, и я твердо верю, что качество работы снижается, когда мои сотрудники думают, что им все сойдет с рук, потому что «мы друзья». Я не рабовладелец, и я не хочу, чтобы людям было неприятно приходить на работу. Это может так же сильно подорвать производительность и качество.

Я чувствую, что нашел баланс. Я придерживаюсь высоких стандартов в отношении этой компании и всех, кто здесь работает, и они это знают. Это оказывает нужное давление на каждого, когда они будут усердно работать и выкладываться по полной, но не настолько, чтобы сломаться или сбежать во время обеденного перерыва.

Снова рассмеявшись, Дарья уходит со стажером и возвращается буквально через минуту или две с кофе.

— Доброе утро, Алекс, — говорит она, ставя кофе на мой стол. Она переводит взгляд на меня и улыбается. — Мне подготовить конференц-зал к сегодняшней встрече, или тебе сначала что-нибудь нужно?

— Нет, не нужно. Спасибо.

Сегодня один из наших старших стажеров проводит пробную презентацию. Он способный парень, который, я думаю, может далеко пойти, и я бы хотел нанять его, как только закончится его стажировка. Он очень убедителен и может продать практически все, что угодно. Я позволил ему возглавить один из наших небольших проектов, и если его сегодняшняя презентация пройдет успешно, он сможет снова выступить, уже перед клиентом.

Десять минут спустя я присоединяюсь к Дарье в конференц-зале. Данил, стажер, выступающий сегодня, тоже там, и я могу сказать, что он чертовски нервничает.

— Дыши, — говорю я ему. — Это пробный запуск, и если что-то пойдет не так, сейчас самое время это исправить.

— Спасибо.

Данил глубоко вздыхает.

— У тебя все отлично получится. Я просмотрел предложение и был впечатлен.

Данил расплывается в широчайшей улыбке и открывает свой ноутбук. Краем глаза я замечаю, что Дарья наблюдает за мной, и когда я поворачиваюсь, она улыбается. Но это не одна из ее вымученных, фальшивых улыбок. Эта улыбка — искренняя.

— Однажды я был на твоём месте, — говорю я Данилу. — Но за мной наблюдал отец, а это было еще хуже. Он гораздо жестче относится к семье, чем к кому-либо другому.

Данил смеется.

— Верно. Мой собственный отец — большой поклонник «жесткой любви».

Я улыбаюсь и киваю. Папа был просто жестким, и я не помню ни одного момента в своей жизни, когда он был просто любящим отцом. Вплоть до некоторых моих первых воспоминаний, он всегда был таким. Придурком.

И тут до меня доходит, как удар под дых, почему меня так беспокоит, что Дарья смотрит на меня, как на придурка. Выражение презрения в ее глазах — такое же, как у меня, когда я вижу своего отца.

Я нажимаю кнопку внутренней связи на своем рабочем телефоне.

— Да?

— Твоя сестра на связи, — говорит мне Дарья. — Она сказала, что это срочно.

— Спасибо. — Я отпускаю кнопку и беру телефон. — Ника? Все в порядке?

— Так и будет, если ты снова окажешь мне огромную услугу.

— Зависит от того, что это за услуга. Я уже давно научился ни на что с тобой не соглашаться, пока не узнаю всех подробностей.

— Сегодня родительский вечер в школе. Кирилл должен был пойти с Гришей. На это время у меня было запланировано удаление желчного пузыря, так что Кир обещал позаботиться об этом.

— А сейчас он этого не может сделать?

— Сегодня он должен был вылететь из Севастополя, но его самолет задержали. Есть шанс, что у него все еще получится успеть, но это будет очень непросто. Мне кажется, что я терплю неудачу как мама. — Голос Ники срывается. — Я не попала на ознакомительное собрание, а теперь еще и родительский вечер... — Она шмыгает носом.

— Ты хорошая мама. Не смей даже думать иначе. — Я открываю свой календарь, чтобы еще раз проверить расписание на оставшуюся часть дня. В четыре пятнадцать у меня телефонная конференция, которая займет не больше получаса. У меня, как всегда, есть много работы с документами, но я могу взять их с собой домой, как обычно, или потом вернуться в офис. — Во сколько родительский вечер?

— Начало в половине шестого. В этом нет ничего формального. Ты сможешь поговорить с учителями Гриши и посмотреть, как он взаимодействует со своими одноклассниками.

— Учителями? У него их больше одного?

— У него их несколько. В течение недели у них есть занятия по искусству, музыке, физкультуре, естественным наукам, библиотека, компьютерный класс и обществознание.

— Чему, черт возьми, они учат воспитанников начальной школы на уроках обществознания?

Она смеется:

— Я не знаю. Может быть, чему-то о государстве или что-то еще.

— Рад, что мы пошли в школу тогда, а не сейчас.

— Просмотр его расписания напомнил мне о медицинской школе, — шутит она, а затем вздыхает с облегчением. — Спасибо тебе, Алекс. Меня тошнило из-за этого все утро, и я одержимо следила за обновлениями о рейсах. Если предположить, что пробок не будет — ха, я знаю, — Кирилл сможет добраться туда около шести.

Я откидываюсь на спинку стула, радуясь, что могу помочь своей сестре. Мой взгляд устремляется на Дарью. Она тоже будет на родительском вечере.

Это будет интересно.

— Я побуду в школе, пока он не приедет туда. Пожалуйста, скажи мне, что детям все

еще разрешено играть на детской площадке.

— Так и есть, но группа мам пытается запретить горки, потому что они считают их слишком опасными. А другая мама беспокоится, что кого-нибудь задушат на качелях.

— Неудивительно, что их дети вырастают такими избалованными неженками.

— Это верно. Мне нужно готовиться к операции. Еще раз спасибо тебе, Алекс. Я приглашу тебя поужинать или еще куда-нибудь, чтобы отблагодарить. Но ресторан выбираю я. Я не собираюсь в стрип-клуб.

— Вполне справедливо. Хотя «Эгоист» — это не стрип-клуб. Просто так получилось, что все официантки грудастые и носят обтягивающие белые рубашки и короткие юбки».

— Ты отвратителен, — невозмутимо произносит она, и я смеюсь.

— Не ревнуй.

— Знаешь, чему я завидую? Одна из здешних ночных медсестер танцует в свободное время и зарабатывает так много денег. Зачем я тратила годы своей жизни на изучение медицины, когда могла бы выступать на сцене и трясти задницей более чем за пятьсот баксов за вечер?

— Ты поступила в медицинскую школу, потому что тебе всегда нравилось вскрывать людей и играть с их внутренностями, — напоминаю я ей.

— Ах, да. И это допустимо делать только тогда, когда ты проводишь операцию. Это такой позор, что к серийному убийце относятся неодобрительно, — серьезно говорит она. У нас странное чувство юмора, которое может быстро принять нездоровый оборот. Я думаю, это помогло нам пережить наше дерьмовое детство.

— Увидимся позже. Еще раз спасибо тебе, Алекс.

— Не за что. Я рад, что могу помочь.

Глава 16

Я разложил стопку папок на большом кухонном острове. Знаю, нелепо иметь такую большую и навороченную кухню, как эта, и почти никогда не пользоваться ею. Мой холодильник всегда полон, и раз в неделю домработницы просматривают и выбрасывают всю испортившуюся еду.

Когда я переехал в эту очень большую квартиру шесть лет назад, меня утешала мысль, что, возможно, я не всегда буду жить здесь один. Ближе всего я подошел к тому, чтобы разделить с кем-то свой дом, тем летом, когда Милана жила у меня. Она была воплощением сексуальной девушки мечты, в которую я сильно влюбился.

По крайней мере, мне так казалось.

Оказывается, она несколько месяцев следила за мной через Интернет, выясняя мои любимые телешоу, где я люблю поесть и даже какой мне нравится кофе. То, что я считал судьбой, оказалось профессиональным преследованием. Она надеялась, что сможет нажиться на деньгах, которые я с таким трудом заработал. В тот момент, когда я упомянул, что брачный контракт будет обязательным перед тем, как я женюсь, она собрала свои вещи и съехала отсюда. Так что теперь я стал опытнее в таких вопросах.

Я прохожу через свою большую кухню в гостиную. Включив телевизор, снимаю пиджак и ослабляю галстук. Сегодня я ушел с работы немного раньше обычного, так что у меня было несколько минут, чтобы побыть дома перед тем, как идти в школу.

Я ложусь на диван и целых пять минут смотрю телевизор, прежде чем встать и приготовить протеиновый коктейль, который пью, пока переодеваюсь из рабочего костюма в джинсы и футболку.

Затем выхожу, забираю Гришу из его дома, и мы направляемся в школу.

Сегодня здесь гораздо оживленнее, чем в день ознакомительного собрания. Мы паркуемся довольно далеко от здания школы, и я веду Гришу до входа.

Я должен зарегистрироваться, а Гриша сразу же подбегает к женщине в синем платье в горошек и обнимает ее.

— Дядя Алекс, это моя учительница Татьяна Геннадьевна!

Татьяна похлопывает Гришу по спине и несколько секунд очень внимательно смотрит на меня, прежде чем улыбнуться и протянуть руку.

— Приятно с вами познакомиться. Снова. Вы ведь тоже были здесь на вечере открытых дверей, не так ли?

— Да. Вероника не смогла прийти.

— Она написала мне сообщение. Я думаю, это здорово, что у Гриши есть член семьи, который так охотно приходит на помощь. Мы не слишком часто видим подобное, — говорит она мне.

— Он — моя семья. — Я кладу руку Грише на голову и ерошу его волосы. Он смеется и протестует одновременно. — Он один из нарушителей спокойствия, не так ли?

— Эй! — Гриша смеется. — Я хороший!

— Ты? — Я недоверчиво поднимаю брови. — Ни за что в это не поверю. Ты, наверное, самый главный нарушитель спокойствия в классе, верно, Татьяна Геннадьевна?

Она смеется.

— Гриша — очень хороший и прилежный ученик. Он милый и всегда слушается.

Гриша упирает обе руки в бедра:

— Видишь?

Мы с Татьяной смеемся.

— Если есть какая-то важная информация, я передам ее своей сестре. — Я смотрю на свои часы. — Хотя шанс, что отец Гриши успеет приехать до конца сегодняшнего вечера, все еще есть.

— Вы можете передать, что ей не о чем беспокоиться, — тихо говорит Татьяна, наклоняясь ко мне. — Сейчас еще рано судить, но я не вижу признаков каких-либо проблем с поведением на данный момент.

— Хорошо. Хотя на самом деле я ничего подобного не ожидал.

— Я же говорил тебе, все в порядке. — Гриша берет меня за руку. — Я хочу показать тебе свой класс!

Татьяна смотрит мне за спину, и по какой-то причине я точно знаю, на кого она смотрит. Дарья.

Я оборачиваюсь и вижу, как она входит в двери. Ветер откидывает ее волосы с лица. Они выбились из тугой косы, которую она заплела сегодня на работе, и свободными волнами спадают ей на плечо. Каждый раз, когда вижу, поражаюсь ее красоте.

Ее глаза встречаются с моими, и она останавливается, увидев меня. Моргая, она быстро приходит в себя и смотрит мимо меня на Татьяну — учительницу. Они обмениваются взглядами, которых я не понимаю, и Гриша снова тянет меня за руку. Я перевожу свое внимание на него и позволяю ему затащить меня в свой класс.

Он показывает мне свой стол, свой стул, где находится уборная, где сидит его друг Макс...

Входят несколько мам в брючных костюмах, и я подслушиваю, как они говорят о том,

что комната слишком яркая и что им следует написать анонимные предложения, чтобы классная комната была оформлена в теплых бежевых тонах. Должно быть, это те самые мамы, которые хотят избавиться от горок и качелей на детской площадке.

Я прислоняюсь к стойке в глубине комнаты, достаю телефон и просматриваю результаты футбольных матчей, чтобы скоротать время.

— Привет, незнакомец.

Мне не нужно поднимать голову, чтобы узнать, чей это голос. Дарья.

— Привет.

— Снова заменяешь свою сестру?

— Так и есть. Откуда ты знаешь, что моя сестра — мама Гриши?

Румянец приливает к ее щекам.

— Гриша кое-что рассказал моим девочкам. — Она поворачивается и делает знак своим близняшкам. — Это они.

— Они выглядят точь-в-точь как ты.

— Ты правда так думаешь? — Она морщит носик, и это чертовски мило. — Люди так говорят, но я не всегда это вижу. Может быть, потому, что я хочу, чтобы они были похожи на меня.

— Они похожи на твои точные копии.

Дарья сияет:

— Хорошо. — Она несколько секунд наблюдает, как ее дети играют с кукольным домиком, прежде чем снова посмотреть на меня. — Ну, я собираюсь пойти пообщаться. Это то, что мы должны делать на подобных мероприятиях, верно?

— Ты спрашиваешь не у того человека, — смеюсь я. — Я все еще надеюсь, что отец Гриши приедет вовремя. Его родители... Они реально вовлечены в его воспитание. Они очень расстроились из-за того, что не смогли быть здесь.

— О, я в них несколько не сомневаюсь. Я мать-одиночка, поверь мне, я знаю, что такое неподходящее время для школьных собраний. Мои девочки любят Гришу. Они думают, что он симпатичный, но не говори им, что это я тебе рассказала. Твоя сестра и ее муж — прекрасные родители и хорошо его воспитали.

— Она будет счастлива узнать это.

Дарья еще раз улыбается и отходит, разговаривая с симпатичной рыжеволосой девушкой. Встревоженные мамы расхаживают по классу, указывая на вещи, которые следует изменить. У одной из них даже есть блокнот, куда записываются все идеи и пожелания. Я удивлен, что у них есть дети, потому что мысль о сексе с ними чертовски отталкивает. Я не могу представить себе жизнь с кем-то настолько одержимым.

Я снова опускаю взгляд на свой телефон, когда они подходят ближе, не желая случайно встретиться взглядом и рисковать разговором.

— Вот эта, — шепчет одна из мам. — Ходят слухи, что они живут в Перово, а этот сомнительный криминальный район.

— Перово? — вторит другая. — Безопасно ли держать их здесь? Эти дети могут быть жестокими. А как же их отец? Где он?

— Тюрьма? — предполагает другая. — Или, может быть, исчез после рождения детей? Все это выглядит очень неблагоприятно.

— Если она действительно из Перово, мы должны увезти ее и этих незаконнорожденных детей отсюда. Им не место в этой школе.

Я ни разу не называл себя святым, но я узнаю подонка, когда увижу его. И эти три женщины — заноза в заднице. Поднимаю глаза и вижу главаря, указывающего костлявым пальцем в спину Дарьи. Что, черт возьми, происходит?

Я так потрясен, что не нахожу слов... И это случилось впервые в жизни. Дарья обнимает симпатичную рыжеволосую девушку, которая проводит руками по спине Дарьи, медленно опуская пальцы к ее упругой попке. Я никогда в жизни так не ревновал ни к одному человеку, как сейчас.

— Фу, конечно, она дружит с этой шлюхой.

— Они мамы близнецов, — насмехается другая, закатывая глаза. — Как будто они лучше нас, потому что вынашивали сразу двух детей. Они даже не рожали. Врачи просто вырезали из них этих младенцев без особых усилий.

Я знаю, что в мире есть дерьмовые люди. Я действительно это знаю. В политике. В корпоративном мире. Но в обычной классной комнате начальной школы?

— Пойдем посмотрим спортзал! — говорит мне Гриша, подбегая обратно. — Макс может быть там.

Я моргаю, отрывая взгляд от ходячего, говорящего мусора в дизайнерских туфлях, стоящего всего в нескольких метрах от меня.

— Конечно, пойдем посмотрим спортзал.

В животе у меня начинает скручиваться, когда Гриша бежит впереди меня вприпрыжку. Я должен был что-то сказать, но что? Иди к черту — это единственное, что приходит на ум, и у меня такое чувство, что добром это не закончится.

Гриша показывает мне тренажерный зал, а потом мы идем в художественную комнату. Там находится учитель рисования, который рассказывает о проектах, над которыми дети будут работать в течение всего года. Мой телефон звонит, когда мы выходим. Это Кирилл.

— Алло?

— Я подъезжаю, — говорит он.

— Я надеюсь, ты имеешь в виду парковку у школы.

Он смеется:

— Если нет, это было бы странно.

— Я всем сказал, что я второй отец Гриши, и его биологический папа уже в пути. Лучше похлопай меня несколько раз по заднице, чтобы скрепить сделку.

— Забавно, — сухо отвечает Кирилл.

— Я знаю. Я комик. Я позову Гришу и встречу тебя у входа.

— Еще раз спасибо тебе, Алекс, за то, что уже дважды выручил нас.

— Конечно, — говорю я ему. — Кирилл — хороший парень. Огромный ботаник, с залысынами и идеальным телом отца, и просто хороший парень. Я не думаю, что на этой земле есть хоть один человек, который достаточно хорош для моей сестры, но Кирилл занимает второе место. — Мы — семья.

— Грише повезло, что у него есть ты.

— Так и есть, — усмехаюсь я. — Мы встретимся с вами у входа.

Я заканчиваю разговор и нахожу Гришу, сообщая ему, что его отец здесь. Гриша подпрыгивает от возбуждения и бежит ко мне, готовый встретиться со своим отцом.

Дарья стоит впереди, прислонившись к стене, и выглядит очень неуютно, когда какой-то неряха в костюме разговаривает с ней. Мамаши с торчащими задницами стоят в нескольких метрах от них и наблюдают.

Они подставляют ее, и хотя я понятия не имею, в чем дело, я собираюсь это остановить.

— Нет, спасибо, — говорит Дарья парню. Он переводит взгляд с Дарьи на группу мам, и только тогда я замечаю, что у одной из них есть мобильный телефон, записывающий происходящее.

— Одинокой леди, подобной вам... Небезопасно гулять одной ночью. Добавьте сюда еще и детей... Я бы с удовольствием проводил тебя домой.

— В этом действительно нет необходимости. — Дарья стискивает зубы и пристально смотрит парню прямо в глаза. Это нервирует его, и он отступает назад. — Я могу за себя постоять, поверь мне. И мой парень был бы не в восторге от того, что какой-то случайный мужчина провожает меня домой. Он немного собственник. — Она корчит гримасу и судорожно втягивает воздух. — Последний парень, который подобрался слишком близко... Что ж, я просто скажу, что хорошо, что мой парень смог позволить себе такого хорошего адвоката, который уберег его от тюрьмы.

Лицо парня бледнеет, и он отступает. Дарья вздрагивает и закатывает глаза. Она кажется более раздраженной, чем кто-либо еще, что заставляет меня думать, что она уже имела дело с подобными негодьями раньше. Это неудивительно. Она сногсшибательно красива, и это, к сожалению, похоже, привлекает таких парней, как этот неряха.

Гриша замечает Кириллу, и мое внимание переключается на него. Кирилл обнимает меня одной рукой, еще раз благодаря, а затем Гриша, которому не терпится показать ему миллион и двенадцать вещей, которые он показывал мне в своем классе, отводит его в сторону.

Я не вижу Дарью и предполагаю, что она уже ушла. Но потом я замечаю ее девочек, бегающих с другими детьми возле дверей столовой. Я осматриваю комнату и вижу Дарью, склонившуюся над столом с большой табличкой ВОМ за ним.

Мне нужно вернуться домой и приступить к работе, которую я принес из офиса. Поэтому я планирую сердечно попрощаться с ней, а затем отправиться восвояси.

— Это конкретное мероприятие обычно зарезервировано для отцов, — говорит Дарья одна из мам-участниц ВОМ. — Но я бы хотела, чтобы появилось больше женщин. Я имею в виду, что мы все равно делаем большую часть подготовки, упаковки и настройки. Если вы регистрируетесь, другие мамы тоже могут это сделать. Обычно достаточно, чтобы кто-то первым внес свое имя в список, чтобы другие присоединились.

— Что ж, я с радостью подпишусь. Здесь только я и мои девочки, так что мы привыкли выполнять и мужскую работу.

— Отлично! — восклицает мама ВОМ, когда Дарья заканчивает записывать свое имя. Она выпрямляется и поворачивается с улыбкой на лице. Мы снова встречаемся взглядами, и мое сердце начинает странно трепетать. Я в хорошей форме. Большую часть времени занимаюсь спортом и правильно питаюсь. Может быть, мне стоит обратиться к кардиологу и попросить его проверить странное трепетание, которое я испытываю всякий раз, когда Дарья рядом?

— Ты Дарья? — спрашивает одна из ненормальных мам, останавливая ее поднятой рукой.

— Да. Я Дарья. Приятно с вами познакомиться. — Она протягивает руку для рукопожатия. Мамаша смотрит на протянутую руку Дарьи и раздувает ноздри, отводя взгляд.

— Я только что подслушала, как ты сказала, что ты мать-одиночка?

— Да. Это так и есть.

— Но ты также сказала, что у тебя есть парень.

Брови Дарьи хмурятся, и она переводит взгляд с бесстыжей мамыши на парня, который за ней приударил. Он стоит рядом с другой паршивкой в брючном костюме.

Хотя я уверен, что, если бы ему дали выбор, он бы сто раз выбрал Дарью.

— Знаешь, можно быть матерью-одиночкой с парнем.

— Значит, он не отец твоих девочек?

— Нет, — быстро говорит она. Ее плечи напрягаются, и с каждой секундой ей становится все более и более неудобно. Я тоже напрягаюсь.

— Как приятно, что кто-то заботится и о тебе, и о твоих девочках.

— Да, так редко можно встретить кого-то, кто захочет встречаться с кем-то, у кого есть дети, — огрызается Дарья в ответ.

— Итак, этот парень... Чем он зарабатывает на жизнь?

Дарья быстро моргает:

— Он, эмм... Он работает с людьми в центре города. Клиенты. С клиентами.

— Прелестно. Как его зовут?

— Его имя? — Дарья с трудом сглатывает. — Это... это...

— У тебя на самом деле нет парня, не так ли? — снисходительно спрашивает мамаша-паршивка.

Краска заливает ее лицо, когда она понимает, что происходит. У Дарьи нет парня, и я не могу стоять здесь и ничего не делать. Я не думаю. Я просто действую.

— Да, — говорю я, подходя и останавливаясь в нескольких дюймах от Дарьи. Она сменила каблуки на балетки, и я с ростом в сто девяносто три сантиметра возвышаюсь над ней. Я пытаюсь успокоить свое бешено колотящееся сердце и обнимаю ее за тонкую талию. — У нее действительно есть парень.

Глава 17

— Он твой парень?

Тонкие, как карандаш, брови Марго поднимаются так высоко, что исчезают под густой, коротко подстриженной челкой.

Мой рот приоткрывается, и я не знаю, что сказать. Или сделать. Упасть на пол и растаять, превратившись в лужицу жидкой слизи? Звучит неплохо.

Потому что Алекс притворяется моим парнем.

Часть меня хочет подыграть этому. Показать этой мерзкой Марго, что я могу заполучить парня. Горячий парень с накачанными бицепсами и выпирающей... Ну, в общем, выпуклостью в штанах. Образованный человек, который управляет собственной компанией. И, вполне возможно, он жалкий негодяй, который, вероятно, был бы счастлив тусоваться с такими, как ты, Марго.

Но другая часть меня гордится тем, что я одинока и воспитываю своих девочек самостоятельно. Это было чертовски тяжело, и я так устала — но я сделала это. Одна. И я вполне способна продолжать делать это самостоятельно.

У меня перехватывает дыхание, и я внезапно отчетливо ощущаю руку Алекса, лежащую на моей талии. Тепло волнами исходит от его ладони, и стоять здесь, прижавшись к нему, кажется очень правильным.

В этом нет никакого смысла.

Я терпеть не могу этого парня.

Но почему он так добр ко мне?

Не думая о том, что собираюсь сказать, я вдыхаю и открываю рот.

— Да. Так оно и есть.

Марго оглядывает Алекса с ног до головы. Сейчас он одет небрежно, я впервые вижу его без костюма и галстука. Официальный образ смотрится на нем потрясающе, но эта футболка и джинсы смотрятся... Я тоже в этом разбираюсь.

— Я видела вас на знакомстве, и тогда вы не были вместе, — говорит Марго, задирая нос, как будто она только что раскрыла запутанное дело пятидесятилетней давности.

— Нам нравится держать все в секрете, — говорит Алекс, глядя на меня сверху вниз с улыбкой. — Не так ли, детка?

— Это что-то новенькое, — говорю я и подношу руку к груди Алекса. Я провожу пальцами по его груди, и, о Боже, я могу только представить, как он выглядит без рубашки.

Жар разливается между ног, и тело движется само по себе, наклоня мои бедра к бедрам Алекса.

— И, как сказал мой возлюбленный, — продолжаю я, — нам нравится держать нашу личную жизнь в секрете.

Улыбаясь, я смотрю на Алекса. Я могу притворяться, как хорошая актриса, но, когда я встречаюсь с ним взглядом, мое сердце трепещет, а жар усиливается. Проклятье. Почему он такой привлекательный?

Алекс тоже это чувствует и напрягается. Это заставляет его еще крепче прижать меня к себе. Я лгну к нему, прижимая руку к его невероятно твердой груди.

Мне нужно отойти от Алекса. Убрать свою руку с его груди. Высвободиться из его объятий. Он... Мой.... Босс.

— Даша, привет! — кричит Катя, поднимая руку в знак приветствия. Лиза, ее дочь, держит ее за другую руку, и у нее кислое выражение лица. Она замедляет шаг и тянет Катю за руку, пытаясь вырваться. Катя наклоняет голову и одаривает ее взглядом страшной мамы, что срывает.

— Катя, привет! — Я улыбаюсь и все еще полностью осознаю, что тело Алекса находится совсем рядом со мной. Мне следовало бы отойти, но я как будто внезапно перестаю контролировать и владеть своим телом и разумом.

Его рубашка такая мягкая. От него приятно пахнет. Он теплый. Черт, прошло так много времени с тех пор, как кто-то обнимал меня, даже вот так невинно.

Близняшки видят Лизу и подбегают к ней. Хмурое выражение на лице Лизы сменяется радостным, и Катя отпускает ее руку, чтобы позволить ей пойти поиграть с моими девочками.

— Из-за нее я пью, — фыркает Катя, и Марго бросает на нее осуждающий взгляд. — Я не знаю, как ты справляешься с двумя. — Ее взгляд переходит на Алекса. — А это кто такой? — спрашивает меня Катя.

— Это Алекс, — говорю я и наконец вырываюсь из его объятий. Уже скучаю по тому моменту, когда его рука обнимала меня. Это как если бы кто-то сорвал с тебя теплые одеяла слишком рано утром.

— Ты никогда не говорила мне, что встречаешься с настоящим красавчиком. — Катя наклоняется и одобрительно кивает Алексу. — Или вообще с кем-либо. Когда это произошло?

Второй раз за пятиминутный промежуток я замираю. Я не очень хороший лжец, и, что более важно, я не люблю лгать. В такие моменты чувствую себя отвратительно, и мне

кажется, что это только вопрос времени — когда я либо раскрою свое прикрытие, либо кто-нибудь накажет меня за это.

— Недавно, — отвечает за меня Алекс.

— Ты выглядишь знакомым, — говорит ему Катя. — У меня такое чувство, будто я видела тебя раньше.

— Ты меня видела. На ознакомительном вечере.

— Верно! Ты... отец Гриши?

— Дядя. В тот день моя сестра застряла на операции и не смогла прийти.

— Операция? — Рука Кати прижимается к сердцу. — С ней все в порядке?

— Она — хирург, — смеется Алекс. — Я и забыл, как это звучит.

— Нам стоит как-нибудь сходить на двойное свидание, — говорит Катя. — Оставить детей и сходить куда-нибудь выпить.

— Звучит замечательно, — выпаливаю я, не подумав. Марго хмуро смотрит на нас. Вероятно, ей отчаянно нужен перерыв от домашней жизни всего на час или два, но она никогда бы в этом не призналась, и ее отказ позволить себе расслабиться заставляет ее насмеяться над всеми. Это как обратная ревность.

— Но мы, эмм, действительно заняты, и обычно у нас не совпадают графики.

Я смотрю на Алекса, надеюсь, что он просто согласится со мной.

— Мы обсудим детали позже, — говорит Катя.

— Звучит заманчиво.

— Увидимся утром, Даш! И было здорово познакомиться с тобой, Алекс.

Я заставляю себя улыбнуться и задерживаю дыхание, ожидая, пока Катя отойдет на несколько шагов, чтобы отдышаться. Девочки все еще сидят на полу в углу, смеясь над тем, что смотрят на айпаде Лизы. Я беру Алекса за руку, подавляю дрожь, которая пробегает по телу, когда наши пальцы переплетаются. Я тяну его в дальний конец вестибюля.

— Что за черт? — Я шепчу-кричу. — Катя — моя подруга!

— Ты злишься, потому что я ей понравился?

Я не понимаю, шутит он или нет. Широко раскрыв глаза, я просто качаю головой.

— Я солгала ей. Ты не мой парень. Ты даже не мой друг, — выплевываю я и вижу, как на лице Алекса мелькает тень обиды. — Ты мой начальник.

— Мне жаль. — Он проводит рукой по волосам, взъерошивая их. Только он может выглядеть еще лучше с растрепанными волосами. — Я подслушал, как эта заносчивая сучка пыталась унижить тебя, и подумал, что ты оценишь помощь.

— Я оценила. И я тебе благодарна.

Закрываю глаза и выдыхаю. Никто никогда раньше не спасал меня в обществе, и феминистка во мне ведет мысленный спор о том, почувствовать ли облегчение, видя, что он, как рыцарь в сияющих доспехах, приходит мне на помощь, или раздражаться из-за того, что он не подумал, что я справлюсь сама.

— Я бы с этим разобралась, — говорю я, решив выбрать последнее.

— В самом деле? — возражает он. — Быстро скажи мне, какое имя ты бы дала своему фальшивому парню.

— Может быть, Дональд?

— Дональд? Нравится этот мультик? — он усмехается.

— Да, это было первое, что пришло в голову. — Я пожимаю плечами. — Я люблю его смотреть иногда с девочками.

В его глазах искрится юмор, а губы приоткрываются, как будто он собирается рассказать непристойную шутку. Но он останавливает себя и делает глубокий вдох:

— Мне жаль, если из-за этого у тебя возникли проблемы с подругой. Скажи ей, что мы расстались, и все будет отлично.

— Но это все равно ложь.

— Не совсем.

— Не совсем? — Я поднимаю брови. — В какой альтернативной вселенной ты живешь, где не говорить правду не считается ложью?

— Есть разница между утаиванием правды и ложью.

— Я знаю, и это не утаивание правды. — Мое сердце бешено колотится, и я чувствую, как кровь приливает к щекам. — Это откровенная ложь.

— Тогда скажи ей правду. — Алекс пожимает плечами. — Она, вероятно, сочтет это забавным.

— Вероятно. Так и сделаю. — Я заставляю себя сделать еще один успокаивающий вдох. — Так что... Спасибо тебе. Я терпеть не могу Марго и ее дурацкий розовый брючный костюм.

— Это и правда ужасно, — смеется Алекс и переводит взгляд на Марго. — Если бы у Амбридж и дементора был ребенок, он выглядел бы примерно так. -

У меня отвисает челюсть. Я слишком ошеломлена, чтобы смеяться. — Ты фанат Гарри Поттера?

— Ну, да. А что, тебя это удивляет?

— Я и не думала, что ты увлекаешься подобными вещами.

— Есть много вещей, которыми я увлекаюсь и о которых ты понятия не имеешь.

Его голос становится все глубже, все серьезнее и соблазнительнее, а мои мысли немедленно улечиваются. Я стою, уставившись на него и чувствуя себя школьницей, оказавшейся перед солистом своей любимой рок-группы.

И Алекс это знает.

— Увидимся утром в офисе. Спокойной ночи, Дарья.

Он позволяет своему взгляду блуждать по мне, не пытаясь скрыть, что разглядывает меня, прежде чем повернуться и уйти. Я смотрю, как он выходит за дверь, не уверенная, произошло ли это на самом деле. Может быть, я упала и ударила голову. Или я сплю.

Перевожу взгляд на часы на стене над дверями, ведущими в классы. Секундная стрелка движется, и я считаю.

Один.

Два.

Три.

Четыре.

Пять.

Нет. Это не сон. В моих снах время не движется. Я прижимаю руки к бедрам, осознавая, что они все потные и липкие. Чувствуя себя дезориентированной, трижды оглядываю вестибюль, прежде чем смогла найти девочек.

— Как прошел ваш день? — спрашиваю я их, когда мы садимся в машину. Это первый шанс, который у меня появился за вечер, чтобы нормально поговорить с ними.

— Он был долгим, — вздыхает Полина. Это звучит так по-взрослому, что заставляет меня рассмеяться. — Я устала.

— Я тоже, малыш. — Я оборачиваюсь и смотрю на ее милое личико. — Я тоже.

— А мы можем завтра не идти в школу? — спрашивает Вика.

— У вас нет причин оставаться дома, — говорю я им обоим. Хотя, если бы я позволила им прогулять, мне пришлось бы тоже остаться дома вместо работы. Я могу притвориться, что мы все внезапно подхватили грипп или что-то в этом роде.

Что угодно, лишь бы избежать встречи с Алексом.

Потому что сегодня вечером я увидела его с другой стороны. Он забавный. Любит Гарри Поттера. И спас меня от множества неприятностей.

Может быть, он все-таки не такой мудака, как мне казалось?

Глава 18

Стою перед кабинетом Алекса с кофе в руках и расправляю плечи. Я безостановочно думаю о нем со вчерашнего вечера и до сих пор не могу решить, благодарна я ему или раздражена.

Когда мы вернулись домой прошлой ночью, был настоящий хаос. Началось всё с того, что вентиляция во всем здании вышла из строя. Это было бы не так уж страшно, если бы не влажность, которая усиливала отвратительный затхлый запах в подъезде.

Макс, сосед этажом ниже, постучал в дверь сразу после того, как я уложила девочек в постель. Он всегда был немного влюблен в меня, и за последний год это превратилось из невинного чувства в ощущение, заставляющее меня чувствовать себя немного неуютно.

Увидев в глазок, что это он, я оставила цепочку на двери и приоткрыла ее. Макс сказал, что у него есть запасной вентилятор, который он с удовольствием готов нам одолжить, если понадобится. Несмотря на то, что единственный вентилятор, который у нас есть, находится в комнате девочек, от предложения Макса я отказалась. Я бы предпочла, чтобы им было комфортно, а не мне.

Приняв холодный душ и выпив стакан воды со льдом, я почувствовала себя намного лучше, но потом мне показалось, что я услышала кого-то за входной дверью. Придвинув к двери диван, я перенесла девочек — и вентилятор — в свою комнату, так как под моим окном есть выход на пожарную лестницу. Мне нужно вытащить нас из этой дерьмовой квартиры, пока что-то плохое действительно не случилось. Я сбилась со счета, сколько пьяных скандалов мы слышали с тех пор, как въехали сюда. Я не чувствую себя здесь в безопасности, а девочки уже достаточно взрослые, чтобы распознать мой страх и начать чувствовать его самим. Осознание того, что мы не в безопасности в нашем собственном доме, убивает.

Своего рода чудо, что этот симпатичный «Лексус», который мне предоставили в компании, до сих пор не украли. Моим спасением может быть то, что люди думают, что он принадлежит одному из крутых бизнесменов, который живет этажом выше нас. Все знают, что не стоит лезть не в свое дело.

Сегодня мои волосы заплетены в косу сбоку, так как слишком жарко, чтобы их распускать, но, возможно, этим утром я потратила немного больше времени на макияж. На мне еще один из слишком-сексуальных-для-школы-но-все-же-подходящих-для-офиса нарядов Тани. Это платье, и темно-красный цвет — не то, что я обычно выбираю, но оно мне понравилось в ту же секунду, как я его надела.

Мы уезжаем в безумной спешке, и я захожу в офис, имея в запасе пять минут.

— Ты, должно быть, издеваешься надо мной, черт возьми, — ворчит Алекс, качая головой и глядя в свой компьютер. — Черт!

— Сейчас неподходящее время? — спрашиваю я, наконец заставляя себя войти внутрь. В офисе стеклянные стены, и дверь обычно открыта. Алекс может увидеть, как я стою снаружи, и оттягивание неизбежного только сделает ситуацию еще более неловкой.

— Все в порядке.

Кивнув, я подхожу к его столу и ставлю кофе.

— Точно все в порядке?

— Да, — говорит он, но не похоже, чтобы он сам в это верил. — Однако я думаю, что мы, возможно, потеряли одного из крупнейших клиентов из-за нашего конкурента.

— Дмитрия Григорьевича?

— Ага. Того самого.

— О. Мне очень жаль.

Алекс качает головой и откидывается на спинку кожаного кресла. Он выглядит совсем не так, как вчера. В костюме, как обычно. Его волосы не растрепаны, и я не думаю, что сегодня увижу на этом красивом лице хотя бы полуулыбку.

— Как думаешь, ты сможешь вернуть его обратно?

— Если бы я мог поговорить с Дмитрием — да. Но он продолжает переносить встречи, так что это маловероятно..

Алекс делает глоток кофе и ставит кружку обратно на стол. Потом он смотрит на меня — по-настоящему смотрит на меня, — и мне кажется, что его рука лежит у меня на талии, и тепло его кожи проникает сквозь тонкую ткань моего платья.

— Если я могу чем-то помочь — дай знать.

— Хорошо. Спасибо тебе, Дарья.

— Это моя работа. И я хотела бы еще раз поблагодарить тебя.

Я придвигаюсь ближе. Наверное, это хорошо, что сейчас между нами стоит письменный стол. Я устала и все еще не в себе после вчерашнего. Мне безумно хочется, чтобы кто-нибудь — кто угодно — снова обнял меня. Это все.

Алекс мне не начинает нравиться или что-то в этом роде.

— За вчерашнее, — продолжаю я. — Я не думаю, что показалась такой благодарной, какой была на самом деле. Если честно, все это меня немного шокировало.

— Не за что. А эта женщина — Марго, верно? — и ее друзья не могли сказать о тебе ничего хорошего. Ты должна это знать. Меня взбесило, когда я услышал, что и как они о тебе говорили.

— Я знаю, что они говорят за моей спиной. Ни для кого не секрет, что я на самом деле не вписываюсь в эту школу. — Я опускаю глаза в землю. — И мне на самом деле наплевать, что они думают обо мне, но я не хочу, чтобы к моим девочкам относились по-другому только потому, что у некоторых детей родители — королевские придурки. Я знаю, что предвзята, поскольку я их мать, но думаю, что у моих девочек все получается довольно хорошо.

— Я тоже так думаю.

Он делает еще один глоток кофе. Сомневаюсь, что его ночь была хоть сколько-нибудь похожа на ту, что была у меня, но он действительно выглядит усталым. И хотя он все еще зарабатывает миллионы, потеря одного из крупнейших клиентов фирмы должна быть действительно чертовски неприятной.

Раздается стук в дверь кабинета, и я поворачиваюсь, чтобы увидеть Фролова-старшего, стоящего на пороге. Его лицо угрюмо, и, клянусь, по комнате только что пронесся ледяной

ветерок. Никому не нужно ничего говорить, чтобы я поняла, что пришло время убираться отсюда к чертовой матери.

Едва переступив порог, дверь за мной закрывается. Я возвращаюсь в свое рабочее кресло и открываю календарь, убеждаясь, что со вчерашнего вечера ничего не изменилось.

Я трачу минуту на то, чтобы привести в порядок свой стол, который уже приведен в порядок. Забавно, учитывая, насколько не организован и беспорядочен мой дом. Я полагаю, что, если бы я могла быть организованной только в одной области своей жизни, то выбрала бы ту, которая мне приносит доход.

Украдкой бросив еще один взгляд на офис, я вижу Алекса, сидящего с суровым лицом в своем рабочем кресле и смотрящего на своего отца со смесью ненависти и страха. Может быть, моя теория любовного треугольника, в конце концов, была не такой уж и невозможной.

— Так неловко, когда это происходит, — говорит Тамара, одна из стажерок, проходя мимо моего стола. Она бросает взгляд на кабинет Алекса.

— Ты имеешь в виду, когда его отец приходит поговорить с ним?

Она кивает и жестом приглашает меня пройти с ней в комнату отдыха. Сегодня утром у меня не было возможности позавтракать, а рогалик с чудовищным количеством сливочного сыра прямо сейчас — это даже звучит чудесно.

— Итак, это совершенно не для протокола, — начинает она тихим голосом, включая электрический чайник, чтобы подогреть воду для своего чая.

— Конечно.

Открывая коробку с чайными пакетиками, она оглядывается по сторонам, чтобы убедиться, что нас никто не слышит.

— Никто на самом деле не знает, почему они не ладят, но это всегда было так. Я работаю здесь уже полтора года, и если они вместе за пределами общекорпоративных собраний, — значит, что-то идет не так. А потом весь остаток дня Александр очень тихий и в наихудшем настроении.

— Это немного грустно. У меня прекрасные отношения с моим отцом. Не могу представить, чтобы было иначе, да и вдобавок ко всему чтобы отец вел себя со мной как придурок.

— Правда? Я бы не сказала, что мы с моими родителями близки, но они никогда не накричали бы на меня на работе.

Я достаю рогалик из микроволновки. Еще несколько человек заходят в комнату отдыха, и мы перестаем говорить об Алексее. Я беру свой рогалик и стакан апельсинового сока со льдом и возвращаюсь к столу. Фролов-старший все еще в кабинете Алекса, и на лице у Алекса выражение «пожалуйста, пристрелите меня».

Мне трудно представить, что жизнь может быть трудной, когда у тебя столько денег. Я верю поговорке о том, что «За деньги счастья не купишь», но деньги, несомненно, могут облегчить жизнь.

Откусывая кусок от своего рогалика, я вспоминаю вчерашний вечер и то, как быстро Алекс пришел мне на помощь. Я уверена, что его отец недоволен потерей этого клиента... Что могло быть ошибкой Алекса и иметь отношение к той статье, о которой упоминала помощница.

Кстати, об упомянутой помощнице... Я отламываю еще кусочек рогалика и достаю телефон из сумочки. Софья отправила мне запрос в друзья в ВК. Она любит ежеминутно

делиться тем, что она делает. Я отписалась от нее на следующий же день после того, как приняла запрос. Она — мечта сталкера.

Алекс сказал, что все, что ему было нужно, — это возможность поговорить с Дмитрием Григорьевичем. Захожу в профиль Софьи. Она только что опубликовала фотографию чашки кофе с подписью «Ранний кофе».

Верно. Еще рано. Я буду продолжать проверять в течение дня...

Это именно то, что я делаю. В половине одиннадцатого она публикует свое селфи на набережной с хэштегом «Перерыв». Похоже, она идет за кофе и выпечкой.

Через некоторое время делится забавным мемом о кошке. Затем еще одна фотография ее третьего кофе за день. Несколько минут спустя она комментирует чью-то политическую тираду, и я понимаю, что не зря отписалась от неё.

Наконец в полдень она публикует кое-что, что мне могло бы пригодиться. Я читаю и вскакиваю, двигаясь так быстро, что ударяюсь коленом об угол своего стола. Потираю место ушиба на ходу, не стуча в дверь кабинета перед тем, как войти.

— С тобой все в порядке? — спрашивает Алекс, видя, как я прихрамываю.

— Я в порядке. Ты тоже будешь. Надеюсь. Может быть.

— О чем ты?

Он встает и обходит свой стол.

— Ты сказал, что хотел бы получить шанс поговорить с этим Дмитрием, верно?

— Да, я это сказал. Он звонил и переносил встречу?

Я качаю головой.

— Нет, но я знаю, где он обедает.

Алекс отвечает пустым взглядом.

— Серьезно? — наконец спрашивает он.

— Тебе следует пойти. Просто случайно зайти пообедать в это же место и столкнуться с ним.

— Ты имеешь в виду — преследовать его?

— Преследование — это грубое слово для обозначения навязчивой проверки аккаунтов помощницы в социальных сетях в надежде на обновление, которое могло бы сообщить мне, где будет находиться ее начальник в любой момент в течение дня.

— Это звучит как преследование.

— Да, но лишь слегка.

Алекс моргает. Однажды. Дважды. Затем он улыбается.

— Ладно. Но ты идешь со мной.

— Придерживайся плана, — напоминает мне Алекс в третий раз.

— Мы заходим, направляемся в бар и надеемся занять столик.

— Мы его купим, — настаивает Алекс, тоже в третий раз. Сейчас обеденное время, и это место очень популярно, но Алекс настаивает, что сможет найти нам столик. Я уверена, что он собирается сделать то движение, которое я вижу в фильмах, где он сует хостесс купюру.

— Мы справимся, — говорю я ему с улыбкой, когда машина подъезжает к обочине. Мы сидим на заднем сиденье какого-то модного автомобиля, нас высаживают перед дорогим рестораном. Алекс выходит первым и протягивает мне руку. На мне снова платье и каблук, и помощь не помешала бы, чтобы быстро выбраться из машины, но в ту секунду, когда его пальцы касаются моих, мне хочется отшатнуться.

Потому что это так приятно.

Так тепло.

Так знакомо, что не имеет смысла. Вчера он держал меня за руку целых две минуты. Все это было притворством, чтобы одурачить этот живой, дышащий кусок дерьма — Марго. Он мой начальник, и до вчерашнего дня я была уверена, что ненавижу этого человека всеми фибрами души.

Я выхожу из машины и шурю от яркого солнца. Я специально оставляю свои солнцезащитные очки в машине. Если они не будут надежно спрятаны внутри центральной консоли, то потеряются, и я снова начну шуриться или вести машину с одним закрытым глазом, пытаюсь защититься от яркого солнца.

— Ты бывал здесь раньше?

— Раз или два, — говорит он мне и ведет внутрь. Я осматриваюсь по сторонам, восхищаясь утонченной европейской тематикой этого места, Черт. Должно быть, приятно быть богатым.

Все столики заняты, но мы зайдем первый освободившийся. Хостесс ведет нас к бару, чтобы заказать напитки, пока мы ждем, чтобы убрали со стола.

— Ты его видишь? — спрашиваю я Алекса, как только мы усаживаемся и заказываем бокалы вина.

— Пока нет. Я проверю, — говорит он мне и встает, делая вид, что просто идет в туалет, но на самом деле высматривает Дмитрия в другом конце ресторана. Я достаю свой телефон, развлекая себя просмотром новостной ленты.

Приносят наше вино, которое я медленно потягиваю, ожидая возвращения Алекса. Этот бокал стоит пять тысяч рублей. Конечно, платит Алекс, но, честно говоря, это не намного лучше, чем бутылка «Пино Гриджио» за шестьсот рублей, которую Таня принесла прошлой ночью.

Проходит еще несколько минут, а Алекс все не возвращается. Он либо все еще в уборной, либо его похитили и удерживают с целью получения выкупа. Еще через минуту я поворачиваюсь на своем сиденье и ищу его взглядом. За баром есть столики, наполовину огороженные и украшенные причудливыми произведениями искусства.

— Девушка, извините, — говорит официантка, подходя ко мне. Моя первая мысль — она знает, что я не могу себе этого позволить, и собирается попросить меня уйти.

— Да?

— Ваш кавалер присоединился к другой компании и попросил, чтобы я проводила вас к нему.

— О, эмм, ладно.

Я засовываю телефон в сумочку и следую за официанткой, которая несет наши напитки, к столику в задней части ресторана. Алекс сидит за столиком с Дмитрием Григорьевичем и женщиной с короткими темными волосами. Она замечает меня раньше, чем кто-либо из мужчин, и встает с широкой улыбкой на лице.

— Дарья!

— Катя! — восклицаю я, моргая, чтобы убедиться, что мне не показалось. — Привет. Что ты... Что... Я имею в виду... Ты же обедаешь. — Я вопросительно смотрю на Алекса. Его глаза встречаются с моими, безмолвно умоляя меня подыграть.

— Конечно! - смеется Катя и обнимает меня. — Мне показалось, я видела, как вы двое входили, но решила, что мне показалось. Потом я увидела, как мимо проходил твой парень,

и оказалось, что папа раньше работал с ним, и я просто обязана была пригласить вас двоих присоединиться к нам! Как же тесен мир, верно?

Папа? О, мой Бог. Отец Кати — Дмитрий Григорьевич. Я знала, что она из богатой семьи, но понятия не имела, из какой именно. И — о, черт! — она все еще думает, что Алекс — мой парень. У нас так и не было возможности поговорить вчера.

— Папа, это Дарья.

Катя снова садится на свое место, а я остаюсь стоять там, слишком ошеломленная, чтобы пошевелиться.

— Приятно наконец-то с вами познакомиться, — говорит Дмитрий и указывает на пустой стул рядом с собой. — Катя мне все о тебе рассказала.

— Надеюсь, и хорошее тоже, — смеюсь я, мозг работает на автопилоте, когда я опускаюсь в кресло. Я сажусь прямо напротив Алекса. Он знает, что я не хочу лгать Кате.

— Только хорошее. Ты действительно произвела впечатление на мою дочь, а это не так-то просто сделать, — он переводит взгляд на Алекса.

— Это заставляет меня задуматься, не недооценил ли я тебя.

— Не недооценил ли ты меня? — эхом отзывается Алекс.

— Новости не всегда правдивы, — продолжает Дмитрий. — Но вы же знаете, что говорят об Интернете. Ты не можешь написать там ничего неправдивого, — смеется он, подмигивая. — Дарья произвела большое впечатление на мою Катю. И, видя, что вы двое вместе, я приношу извинения за то, что поверил тому, что прочитал в Интернете.

Алекс смотрит на меня с любовью, пытаюсь по-настоящему донести тот факт, что он не тот плейбой, каким его выставили в статье. Я не выдержала и погуглила, слишком любопытная, чтобы не узнать, что там о нем написано.

— Наша компания гордится тем, что во всех областях ориентирована на семью, — начинает Дмитрий, и Катя качает головой.

— Папа, — строго говорит Катя. — Ты обещал не говорить о работе.

Дмитрий поднимает руки:

— Верно, моя дорогая. Я обещал. Больше никаких разговоров о работе, но я попрошу свою помощницу позвонить вашему помощнику и назначить новую встречу.

Глава 19

— Еще вина? — спрашивает официантка.

— Да, пожалуйста, — говорю я и поднимаю свой бокал. Последние полчаса я сижу здесь и вру своей новой подруге. Она думает, что я встречаюсь с Алексом, и эта ложь заставила ее отца пересмотреть свое решение работать с Алексом.

Я счастлива, что моя идея сработала, и Алекс получает свой второй шанс, но теперь я чувствую, что застряла во лжи, и ненавижу себя за это. Если признаюсь во всем и расскажу Кате, она, без сомнения, расскажет своему отцу, и что тогда? Вернется ли он к мысли, что Алекс просто какой-то плейбой, и захочет ли тогда с ним работать?

Я делаю большой глоток, как только мой стакан наполняется. Я была так занята размышлениями о том, что делать, что не позволила себе в полной мере оценить, насколько вкусной здесь была еда, несмотря на то, что порции были крошечными.

Второй бокал вина начинает действовать на меня, и узел в моей груди ослабевает. Да, сейчас я в трудном положении, но я разберусь с этим. Мы заказываем десерт, и за здешний чизкейк можно умереть. Я бы взяла свою тарелку и облизала ее, если бы на это не посмотрели неодобрительно.

Я допиваю свое вино и встаю, чтобы сходить в уборную. Понимая лишь теперь, когда встала, насколько сильно это вино действует на меня. Катя идет со мной в туалет, и все время, пока я сижу в кабинке, я размышляю, стоит ли мне просто выпалить правду или нет.

Черт возьми, я не хочу упускать этот шанс для Алекса. Я подожду, пока Дмитрий не подпишет контракт или что-то в этом роде, что кажется мне таким подлым с моей стороны. Мне нужно еще вина.

— Я понятия не имела, что Алекс — это тот самый Алекс, который Александр Фролов. Этот парень был назван одним из самых завидных холостяков два года назад.

Катя поправляет прическу перед зеркалом.

Я брызгаю на руки мылом с ароматом лаванды и опускаю их под воду.

— О, точно. Я и забыла об этом.

— Ходят слухи — или, может, так оно и есть, — что он — настоящий плейбой. И посмотри на себя: подцепила такого мужчину, — она игриво прижимается своим бедром к моему.

Да, определенно нужно еще вина.

— Как у него дела с твоими детьми?

— Эмм... — Мои мысли мечутся. Я не могу сказать, что они не встречались, потому что он был со мной в школе только вчера. И более того — я не хочу продолжать лгать. — Они, эмм, на самом деле еще не знают его как моего парня. Я не хотела его никому представлять, пока это не стало, знаешь, ну, серьезным.

— А-а-а, точно. Хорошая идея.

— Да. Какой смысл обнадеживать их или что-то в этом роде? Я мало с кем встречалась — ладно, вообще ни с кем — с тех пор, как они родились, так что я хочу, чтобы все было, эмм, безопасно.

Я тут барахтаюсь в своей же лжи, и я это знаю.

— Ну, Алекс, должно быть, действительно особенный, раз стал первым парнем, с которым ты начала встречаться! Он определенно секси, и мне приятно это признать, — смеется она.

— Да, он хорошо смотрится в костюме. И без костюма тоже, — говорю я, имея в виду тот единственный раз, когда я видела его в джинсах и футболке. Конечно, это звучит не так, и Катя хихикает.

— О, я уверена, что он очень хорошо выглядит без костюма или чего-то еще.

Я вытираю руки, и мы возвращаемся к столу. Дмитрий и Алекс разговаривают о работе.

— Она вернулась, — смеется Дмитрий. — Лучше сменим тему. — Он подмигивает Кате. — И на этой неделе у нас будет достаточно времени, чтобы обсудить новые стратегии, — говорит он Алексу. — Как проходит твоя пятница? Моя — просто замечательно.

— Это потому, что на этих выходных мы едем в домик у Телецкого озера на Алтае, — напоминает ему Катя. Затем она ахает, и на ее лице появляется еще одна широкая улыбка.

— Вы, ребята, должны поехать с нами! У нас есть дополнительный домик. Из него такой вид! Там есть пляж, а рядом с домом есть милейший маленький коттедж, который никогда не используется и идеально подойдет для вас двоих!

Глаза Алекса встречаются с моими, безмолвно умоляя меня сказать «да». Но я не могу просто так поехать на Алтай. У меня есть дети, и, что более важно, он не мой парень. Я не хочу никуда с ним ехать.

Только... «пляж и милый маленький коттедж» — это звучит потрясающе.

— Я никогда не оставляла своих детей, — выпаливаю я. — Даже на одну ночь.

— Тогда это будет полезно для тебя, — смеется Катя. — Тяжело уезжать, поверь мне, я это знаю, но, клянусь: это укрепило мою связь с Лизой. Иногда мне просто нужен этот перерыв.

— Похоже, это звучит очень заманчиво, — уговаривает Алекс, и я бросаю на него взгляд, призывая продолжать настаивать. — И ты на самом деле заслуживаешь передышки. — Он говорит это всерьез, а не просто для того, чтобы попытаться заключить крупную деловую сделку.

И, черт возьми, я на самом деле заслуживаю передышки.

— Я подумаю об этом, — говорю я всем. — Я должна убедиться, что мой папа сможет присмотреть за девочками.

Я уверена, что он смог бы. Я знаю, что он не работает в эти выходные.

— И мне придется найти способ отвезти их в школу и обратно в пятницу.

Хотя у меня уже есть способ: Таня.

Катя улыбается:

— Тебе очень понравится, поверь мне. Там, наверху, так уютно и романтично.

Она шевелит бровями и наклоняется ко мне, понижая голос:

— Это определенно будет время без костюмов.

Если бы Алекс действительно был моим парнем, мысль о том, чтобы улизнуть в какой-нибудь живописный домик у озера для непрерывного сексуального марафона, возбудила бы нас обоих. Я заставляю себя улыбнуться в ответ, делая вид, что мне бы это понравилось.

Мы все вместе выходим, и Катя обнимает меня на прощание. Алекс обнимает меня за плечи, когда мы идем по улице, притворяясь счастливой парой.

— Поехали в домик у озера на этих выходных, — говорит Алекс, как только Катя и Дмитрий оказываются вне пределов слышимости. — Я знаю, что за это время смогу убедить Дмитрия вернуться в нашу фирму.

— Ты серьезно?

— Да, — говорит он мне. — Думай об этом как о деловой поездке.

— Даже если бы это было так, я не думаю, что смогла бы поехать. Оставлять девочек на выходные — это не так-то просто.

— Ты получишь бонус за поездку.

— И что?

— Бонус за поездку, — повторяет он. — Компенсация за твое беспокойство. Как насчет... пятиста тысяч?

Я останавливаюсь, как вкопанная.

— Пятьсот тысяч? Ты серьезно?

— Да, абсолютно серьезно. И компания покроет все расходы, связанные с поездкой.

Пятьсот тысяч.

Пятьсот.

Тысяч.

Рублей.

За одни выходные в домике у озера. Пьешь вино, сидя на пляже с другом. И живешь во лжи.

Но все же... Такие деньги могли бы так много сделать для меня. У меня было бы

достаточно, чтобы покрыть аренду. Купить продукты. Купить с девочками одежду, обувь, новые простыни и даже новые игрушки. И Еще осталась бы значительная сумма! Это позволило бы мне дышать.

Я не могу сказать «нет». Нам нужны эти деньги. Это всего на одни выходные. Одни. Выходные. Я смогу с этим справиться.

— Отлично. Предполагаю, что смогу найти кого-нибудь, кто отвезет их в школу и заберет обратно, а мой папа сможет присмотреть за ними в субботу и воскресенье. Я согласна.

— Спасибо тебе. Я выплачу бонус наличными, когда мы вернемся в офис.

Стоп. Он сказал «наличными»? То есть я не собираюсь облагаться налогом с этих денег? Это еще лучше. И это определенно не законный бонус, но кого это волнует? Это пятьсот тысяч.

— Я что, сумасшедшая?

Я расхаживаю взад-вперед по гостиной Тани. Ее собаки следуют за мной по пятам, кусая мои пятки на ходу.

— Ты была бы сумасшедшей, если бы не взяла деньги, — говорит мне Таня. — Пятьсот тысяч за то, чтобы провести выходные в каком-нибудь шикарном домике у озера? Запиши меня.

— Да, но я вру Кате, а ты знаешь, как сильно я ненавижу лгать.

Таня кивает и выдыхает.

— И все же — одна ложь за пятьсот штук?

— И все же я обманщица. И где это остановится? После моей фальшивой свадьбы?

— Не подписывай фальшивый брачный контракт, и все будет хорошо.

— Ха, не смешно, Тань. Я внутренне схожу с ума.

— Успокойся и просто получи удовольствие от поездки. Или откажись.

Я осторожно дергаю за свое ожерелье.

— Я бы хотела, чтобы мама была здесь. Она бы знала, что делать.

— Она бы точно посоветовала тебе пойти на это. У твоей мамы всегда была тяга к приключениям.

Я улыбаюсь, но глаза затуманиваются.

— Она бы так и сделала. Ты права, что она бы так и сделала. Она бы потратила эти деньги на что-нибудь безумное, например, на сад, полный гигантских подсолнухов.

— В комплекте с гигантскими солнечными часами.

Мы обе смеемся, и я наконец вздыхаю, кивая.

— Ладно. Я сделаю это. Ты уверена, что тебе это не доставляет неудобств — приглядеть за девочками?

— Я бы все равно забрала их с собой в пятницу после школы. Переночуй здесь ночь с четверга на пятницу, чтобы быть с ними перед сном. Я отвезу их в школу, привезу обратно, а твой папа сказал, что может забрать их, верно?

— Верно. Он заканчивает работу около пяти, а потом заберет их на выходные.

— Ты же знаешь, ему нравится, когда они у него остаются.

— Да, я знаю. И им нравится там тусоваться.

— Вот увидишь, все получится, и ты вернешься на пятьсот тысяч богаче!

Я перевожу взгляд с Тани на девочек, которые сидят за столом, раскрашивая и поедая печенье. Будет больно находиться вдали от них, но это для их же блага.

Пятьсот тысяч действительно могут изменить нашу жизнь.

Это всего лишь одни выходные. Ничего плохого же не случится?

Глава 20

На что, черт возьми, я только что нас подписал?

Сделка на миллион долларов — вот на что. Выходные с Дмитрием Григорьевичем — это все, что мне нужно, чтобы убедить его, что я подхожу для этого сотрудничества.

Я не какой-нибудь никчемный плейбой, хотя все это никак не влияет на то, как я выполняю свою работу, и это дерьмовая причина, чтобы не хотеть работать с нами. И я бы сделал практически все, что угодно, лишь бы эта чертова пиар-фирма Рич не забрала еще одного нашего клиента.

Выходные, проведенные за игрой в притворство с Дарьей... Просто кошмар, как меня это возбуждает. Обнимать ее было так приятно. Так правильно. Я обнимал десятки женщин и никогда не испытывал ничего похожего на то, что испытывал, обнимая Дарью. И все это было напоказ.

Прямо как будет в эти выходные. Это все напоказ. Я знаю, что ей не помешали бы деньги. Откидываюсь на спинку дивана, вытягиваю ноги перед собой и кладу их на кофейный столик. Я пересылаю информацию о рейсе Дарье, не ожидая от нее ответа до утра. На тот же рейс, которым летел Дмитрий, не осталось билетов первого класса, поэтому нам пришлось лететь более ранним рейсом. Мы приземлимся примерно за час до них, при условии, что ничего не задержится.

Мой телефон звонит с предупреждением по электронной почте. Это от Дарьи, она благодарит меня, она понятия не имеет, что взять с собой или что надеть, и она нервничает. Видя, что Дарья проснулась и отвечает, я выхожу из своей электронной почты и вместо этого открываю сообщения.

Я: Днем там немного прохладнее, а ночью температура опускается до 10 градусов.

Дарья: Это не поможет со сборами и упаковкой:-\

Я смеюсь, представляя себе ее лицо, если бы она разговаривала со мной.

Я: Возьми разную одежду. Твоя подруга упомянула пляж, так что пляжная одежда, что-нибудь вкусненькое на ужин, и если мы собираемся прогуляться, можно предположить, что мы могли бы совершить небольшую экскурсию, так что удобная обувь, в которой ты сможешь прогуляться, была бы кстати:-\

Лично я нахожу каблуки очень сексуальными. Мне нравится, когда женщина, с которой я трахаюсь, носит их, и ничего больше. Но я слишком много раз ходил на свидания, где моя девушка надевала неподходящую обувь, и я знаю, насколько это может быть утомительно и просто болезненно.

Дарья: Я сейчас смотрю прогноз погоды и рассматриваю варианты. Но мне нужен маршрут или что-то в этом роде. Так что я создаю пенис наперед.

Я: Пенис наперед???

Дарья: Боже мой, я имела в виду план! Дурацкая автозамена.

Я смеюсь я и перечитываю ее сообщение, снова смеюсь.

Я: Реальный вопрос в том, почему ты так часто набираешь «пенис», что твой телефон автоматически исправляет это?

Маленькие пузырьки появляются и исчезают три раза, прежде чем она отправляет ответ.

Дарья: Я даже не знаю. Но обещаю, что не отправлю случайно «пенис» клиенту.

И я снова громко смеюсь.

Я: Это было бы неловко.

Дарья: Совсем чуть-чуть. Я иду спать. Спасибо, что прислал информацию о рейсе. Увидимся утром на работе.

Я смотрю на свой телефон, перечитывая наш разговор, и улыбаюсь, как мальчик-подросток, который только что впервые поговорил со своей пассией. Встав, иду в душ, и неудивительно, что мои мысли возвращаются к Дарье.

Кое-что из того, что она сказала ранее, не выходило у меня из головы весь день. Она сказала, что ей все равно, что думают о ней эти придурковатые мамы в школе, но она не хотела бы, чтобы из-за этого они относились к ее детям по-другому.

Это полная противоположность моей собственной матери, и если бы мы с Никой выросли с такой любовью и поддержкой... Черт... Даже не знаю, на что это было бы похоже. Я боюсь закончить в точности так же, как мой собственный отец. Это не то, в чем я хотел бы признаваться самому себе, и Ника, возможно, единственная, у кого есть подозрение, что эта мысль приходит мне в голову.

Но с этим связан еще один страх. Что, если бы у меня действительно был ребенок, и я был бы таким дерьмовым отцом... И у этого ребенка тоже была бы дерьмовая мать?

Я знаю, что другим приходилось намного хуже, чем мне в детстве.

У нас были деньги.

Хороший дом.

Мы ходили в лучшие школы и водили дорогие машины.

Но меня избивал мой собственный отец. Он также подвергал меня словесному и эмоциональному насилию, в то время как моя мать сидела сложа руки и ничего не делала. Она больше заботилась о себе и о том, что думают люди из ее круга общения, чем о благополучии своих детей.

Я упорно трудился, чтобы подавить большую часть своего детства. Есть один момент, который мне особенно нравится — когда я притворяюсь, что этого на самом деле никогда не было. Как будто у меня сохранились воспоминания об этом, потому что я видел это по телевизору или в фильме... Что-то в этом роде.

Не потому, что это случилось со мной.

Потому что это все еще причиняет боль — как душевную, так и физическую. Я смотрю на свою левую руку и чувствую, как кости снова ломаются. Папа был пьян, разозлился из-за того, что сделка на работе сорвалась, и запустил в меня подставкой для книг. Он попал в верхнюю часть моей левой руки и сломал две кости. Мне понадобилась операция, а мама сказала всем, что я «баловался, как это делают мальчишки», и опрокинул на себя книжную полку. В то время мне было восемь.

Оглядываясь назад, я жалею, что не могу накричать на себя в молодости, чтобы рассказать кому-нибудь. Медсестре в больнице. Учителю. Игорю, нашему водителю, который, казалось, заподозрил, что что-то происходит. Он снова и снова спрашивал нас с Никой, все ли у нас в порядке, и из-за его любопытства его и уволили.

Но я был напуган. Боялся, что меня заберут и я окажусь в приемной семье — страх, вложенный в мою голову моими собственными родителями. Я не хотел разлучаться с Никой или, что еще хуже, оставлять ее дома без защиты. И я боялся, что ничего не будет сделано и я останусь наедине со своим отцом, который разозлится еще больше из-за того, что я его сдал.

Я увеличиваю температуру воды и смотрю вверх, позволяя ей омывать мое тело.

Психиатр провел бы со мной целый день, я уверен в этом. Я пережил детскую травму, скрывал свое желание остепениться и создать семью чрезмерным употреблением алкоголя, бессмысленным сексом и вечеринками.

И все же я успешен, и полагаю, что работа для меня — такая же маска, как и другие пороки. Это единственное, что у меня есть и что я более или менее контролирую. Это единственное место, где, как я знаю, я могу получить одобрение и признание. Ну, не от моего отца, а от других людей вокруг меня. Это придает моей жизни смысл, заставляет меня продолжать добиваться своего, но, в конце концов, когда я выйду на пенсию и уйду в отставку, как это делает сейчас мой отец... На этом все и закончится.

Никто меня не вспомнит. Кто-то другой возглавит компанию, поведет ее в новом направлении и принесет ей большой успех.

Раньше этого было достаточно.

Но теперь... Теперь я хочу большего. Не больше денег. Ну, не только. Я говорю себе, что не знаю, что это такое, но на самом деле я знаю. Я просто не хочу признаваться в этом самому себе. Не сейчас... Вероятно, никогда.

— Я отменила твой пятничный обед и перенесла видеозвонок с девяти утра на завтра на два часа дня, — говорит мне Дарья, заглядывая в свой блокнот. Я беру чашку кофе и делаю большой глоток. Простой ночью я плохо спал, ворочался с боку на бок и пытался избежать мыслей о том, насколько неудовлетворительной является моя жизнь, несмотря на миллионы рублей моих сбережений, имя, которое я создал для себя, и то, насколько большой и крепкой стала компания за последние пять лет.

Наконец я заснул и проспал целых четыре часа, прежде чем зазвонил мой будильник. Утром я чуть не пропустил поход в спортзал, но все-таки переборол себя. Когда я начинаю позволять своим мыслям прерывать мою рутину, тогда понимаю: у меня настоящая проблема.

У меня действительно есть проблема, я знаю, но легче притворяться, что ее нет, когда я все еще в состоянии функционировать в своей повседневной жизни.

— Спасибо.

— А Устинов позвонил и сказал, что застрял в пробке, так что он опоздает минут на двадцать-тридцать. После этой встречи у тебя был запланирован перерыв на обед, так что это никак не повлияет на остаток твоего дня. Только на твой обед. Хотя, если хочешь, я могу что-нибудь для тебя заказать.

— Да. Закажи что-нибудь и для себя тоже.

— Чего ты хочешь?

Я качаю головой, глядя в красивые глаза Дарьи. Сегодня на ней другое платье, и оно выглядит потрясающе. Этот голубой с красными и розовыми цветами. Оно струящееся внизу и сзади длиннее, чем спереди. Сегодня на ней низкие каблуки, а волосы распущены по спине. Они длинные, блестящие, и я чертовски хочу провести по ним пальцами.

— Ты можешь выбрать сама. Закажи, что хочешь, и принеси мне то же самое.

— Что, если я захочу двойной бургер и пиво?

Мои губы изгибаются в улыбке.

— Тогда я бы сказал, что это звучит чертовски соблазнительно.

— Правда?

— Да. Я не ел хороший бургер с тех пор, как был на футболе в прошлом году.

— У тебя, наверное, классные места?

— Они чертовски хороши. Тебе нравится футбол?

Она пожимает плечами.

— Мне он не очень нравится, это не самое мое любимое занятие. Однако моя мама раньше любила его смотреть, поэтому я иногда включаю игры в фоновом режиме.

— Любила? Теперь ей нравится другая команда?

Глаза Дарьи тут же наполняются слезами. Она подносит руку к лицу, и я понятия не имею, что происходит.

— Извини, — говорит она напряженным голосом. Я встаю и обхожу стол, нежно кладя руку ей на плечо.

— Ты в порядке?

Она кивает, ее губы дрожат.

— Да, — выдыхает она и вытирает глаза. — Иногда это просто поражает меня, вот так внезапно. — Она прерывисто вздыхает и закрывает глаза. Одинокая слезинка скатывается по ее лицу. Мне больно видеть ее такой, и я понятия не имею, что не так. Я отступаю назад и беру салфетку. Она берет ее и промокает глаза.

— Моя мама умерла.

— Мне очень жаль. Соболезную.

— Спасибо. Прошло почти шесть лет, но иногда... Иногда это просто ранит меня, понимаешь?

Я придвигаюсь ближе, борясь с желанием заключить ее в объятия. Чтобы обнять ее и сказать, что все будет хорошо.

— Да, — честно отвечаю я. Я не знаю, на что похоже ее горе, но я знаю, насколько поразительным может быть внезапный всплеск эмоций или воспоминаний. — Это возникает из ниоткуда.

Она смаргивает слезы и смотрит на меня снизу вверх, прямо в глаза. Я наклоняюсь к ней всем телом, не замечая ничего, кроме нее.

То, как этот маленький лимонный амулет лежит прямо над ее грудью. То, как она пахнет цветочным шампунем и свежестырированной одеждой. Как быстро бьется ее сердце, стуча в такт моему.

Еще одна слеза скатывается по ее лицу, и я не думаю. Я просто протягиваю руку и касаюсь ее щеки, смахивая слезу большим пальцем. Дарья закрывает глаза и прижимается ко мне. Жар пронизывает меня, и мое сердце трепещет. Она поднимает руку, обхватывая пальцами мое запястье.

Затем звонит телефон, и Дарья отшатывается, быстро моргая и оглядываясь по сторонам. Неужели она тоже забыла, что мы стоим посреди офиса?

— Я... Я должна ответить.

Она шмыгает носом и поспешно выходит из кабинета. Я с трудом сглатываю, понимая, что мое сердце застряло в горле. Я засовываю его обратно под мышку и возвращаюсь к своему столу.

Смотрю через открытую дверь на Дарью. Она что-то записывает, зажимая телефон между ухом и плечом. Ее глаза все еще затуманены, но она взяла себя в руки. У меня такое чувство, что она привыкла это делать — улыбаться и вести себя так, как будто все в порядке.

Она совершенно не похожа ни на кого, кого я когда-либо встречал. Может быть, эти выходные были ужасной идеей? Потому что, как бы сильно я ни старался притворяться, что моя жизнь прекрасна и у меня есть все, что мне нужно, я знаю, что это ложь.

И по какой-то причине Дарья напоминает мне об этом. Может быть, часть меня хочет того, что есть у нее: близких друзей и хороших отношений с семьей. Или, может быть, это потому, что я хочу ее?

Глава 21

— Я люблю вас, — шепчу я, смахивая слезы с глаз.

Пятница. Очень раннее утро. И я уже встала, оделась и готова ехать в аэропорт. Девочки спят на надувном матрасе на полу в Таниной гостиной, и я провела всю ночь, обнимая их и рассматривая их детские фотографии в своем телефоне.

Это жалко, я знаю. Я еду на Алтай, а не лечу на Марс, и это всего на одни выходные. Мы вернемся в воскресенье вечером, так что на самом деле единственный день, когда я не увижу девочек, — это суббота.

Поцеловав каждую еще раз, я делаю фотографию, на которой они прижимаются друг к другу, а затем хватаю свою сумочку. Алекс пришлет за мной машину, и мы встретимся в аэропорту. Машина должна быть здесь с минуты на минуту, и я хочу выйти на улицу, пока собаки не начали лаять и не разбудили девочек.

Если они заплачут и попросят меня не уходить, велик шанс, что в конце концов я сдамся и останусь. Я доверяю Тане. Ради всего святого, она — квалифицированный педагог. К тому же она проходила курс первой помощи и помогает мне с девочками с момента их рождения.

И я, конечно, доверяю своему отцу. Но все же... Они — это не я. Никто не знает моих девочек так, как я. Я их мать... И я ухожу от них.

— Нет, — шепчу я себе. — Прекрати это прямо сейчас.

Я еду в деловую поездку, а не на девичник в Сочи, хотя это и звучит чудесно. Нам тоже было бы полезно провести немного времени порознь. Папе будет приятно взять их к себе на выходные, и у него уже запланированы развлечения на субботу и воскресенье, в том числе поход в зоопарк.

Я подтаскиваю свой тяжелый чемодан к двери, не желая его катить. Стук колес по плитке заставляет собак лаять. Черт! Я отпираю дверь, а затем возвращаюсь, чтобы поцеловать девчонок напоследок.

— Люблю тебя, мамочка, — говорит Вика, на полсекунды приоткрывая глаза.

— Я тоже люблю тебя. Очень сильно. — Я целую ее в лоб, а затем еще раз целую Полину. — И тебя тоже, мой маленький любимый жучок.

Наконец я заставляю себя выйти из дома. Буквально через минуту подкатывает черный «Кадиллак». Водитель выходит и кладет мою сумку в багажник, а затем открывает для меня дверцу. Я удивлена, увидев внутри Алекса.

— О, привет.

Я проскальзываю внутрь, молча проклиная себя за то, что подумала, что смогу накраситься по дороге в аэропорт. Мои волосы тоже все еще заплетены в беспорядочную косу. У меня был целый план: сделать макияж по дороге туда, расплести косички перед входом в аэропорт и распустить волны прямо перед встречей с Алексом.

Но это не значит, что я хотела хорошо выглядеть для него, или значит?

— Привет, — отвечает он. Каким-то образом в этот час он выглядит таким же собранным, как и в девять, когда входит в офис. Хотя вместо костюма на нем синие спортивные штаны и черная футболка. Это повседневный образ, удобный для ношения в самолете, и все же, когда я вижу его без обычного костюма и галстука, меня снова бросает в дрожь.

В его костюме есть несколько слоев, скрывающих от меня это крепкое тело. Майка, затем рубашка на пуговицах. Галстук. Куртка. На то, чтобы снять с него рабочую одежду, ушло бы больше времени, чем на то, чтобы стянуть эту футболку прямо через голову. Здесь нет ремня, который нужно расстегнуть, нет пуговицы, которую нужно расстегнуть, или молнии, которую нужно потянуть. Я могла бы просто засунуть свою руку прямо внутрь и почувствовать его — мне нужно, черт возьми, остановиться.

— Я не знала, что ты будешь здесь, — говорю я, натягивая ремень безопасности так сильно, что он застревает. Я дергаю его еще несколько раз, а затем полностью отпускаю.

— Когда я дал водителю адрес, он сказал, что твой дом прямо по дороге в аэропорт.

— О, тогда логично. Экономия бензина и все такое, верно?

Он кивает.

— Это твой дом?

— Нет, это дом моей подруги Тани. Утром она заберет девочек с собой в школу.

— Таня — учительница?

— Да. Вот, эмм, как мы попали в школу «Эрудит». У нее были хорошие связи.

Алекс снова кивает. У него нет собственных детей, но, похоже, он участвует в жизни своего племянника. Он, вероятно, не знает точной ежемесячной стоимости обучения в школе, но он должен знать, что это недешево. Я ни за что не смогла бы позволить себе обучение в таком месте одного ребенка, не говоря уже о двух, на зарплату ассистента.

— Катя прислала мне несколько фотографий маленького домика, в котором мы остановимся.

Я достаю свой телефон из сумочки и чувствую, как сжимается мое сердце, когда я вижу только что сделанную фотографию девочек. С ними все будет хорошо, снова говорю я себе. У меня начинает сжиматься горло, и мне трудно глотать, когда я думаю обо всех вещах, которые могли бы пойти не так.

Плохая погода. Насилие в школе. Давятся игрушками. Подавятся едой. Автомобильные аварии. Похищение людей. Зомби-апокалипсис. Отравление. Грипп. Инопланетное вторжение. Возможности безграничны.

— Это выглядит очень мило.

Мне все равно, хочет Алекс видеть эти фотографии или нет. Мне нужно отвлечься.

— И там две комнаты, так что тебе не придется спать на диване.

— Так я буду тем, кто спит на диване? — спрашивает он с улыбкой.

— О, конечно. Не забывай, что я оказываю тебе огромное одолжение.

— Это так, но разве премия, которую я плачу, не помогает выровнять ситуацию?

— Посмотрим.

Я перехожу к другой картинке.

— Один только этот вид почти все компенсирует. Разве не великолепно?

Я показываю ему фотографию озера, дополненного искусственным песчаным участком пляжа.

— Просто прелесть!

— Ты когда-нибудь была в подобном месте?

Я фыркнула от смеха.

— Нет. Но я была на настоящей ферме.

— Ты имеешь в виду в деревне, верно?

— Нет, я имею в виду настоящую колумбийскую ферму, — смеюсь я. — Мой дядя в

Колумбии держит огромную ферму и хозяйство из разных животных. В детстве я несколько раз бывала там. Очень любила кур и уток.

— У вас много родственников в Колумбии?

— Родственники по маминой линии все еще там. Раньше мы навещали их раз в год, но сейчас мне, эмм, сложно все организовать, чтобы отвезти девочек.

— Я пробовал изучать испанский в университете, и мне давалось с трудом, — рассказывает он мне.

— Я бы могла сказать, что это трудный язык для изучения, но это ложь, — смеюсь я. — И мне это далось легко. Это и понятно — моя мама бегло говорила по-испански, и мой папа научился языку от нее. Сейчас он тоже довольно бегло говорит. На самом деле это даже забавно. Я довольно бледная, хотя быстро загораю, и у меня нет испанского имени, ну типо Сильвия или Кармен, поэтому люди всегда удивляются, когда узнают, что я могу свободно говорить на испанском.

— Это, правда, забавно. Всегда приятно удивлять людей тем, что ты умнее, чем они о тебе думают, верно?

— Верно, — смеюсь я. Экран моего телефона гаснет, и я снова кладу руки на колени. Я устала, нервничаю и все еще не понимаю, хорошая это идея или нет. Если бы Алекс спросил меня об этом на прошлой неделе, я бы рассмеялась ему в лицо.

Но я что-то увидела в нем в тот вечер в школе; он был таким нежным, когда я начала плакать в его кабинете! Он не придавал этому большого значения, на самом деле он даже не поднимал эту тему. Он просто спросил, все ли со мной в порядке, когда я в следующий раз зашла передать сообщение.

Остаток того дня, а также четверг были очень насыщенными, поскольку все назначенные на пятницу встречи были втиснуты в свободные временные интервалы.

Алекс разрешил мне уйти на час раньше в четверг, чтобы я могла провести побольше времени со своими детьми.

Он на самом деле не такой ужасный, как я думала, и мне почти стыдно за то, что я предположила, что в нем не было другой стороны. Почти.

— Ого! — говорю я, выходя из машины. — Это даже лучше, чем на фотографиях! Я ставлю свою сумку на дорогу и оборачиваюсь. — Все такое зеленое!

Мы наконец прибыли в домик у озера. Устав от бессонной ночи, я уснула в полете и крепко спала часа три. Я раньше летала лишь эконом-классом и обнаружила, что сиденья в первом классе очень удобные.

— Я чувствую себя так, как будто попала на съемки фильма.

Алекс ставит мой чемодан на землю и закрывает багажник.

— Да! — У меня голова начинает кружиться от идей для сюжета.

— Итак, Катя сказала, чтобы мы направлялись в главный дом, и ее двоюродная сестра Лена будет там, чтобы отдать нам ключ от коттеджа.

Алекс запирает машину и несет оба чемодана к дому.

— Я могу взять свой, — говорю я ему.

— Не надо, я справлюсь. Хотя мне любопытно, зачем ты взяла так много вещей. Мы пробудем здесь всего лишь выходные.

— Мне пришлось творчески подойти к выбору орудий убийства, чтобы никто ничего не заподозрил.

— Ты планируешь убить меня прямо здесь?

— А потом забрать твои документы.

— Ну, это нелепо. — Он останавливается. — Я планировал сделать то же самое с тобой. Я купил парик и все необходимое.

— Ооо, нелепо — это правильное определение. Потому что теперь мы будем ждать, когда один из нас нанесет первый смертельный удар. Хотя, возможно, это тот редкий случай, когда мы согласимся просто выдавать себя за других, не убивая друг друга. Избавиться от тела гораздо сложнее, чем кажется, а в этом озере нет аллигаторов или акул, которые могли бы тебя съесть.

— Хорошо, но только если ты дашь мне несколько уроков, где научишь меня быть тобой. Иначе я вернусь к своему первоначальному плану, полному множества убийств.

Я смеюсь и подкатываю под ногу кусочек гравия, прежде чем мы снова продолжаем путь.

— Я рада, что ты не считаешь меня полной чудачкой.

— О, я считаю. Но мне это в тебе нравится.

Я помню, как один из стажеров сказал, что комплимент от Алекса так же редок, как и комплимент от честного политика. Мы не на работе... но разве комплименты, выходящие за рамки офиса, неприменимы?

Технически это деловая поездка. Алекс здесь, чтобы попытаться расположить к себе Дмитрия, и ему нужно, чтобы я была его прикрытием. Но для меня это не связано с работой. Моя работа состоит в том, чтобы пить вино, спать и притворяться безумно влюбленной в своего нового парня.

Что будет не так уж трудно сделать. Проклятье.

— Хорошо. Потому что я могу это контролировать, как днем на работе, так и в течение целых выходных... Все ставки отменяются.

Он снова смеется, и, видя, как светлеет его лицо, я чувствую себя немного неуютно внутри.

Оставив багаж на мощеной дорожке, ведущей к домику у озера, мы поднимаемся по ступенькам и стучим в дверь. Здесь все красиво, как на открытке. Дом расположен на приличном расстоянии от дороги, а подъездную дорожку обрамляют высокие деревья. Сам по себе двор впечатляет, а озеро за домом просто огромное.

Несмотря на то, что я видела фотографию дома, живую он кажется больше. Удивительно думать, что это второй дом для семьи Дмитрия Григорьевича Заполицкого, когда он, вероятно, больше, чем единственный дом у большинства людей. Коттедж находится в лесу сбоку от дома, и мне кажется, я могу разглядеть крышу сквозь деревья.

Нас окружают звуки природы, в том числе — нежный плеск озера. Если бы я жила здесь, я бы никогда не уезжала. Здесь так безмятежно, так умиротворяюще. К тому же поговаривают, что за здешнюю травяную настойку можно умереть.

Входная дверь распахивается.

— Привет! Вы, должно быть, Дарья и Алекс?

Невысокая бодрая блондинка с бокалом красного вина в руке выходит на крыльцо.

— Я — Лена. Заходите. — Она машет рукой и делает шаг назад, натыкаясь на дверь.

— Вы голодны? Хотите пить? Как прошел ваш полет? Я была в Москве всего один раз, и мне там понравилось. Я с Алтая, родилась и выросла тут. Люди, которые здесь живут, обычно не переезжают, так что дядя Дима в некотором роде белая ворона. Я, конечно, шучу.

Она говорит со скоростью миллион слов в час. Алекс бросает на меня взгляд, на

который я отвечаю улыбкой, говорящей о том, что я согласна с тем, что да, она чертовски гиперактивная.

— Мы купили кое-что перекусить в аэропорту, — говорю я ей. — Но я бы не отказалась чего-нибудь выпить.

— А мы все не отказались бы, — смеется она. — Воды? Вина?

— Воды, пожалуйста.

Она делает глоток своего вина и ведет нас через впечатляющий холл. С одной стороны находится столовая, с другой — кабинет, а изогнутая лестница ведет на подиум на втором этаже. «Ошеломленная» — это слово даже примерно не описывает мое чувство в данный момент.

Кухня столь же впечатляющая, вся белая и светлая, и полна дорогой бытовой техники. Лена делает большой глоток вина и со звоном ставит бокал на стойку.

— Игристая или обычная?

Ее вопрос сбивает меня с толку, и я не понимаю, что, черт возьми, она имеет в виду.

— Дарья — не поклонница газированной воды, — отвечает за меня Алекс.

О, точно. Я чувствую себя глупо. Алекс вопросительно смотрит на меня, неуверенный, правда ли это вообще. Я слегка киваю ему.

Лена достает из холодильника две бутылки с водой.

— Спасибо, — говорю я ей и оглядываю дом. Кухня переходит в гостиную. В декоре преобладает морская тематика, на мой вкус, ее слишком много, но все равно красиво.

— Ого, ничего себе, — говорю я, выглядывая из больших окон гостиной. — Вид — потрясающий!

— Правда же? Давненько я не была на озере. Я и забыла, насколько это впечатляет! Это так полезно для души — посмотреть на воду. Полная луна над озером ночью... — Ее рука взлетает к груди. — Это великолепно. Просто великолепно.

Она открывает ящик стола на кухне и достает ключ. Он прикреплен к большому брелку для ключей от парусной лодки.

— Держи! Я полагаю, ты хочешь пойти освежиться? — Она лукаво подмигивает и наклоняется ко мне. — Катя упомянула, что вы только начинаете встречаться. Я помню, каково это... И как быстро потом все разваливается, — добавляет она себе под нос. — Вот. — Она достает две бутылки вина из маленького винного холодильника на кухне и протягивает их мне. — Ты должен попробовать это. Это мое любимое вино.

Я беру одну бутылку, Алекс — другую.

— Спасибо, — говорит он ей. — И ты права. Мы действительно хотим немного побыть наедине.

Он бросает на меня взгляд, который должен быть игриво сексуальным, и, черт возьми, так оно и есть.

— Дверь может немного заедать, — говорит нам Лена, когда мы возвращаемся к передней части дома. — Не бойся слегка подтолкнуть ее бедром.

— Хорошо, Еще раз спасибо, Лен, — говорю я и задаюсь вопросом, собирается ли она идти с нами в коттедж. К счастью, она останавливается на нижней ступеньке крыльца. Я кладу воду и бутылки вина в свою сумку, сожалею об этом, как только вешаю эту сумку на плечо, но все равно улыбаюсь и терплю.

Коттедж находится на приличном расстоянии от дома и он очарователен.

— Он похож на сказочный домик, — размышляю я, останавливаясь перед ним. Мои

губы растягиваются в улыбке, и мысли возвращаются к струящимся платьям, злым проклятиям и красивому храброму принцу, появившемуся, чтобы спасти положение.

Но потом он попадает в плен, и принцесса должна спасти его. О! И она обладает магической силой. Надо остановиться.

— Может, нам стоит войти? — спрашивает Алекс, возвращая меня к реальности. — Или ты хочешь еще полюбоваться снаружи?

— Я могу полюбоваться еще минутку. Хотя на самом деле мне нужно в туалет. И я хочу открыть ту бутылку вина. Это будет либо очень вкусно, либо отвратительно.

— Я ставлю на «отвратительно». Она выглядит дешево.

— Эй, стой, — возражаю я и снимаю свою тяжелую сумку с плеча. — Дешево — не всегда значит плохо.

— Но это вероятнее всего.

— О, конечно. Вы получаете то, за что платите.

Я вставляю ключ в замок, поворачиваю его и пытаюсь повернуть дверную ручку. Она поворачивается, но дверь заклинивает, как и предупреждала Лена.

Здесь прохладнее, чем в Москве, но из-за того, что озеро так близко, здесь довольно влажно. Я толкаю дверь бедром, и она со скрипом открывается.

— О, Боже мой, — восклицаю я. — Как же это, черт возьми, круто! Серьезно. Как будто лесные феи объединили свои усилия и создали это!

Коттедж выполнен в сочетании белых и серых тонов и натурального дерева. Он очень прост, но с традиционными акцентами, и хотя он не такой большой и причудливый, как дом у озера, он нравится мне даже больше.

Нижний этаж в основном выполнен в открытой планировке, с гостиной с одной стороны и совмещенной столовой-кухней с другой. Я ставлю свою тяжелую сумку на стул и достаю вино.

За лестницей есть ванная комната, а раздвижная прозрачная дверь из гостиной ведет на застекленную веранду.

— Ты хочешь сначала выбрать себе комнату? — спрашивает меня Алекс, поднимая мой тяжелый чемодан так, словно он ничего не весит.

— Эмм, конечно.

Я отвинчиваю крышку с одной из бутылок вина и открываю и закрываю шкафы на кухне, пока не нахожу бокалы для вина. Наливаю по два щедрых бокала обоим, Алексу и себе, и следую за ним вверх по лестнице.

Наверху есть две комнаты, и в каждой — своя ванная. Идеально. Мы с Алексом можем оставаться порознь, когда все пойдут спать, и никто ничего не узнает.

Комнаты похожи как по размеру, так и по декору. Я выбираю ту, из которой открывается лучший вид на озеро. Алекс заносит мой чемодан внутрь и уносит свой в комнату напротив.

Мы возвращаемся вниз и выносим вино на крыльцо. Отсюда не видно озера, но мы полностью окружены лесом. Это заставляет меня чувствовать себя так, словно мы совсем одни в этом мире, и на многие километры вокруг не видно никаких следов цивилизации.

— Итак, Лена была очень... бодрой. — Алекс делает маленький глоток вина. — На самом деле это довольно неплохо.

— Я же говорила тебе. — Я делаю глоток. — Ладно. Мне нравится.

Алекс смеется и делает еще один глоток. Он сидит на качелях, которые находятся на

крыльце, — с краю, вместо того чтобы сесть посередине. Из-за этого качели теряют равновесие, поэтому я сажусь рядом с ним.

— Я думаю, что Лена недавно развелась, и развод был вызван ее неуверенностью в себе и желанием иметь детей, тогда как ее муж их не хотел. Она поставила ему ультиматум: либо — семья, либо — вообще ничего, он ушел. Он, к слову, уже помолвлен с женщиной помоложе, потому что — сюрприз! — она беременна.

— Хмм, странно.

— У меня есть одна странная особенность: мне нравится придумывать истории для людей. Выдумывать им драматические предыстории, объясняющие их поведение.

— У тебя такие истории есть и обо мне?

— Да. — Я поднимаю брови и делаю еще один глоток вина.

— Ну, и в чем же дело? Мне интересно послушать.

— Понадобится еще бокал или два вина, прежде чем я расскажу тебе это. Поставив ноги на крыльцо, я встаю.

— Я собираюсь принять душ, а потом прилягу, пока не приедут Катя и ее муж. Я допиваю остатки вина, надеясь, что это поможет мне еще немного вздремнуть, и возвращаюсь в свою комнату.

Достаю из своего чемодана только то, что мне нужно, и иду в ванную. Она немного старая, с бирюзовой плиткой в душе, но чистая. Я неторопливо мою голову и тщательно сбрываю все до последнего нежелательного волоска.

Вытираюсь насухо, затем заворачиваю волосы в полотенце. У меня есть распорядок, к которому я привыкла после душа. Нанести тоник для лица, лосьон для тела, а затем увлажняющий крем на лицо, как только тоник подсохнет.

Я оставила лосьон в своем чемодане, а в этой ванной так душно, что я уже начинаю потеть. Я голая, и выйти на прохладный воздух будет приятно.

Распахиваю дверь ванной и оказываюсь лицом к лицу с Алексом...

Глава 22

Дверь ванной открывается, и меня обдаёт волной пара и сладким ароматом шампуня Дарьи. Она не так уж долго была в душе, и я подумал, что успею поставить свой чемодан и уйти до того, как она выйдет.

Оказывается, я ошибся. Испуганно поднимаю глаза — и все, что я вижу, — это сиськи. Большие, круглые, идеальные сиськи. Они прямо на уровне моих глаз, и я смотрю на них три секунды, но это на три секунды дольше, чем нужно.

— Что ты здесь делаешь?

Дарья отскакивает назад, пытаясь закрыться в ванной. Я отворачиваюсь и секундой позже слышу, как она поскользывается и падает на пол.

Подняв руку к глазам, чтобы не смотреть, я обхожу кровать и останавливаюсь. Моргнув, снова вижу ее обнаженное тело. Черт, она великолепна.

— Ты в порядке?

— Все нормально, — фыркает Дарья. Дверь ванной со щелчком закрывается, и я опускаю руку. — Что такое, Алекс?

— Мне жаль. — Я направляюсь к двери. — Катя здесь.

— Так ты пришел, чтобы сказать мне об этом? Дверь была закрыта. Я не думала, что мне придется ее запирать. О, Боже мой. Ты видел меня голой!

— Ты великолепно выглядишь, если это поможет, — говорю я и тут же вздрагиваю от

собственных слов. — Мне так жаль. Я думал, что смогу быстро поставить здесь свой чемодан и уйти.

— И зачем?

— Ты можешь открыть дверь?

— Нет!

— Ты меня слышишь? — спрашиваю я, понижая голос.

— Что?

— Ты меня слышишь?

Она шаркает за дверью и затем отпирает ее. Дверь открывается всего на несколько сантиметров.

— Что? — огрызается она.

— Катя и ее муж здесь. В коттедже.

Дарья качает головой.

— И что с того?

— Они остановились в коттедже вместе с нами. В другой спальне. Мне нужно было вынести свой чемодан из той комнаты, прежде чем они спросят, почему мы живем в разных комнатах.

Дарья, которая сейчас завернута в полотенце, приоткрывает дверь еще немного.

— О, блин. Это значит, что мы должны жить здесь вместе? Пользоваться общей ванной и спать в одной комнате?

— Я буду спать на полу, — говорю я ей, уже подумав об этом. Во всем доме, за исключением ванных комнат, все из дерева, но рядом с кроватью есть довольно потертый на вид коврик, который послужит матрасом, и я еще сложу одеяло. — И Катя сказала что-то насчет того, чтобы пойти куда-нибудь с девочками, так что нам не придется видаться до конца дня.

— Слава богу, — фыркает Дарья. — Я все еще не могу поверить, что ты видел меня голой.

— Хочешь увидеть и меня голым? — спрашиваю я с ухмылкой. — Сравнять счет?

Дарья свирепо смотрит на меня.

— Может быть, позже. А сейчас ты можешь просто... убраться?

— Да, конечно. И я еще раз прошу прощения. Я не хотел, чтобы это случилось, и действительно думал, что ты пробудешь там дольше.

— Думаю, короткий душ — это привычка. Особенно, когда у тебя двое маленьких детей. Длительные водные процедуры могут привести к разгрому всей квартиры.

Снова слова Дарьи о своих детях заставляют меня подумать, какая она самоотверженная, добрая, заботливая... И все еще практически голая и всего в нескольких метрах от меня. Я никогда не испытывал такого искушения протянуть руку и поцеловать ее, как сейчас.

— Знаешь, тебе нечего стыдиться, — говорю я ей, отталкиваясь от стены, чтобы уйти.

— У меня двое детей и большой шрам от кесарева сечения на животе, — говорит она, но я думаю, что это больше для себя, чем для меня.

— Я не заметил, — говорю ей. Наверное, потому, что я был слишком отвлечен ее великолепными, замечательными, большими сиськами. Я хочу просунуть свое лицо между ними, а затем проложить дорожку поцелуев вниз по ее животу, медленно раздвигая ее ноги. Я найду ее уже влажной, разгоряченной предвкушением того, что должно произойти. — И у

меня тоже есть шрамы.

— Правда?

— Да.

Я поворачиваюсь и задираю рубашку, показывая ей шрам длиной в десять сантиметров на правой стороне спины. Я получил его, когда папа толкнул меня, и я упал на стеклянный столик. Мама сказала санитарам скорой помощи, что я играл в мяч в доме, после того как она, конечно, запретила мне это делать, вследствие чего я споткнулся и упал.

Медсестра прочитала мне лекцию о том, как важно слушать своих родителей.

— Это не так круто, как твой шрам, — продолжаю я и возвращаю рубашку на место. —

Из меня не вышло никого живого.

— Спасибо тебе, — улыбается Дарья.

— За что?

— За то, что пытался заставить меня чувствовать себя лучше.

— Это сработало? — спрашиваю я.

Ее улыбка становится шире:

— Да. А теперь убирайся отсюда, чтобы я могла одеться.

Я сижу на качелях на крыльце, чувствуя, как поднимается ветерок и доносит запах дождя. Небо над нами покрыто пятнами, его едва видно сквозь листву, но я могу сказать, что надвигается буря.

Не то чтобы я мог это почувствовать. Нет, я не настолько в ладу с природой. Просто на моем телефоне появилось оповещение о непогоде. Я не думаю, что Дарье удастся спуститься на пляж с Катей, и не похоже, что сегодня днем можно будет взять лодку и порыбачить с ребятами.

Я не так уж часто бывал на рыбалке, но вообще мне это нравится. Входная дверь со скрипом открывается, и Дарья выходит на крыльцо. Она держит вино, которое мы открыли ранее, и два пустых бокала. Она сделала макияж, но ее волосы, все еще немного влажные, заплетены в свободную косу, спускающуюся по спине. На ней короткое черное платье, поверх которого накинут серый свитер. Маленькое лимонное ожерелье покоится прямо над этой большой красивой грудью, и требуется огромная сила воли, чтобы не смотреть прямо на нее.

— Я почти уверена, что они там наверху занимаются сексом, — говорит мне Дарья и подходит, останавливаясь всего в метре от меня. Она ставит бокалы на деревянные перила и наполняет их. Вручив мне бокал, она садится на качели рядом со мной.

— Спасибо, Дарья.

— Хорошо. Вставай и раздевайся.

Я смотрю на нее и смеюсь:

— Прямо здесь? Прямо сейчас?

— О, точно. Я ведь забыла свой телефон.

— Ха-ха. Фотографии моей обнаженной фигуры обойдутся дорого.

— Да пожалуйста. Я могу смотреть бесплатное порно весь день, каждый день.

— Верно... Поэтому нам пришлось заблокировать определенные сайты в офисе.

Дарья смеется:

— Люди смотрели порно на работе?

Я киваю.

— Самым странным днем за всю мою карьеру был тот, когда мне пришлось уволить

стажера за то, что он прочил за своим столом.

— Ни за что не поверю! — Дарья подносит бокал с вином к губам и делает глоток. Ее глаза сверкают, показывая, что она счастлива, и она просто божественно красива. — Ты все выдумываешь.

— Хотелось бы. Оказывается, у парня была какая-то форма сексуальной зависимости, но это все равно не значит, что можно заниматься этим на работе. Хотя это объясняло, почему мы постоянно находили пустые коробки из-под салфеток в мусоре в комнате отдыха.

Дарья морщит нос.

— В комнате отдыха? Где мы едим???

Я киваю.

— Ага. Все продезинфицировали, не волнуйся.

Она вздрагивает.

— Мне противно думать обо всех общественных поверхностях, на которых мы сидим — или едим, — на которых есть... Ну, ты знаешь... Отвратительные жидкости.

Я смеюсь.

— Я стараюсь не думать об этом.

— Я просто рада, что давно уже не езжу на общественном транспорте. Возить двух маленьких детей в метро...

Она вздрагивает и делает еще глоток вина. Я думаю, она немного навеселе, и не хочу задавать личные вопросы, пока она не в своем уме. Это нечестно, и я не хочу, чтобы она отвечала на что-то, чего не сказала бы, если бы не выпила бокал вина.

— Итак, отец девочек... — осторожно спрашиваю я.

— Его вообще нет в нашей жизни. — Дарья делает большой глоток вина и ставит бокал на крыльцо. Она откидывается назад и отодвигает качели. — Мы встретились на вечеринке, переспали, и примерно через месяц я поняла, что беременна. У меня даже не было его номера телефона, и после этого я его больше никогда не видела. Это единственный секс на одну ночь, который у меня когда-либо был.

— Я должен извиниться?

Она пожимает плечами, а потом смеется.

— Я не знаю. Я училась в институте и никогда не ходила на вечеринки, почти не пила... В ту ночь я сделала несколько безрассудных поступков, но это подарило мне моих девочек, и я не хотела бы, чтобы было по-другому. И это был не совсем ужасный опыт. У нас была эта волшебная ночь, и секс был хорошим... но все закончилось в ту же ночь.

Я ненавижу то, что какой-то части меня нравится знать, что у нее нет никаких связей с отцом девочек. Она одинока. Доступна для меня, но — нет. Я не встречаюсь со своими сотрудниками. Черт возьми, я даже не буду с ними спать.

Хотя сегодня, по-моему, подходящий день, чтобы нарушить правила.

— Теперь ты думаешь обо мне хуже?

— С чего бы мне это делать?

Она вздыхает и качает головой.

— Многие люди так делают.

— Господь свидетель, я совершил много безрассудных поступков, пока был пьян. На самом деле, наверное, это чудо, что от меня никто никогда не беременел. Я думаю, что это несправедливо и лицемерно, когда мужчин хвалят за то, что они переспали, но женщин за это же самое наказывают.

— Да, именно это я постоянно говорю. Потому что мы делаем... Я делаю... — Она прикусывает губу и отводит взгляд. — Его звали Миша, — тихо говорит она. — И это была не просто случайная связь. Мы проговорили всю ночь, но не обменялись номерами телефонов. Я знаю, это звучит глупо. Но я была молодая и неопытная.

— Я не думаю, что это звучит глупо. И тебе не нужно ничего объяснять, Дарья, — мягко говорю я. — Я не из тех, кто судит. Мой моральный ориентир — это... — Я замолкаю, качая головой. — Я думаю, моя мораль отвалилась давным-давно.

— Не-а. — Она игриво толкает меня локтем. — Ты не так уж плох. — Наклонившись вперед, она берет бокал с вином. — Хочешь прогуляться со мной к озеру?

— Да, было бы здорово.

Она допивает свое вино, а я делаю большой глоток из своего, а затем ставлю бокал на маленький стеклянный столик сбоку от входной двери. Дарья спрыгивает со ступенек и оглядывает дом.

— Мы должны пойти по этому пути. — Она указывает на заросшую травой тропинку, уходящую от озера в лес.

— Я не думаю, что она ведет к озеру.

— Все может быть. — Ее глаза загораются. — Где же твоя тяга к приключениям?

Ветер усиливается как раз в тот момент, когда мы выходим на тропу, и Дарья дрожит. Она натягивает на себя свитер и с улыбкой оглядывается на меня.

— Здесь вкусно пахнет.

— Да, это так. Воздух очень чистый. Возможно, через несколько месяцев нам придется провести один из этих дурацких тимбилдингов по сплочению команды именно здесь.

— Ты серьезно этим занимаешься?

— Ни за что на свете, — смеюсь я. Хотя, если это снова приведет меня сюда вместе с Дарьей, я бы так и сделал.

Некоторое время мы молча гуляем по лесу, наслаждаясь видами и звуками природы. Примерно через минут десять ветер усиливается.

— Может, нам стоит вернуться? — спрашивает Дарья, глядя на раскачивающиеся деревья. — Я не хочу, чтобы упало дерево и убило нас.

— Хорошая идея.

Как раз в тот момент, когда мы поворачиваемся, чтобы уйти, раздается раскат грома, и начинает накрапывать дождь.

— Побежали, — говорю я и хватаю ее за руку. Мы мчимся через лес, но всего через несколько секунд дождь превращается в ливень. Дарья издает негромкий вскрик, а затем начинает смеяться. Сверкает молния, и снова раздается раскат грома.

— Быстрее! — зовет она и сжимает мою руку. Земля у нас под ногами мягкая, а дождь льет как из ведра. Наконец мы добираемся до коттеджа и вскакиваем на крыльцо.

Стоя перед дверью, Дарья останавливается и поворачивается ко мне.

— Ну, это было приключение, не так ли?

— Да уж. Ветер налетел очень быстро.

— Надеюсь, он быстро закончится.

Она смотрит на деревья, которые раскачиваются, как сумасшедшие. Дождь накрывает нас, и мы отступаем назад, ближе к дому. Дарья прямо здесь, рядом со мной, так близко, что я чувствую тепло, волнами исходящее от ее кожи.

Если когда-либо и было идеальное время для первого поцелуя, то это именно оно. Я

убираю мокрые пряди волос с лица Дарьи. Она придвигается ближе, и я беру ее за подбородок. Я наклоняюсь, приоткрывая губы, и сердце бешено колотится.

Над нами раздается еще один раскат грома, и яркая вспышка молнии озаряет серое небо. Дарья моргает, сведя вместе свои длинные влажные ресницы. Она кладет руку мне на талию, прижимая холодную, промокшую ткань моей рубашки к моей коже.

Ее глаза встречаются с моими и затем закрываются. Она хочет, чтобы я поцеловал ее, так же сильно, как я хочу поцеловать ее. Я тоже закрываю глаза и наклоняюсь еще ближе.

Но потом я остаиваюсь.

Дарья не заинтересована в перепихоне. Она не из тех, кто заводит роман на одну ночь. Она хочет обязательств, а я... Я не знаю, смогу ли дать ей это. Она заслуживает всего мира, но есть так много «что, если», когда дело доходит до долгосрочных отношений, и я не знаю, справлюсь ли с этим.

Самый большой вопрос не в том, что будет, если она не сделает меня счастливым. А что, если я не сделаю ее счастливой?

Глава 23

Александр Фролов собирается поцеловать меня.

Ветер и дождь усиливаются. Раскаты грома разносятся над нами, моя одежда промокла насквозь, и в этот момент я забываю, что Алекс — мой начальник. Что он самоуверенный негодяй.

Прямо сейчас он просто Алекс, и он начинает мне нравиться... И еще я очень хочу, чтобы он поцеловал меня. Я позволяю своим глазам закрыться, а губам приоткрыться. Рука Алекса лежит на моей щеке, и я чувствую тепло, исходящее от его кожи.

Если он поцелует меня, все изменится. Один поцелуй, может быть, и не имеет большого значения для него, но для меня это важно. Я не шутила, когда сказала, что я не из тех девушек, которые заводят роман на одну ночь. И хотя мы с Михаилом больше никогда не разговаривали, в ту ночь между нами возникла связь.

Не просто голая физическая связь, а настоящая. Мы поняли друг друга, и если бы я не была так пьяна к концу вечера, я бы не забыла взять его номер телефона или узнать фамилию, чтобы следить за ним в социальных сетях, как сделала бы любая нормальная двадцатилетняя девушка.

Алекс придвигается ближе, задевая своими бедрами мои. По мне пробегает дрожь, и внезапно я чувствую себя слишком юной и невинной, слишком неопытной и неуклюжей для такого как он. За эти годы у меня было немало увлечений. Но Алекс — не невинное увлечение, и он определенно не похож ни на кого, с кем я встречалась раньше.

В нем нет ничего невинного или мальчишеского, совсем нет. Он мужчина. Высокий. Мускулистый. Властный. Мое сердце подскакивает к горлу. Даже несмотря на то, что глаза закрыты, я чувствую, как Алекс придвигается ближе. Чувствую запах его одеколona. Свежий аромат стирального порошка. Его.

Но потом он колеблется.

Я не хочу открывать глаза и видеть выражение его лица. Неужели он вдруг осознал, что собирался сделать, и пожалел об этом? Или, может быть, он вообще не собирался меня целовать, и теперь я создала ситуацию в миллион раз более неловкую, чем ту, когда он застал меня голой?

Затем открывается входная дверь, и мы отпрыгиваем друг от друга, чувствуя, что нас застукали на месте преступления.

— О, Боже мой! — Катя смеется. — Попали под ливень?

Я опускаю взгляд на свою мокрую одежду.

— Совсем чуть-чуть.

Алекс отворачивается, глядя на дождь, струящийся сквозь деревья.

— Это произошло быстро.

— Я только что проверила прогноз, — говорит нам Катя. — Все должно пройти примерно через час. Хотите есть? Я умираю с голоду.

— Да, я голодна как волк. — Я смотрю на Алекса. Он все еще смотрит вдаль, в лес. Я опускаю взгляд на его промежность и заставляю себя отвести взгляд.

— Алекс?

— Да? — он поворачивается, нахмутив брови, и смотрит на меня так, как будто это я виновата в том, что он хотел поцеловать меня.

— Ты голоден? — спросила я.

Он кивает.

— Да.

— Тогда нам нужно переодеться.

Он просто снова кивает, и я направляюсь внутрь, поднимаясь в комнату так быстро, как только могу, чтобы не накапать на деревянный пол. Я хватаю новое нижнее белье и голубое платье и иду в ванную переодеться. Я вытираю волосы полотенцем, когда открываю дверь, чтобы вернуться в комнату.

И Алекс стоит там, одетый только в свои боксеры. Он повернут ко мне спиной, и я еще раз смотрю на этот шрам... И на его тело. Боже мой, какое совершенное тело. Он подтянутый и мускулистый, но не такой уж противный. Мужчины не должны так выглядеть — это противозаконно! Кроме того раза, когда Таня заставила меня пробежаться с ней рано утром и мы увидели футбольную команду без маек, бегущую трусцой по дорожке, я видела мужчин в такой форме только по телевизору. Его грудные мышцы четко выделенные, переходят в хорошо очерченный пресс и ту идеальную, соблазнительную форму V-образных мышц, которая исчезает в его боксерах.

— Уже пытаешься нажиться на нашей сделке? — спрашивает он и натягивает сухие джинсы.

— Если бы это было так, я бы вышла из ванной несколько секунд назад. Если только ты не согласишься станцевать для меня танец.

— У тебя есть пачка долларовых купюр?

— К сожалению, я оставила их дома, — смеюсь я и еще раз провожу полотенцем по волосам. — Хочешь, я найду банкомат?

— Может быть, я захочу раздеться для других целей?

— О, правда? — Я беру расческу с туалетного столика и провожу ею по волосам. Могу ли я знать, для каких именно?

Он хихикает и подмигивает мне.

— Ты узнаешь позже.

Качая головой, я достаю из сумки фен и возвращаюсь в ванную, чтобы высушить волосы. Алекс сбивает меня с толку, и я не понимаю, что происходит.

Он флиртует, это точно. И я флиртую в ответ. Я была уверена, что он собирается поцеловать меня, но потом он остановился, ведя себя так, словно это было последнее, что он хотел сделать.

Как только мои волосы почти высыхают, я заплетаю их в косу, поправляю поплывший макияж и возвращаюсь в спальню. Дождь стих, и Алекс открыл окна. Он стоит у одного из них и смотрит наружу.

— Здесь так спокойно, — тихо говорит он.

— Так и есть. Девочкам бы понравилось гулять по лесу.

Он одаривает меня дерзкой ухмылкой.

— До тех пор, пока не начнется дождь.

— О, им бы понравился дождь.

Я чувствую, как у меня сжимается сердце, когда я думаю о них. Осталось всего несколько часов до того, как у них закончатся уроки, и мы сможем поболтать по видеосвязи. Боже, я уже так сильно скучаю по этим маленьким детям, хотя обычно в это время я на работе. Просто тот факт, что я не могу их видеть, заставляет меня скучать по ним. Это не значит, что я могу просто уйти с работы, когда захочу, но мне нравится думать, что такая возможность есть.

Я не могу сейчас приехать и повидаться с ними.

— Ты в порядке? — спрашивает меня Алекс. — Ты вдруг стала грустной.

Он отходит на шаг от окна.

— Да, я думаю о девочках и скучаю по ним. Мы никогда раньше не расставались. Я знаю, им полезно вот так проводить время вдали от меня.

— Да, это полезно для вас троих. Ты — хорошая мама, — добавляет он, и кажется, что он знает, как сильно мне нужно это услышать прямо сейчас, потому что я здесь целый день пью, тусуюсь и веселюсь.

— Спасибо. Это очень много значит для меня.

Я надеваю другой свитер, и Алекс почти полностью закрывает окно, оставляя его открытым на пару сантиметров, чтобы впустить прохладный воздух.

Катя дает нам один большой зонт на двоих. В этом не было бы ничего особенного, если бы мы были настоящей парой. Алекс раскрывает зонт и протягивает мне руку.

Он видел меня обнаженной.

Мы почти поцеловались.

Он начинает мне по-настоящему нравиться.

И теперь, когда он обнимает меня одной рукой, притягивая ближе к своему телу, так что мы оба находимся под защитой зонта... Нет. Мне нужно остановиться. Это так похоже на меня. Я увлекаюсь, придаю слишком большое значение вещам и сочиняю свои глупые истории с обычно невозможным «долго и счастливо».

Алекс ни за что не заинтересовался бы кем-то вроде меня.

Он вот-вот унаследует семейную компанию и уже дважды попадал в список Форбс, а ему всего тридцать. Я разорившаяся мать-одиночка, которая так и не закончила институт. Да... Я и он... Этого никогда не случится.

— Мы можем либо остаться здесь со стариками, — говорит Катя достаточно громко, чтобы услышали ее родители, — или можем не бояться дождя и пойти куда-нибудь перекусить.

— Я не против того, — говорю я ей. Мы сидим в гостиной дома у озера, наслаждаясь теплом от огня в большом каменном камине. Странно разводить огонь в это время года. Дома, в Москве, по-прежнему чертовски жарко и влажно.

Алекс стоит рядом со мной и обнимает меня за плечи, когда мы садимся. Я знаю, что

это все напоказ, но мне показалось, что он сделал это не задумываясь, как будто хотел обнять меня.

— Я голосую за то, чтобы не бояться дождя, — говорит Леня, муж Кати.

— Поддерживаю, — говорит Алекс и медленно убирает руку с моих плеч, проводя пальцами по моему затылку. От этого у меня по спине пробегают мурашки, а между ног разливается жар. Я немного удивлена, что он проголосовал за то, чтобы уйти. Весь смысл приезда сюда заключался в том, чтобы он мог поговорить с Дмитрием и убедить его снова работать в его фирме.

— А как насчет тебя, детка?

Я собираюсь ввести новое правило, как только мы останемся одни: никаких ласкательных обращений. Я на самом деле не их поклонница. Однако я начинаю испытывать к нему чувства. Игра в притворство сбивает меня с толку, делая невозможным считывание сигналов.

Если они вообще есть.

Проклятье. Все становится слишком сложным. Неудивительно, что так много актеров начинают встречаться после того, как сыграли романтические пары в кино.

— Отлично. Недалеко есть очень симпатичный ресторан, где подают нереально вкусную еду. — Катя улыбается и встает. — Лен, ты идешь?

Лена, которая безостановочно разговаривала с матерью Кати, машет рукой в воздухе.

— Нет, я пас, сходите куда-нибудь парочками.

— Ты уверена? — спрашивает Катя, делая мою историю о том, как Лена пережила расставание или развод, более правдоподобной.

— Да. Кстати, завтра весь день должно светить солнце, так что у нас будет пляжный денек.

— Только осторожно, милая, — говорит мама Кати. — Дороги могут быть скользкими.

— С нами все будет хорошо, мам, — говорит Катя, подходя и целуя мать на прощание.

Только сегодня она рассказала мне, что после того, как ее родители познакомились в университете, ее отец переехал с Алтая в Екатеринбург, где занялся «игрушечным бизнесом» и основал собственную компанию. Его история успеха тоже интересна и просто показывает, как большие деньги на самом деле могут достаться любому.

Более крупная компания по производству игрушек выкупила их, а затем у этой компании возникли проблемы с налоговой службой, и она объявила о банкротстве. У Дмитрия, который вложил все деньги, вырученные от продажи своей компании, было достаточно средств, чтобы выкупить ее обратно, вытащить из ямы, в которой они оказались, и превратить ее в одного из крупнейших производителей игрушек в стране. Никогда бы не подумала, что изготовление игрушек приносит столько денег.

Я проверяю время на своем телефоне, мысленно ведя обратный отсчет до тех пор, пока смогу поговорить со своими девочками. Я надеюсь, что у них хороший день, и до меня начинает доходить, что меня не будет рядом, чтобы уложить их в постель сегодня вечером.

Выйти куда-нибудь — хорошая идея. Это отвлечет меня... Я надеюсь.

К тому времени, как мы выезжаем, дождь превращается в морось. Возле маленького ресторанчика, о котором говорила Катя, есть большая вывеска, на которой написано, что сегодня в заведении проходит вечер викторин.

— Ребята, вы хотите поиграть? — спрашиваю я, когда мы подходим к нашему столику. — Я — кладезь бесполезной информации.

Катя смеется.

— Это звучит забавно. Я не такой уж кладезь бесполезной информации, но если будут вопросы про управление некоммерческими организациями — я к вашим услугам.

Я смотрю на Алекса, и мое сердце учащенно бьется в груди, когда наши глаза встречаются. Я никогда не замечала, какие у него живые и сложные глаза. На первый взгляд они кажутся коричневыми, но при ближайшем рассмотрении я вижу в них зеленые и желтые вкрапления, что делает их скорее темно-янтарными, чем коричневыми.

— Ты хочешь поиграть? — спрашиваю я его, внезапно затаив дыхание. Черт возьми, Алекс. Предоставляю тебе перехватить мое дыхание, даже не пытаюсь сопротивляться.

— Конечно. — Он наклоняется ко мне, прищуривая глаза и ухмыляясь. — Я склонен к соперничеству, просто хочу вас предупредить. И я играю, чтобы выиграть.

— Тогда из нас получится хорошая команда.

Мы заказали еду и напитки как раз к началу игры. Чувствуя, что уже выпила более чем достаточно в такую рань, я взяла холодный чай. Катя взяла вино, а оба парня заказали пиво.

Всем командам, участвующим в викторине, выдаются доски и объясняются простые правила: запишите свои ответы в течение тридцати секунд и не жульничайте.

— Готова? — спрашивает Алекс, шевеля бровями и снимая колпачок с маркера.

— О, да.

— Хорошо, давайте начнем! — говорит ведущий в микрофон. — Столицей какой республики является город Абакан?

— Хакасия, — шепчет Алекс, записывая это.

— Черт возьми, ты разбираешься в географии, — говорю я.

— Не совсем. Этот вопрос был задан в передаче, которую я смотрел на прошлой неделе, — признается он со смехом.

— Эй, пока мы угадываем правильно, мне все равно, откуда ты это знаешь.

Время объявляется, и мы поднимаем наши доски. Любой, кто ошибся, должен сдать свою доску. Игра будет продолжаться до тех пор, пока не останется только одна команда.

— Следующий вопрос: сколько детей в семье Уизли из «Гарри Поттера»?

— Семь, — шепчем мы с Алексом друг другу одновременно.

— Проще простого, — говорю я, хотя этот вопрос заставляет три команды сдать свои доски.

— Какова единственная гласная на английской клавиатуре, которой нет в верхней строке букв? — ведущие задают наш третий вопрос.

Я закрываю глаза и вытягиваю руки перед собой, как будто печатаю. Я пользуюсь своим компьютером каждый день, но мой разум отключен. Единственная гласная? Я представляю, как набираю алфавит.

— А, — шепчу я, и Алекс записывает это. Мы опять угадываем правильно и переходим к следующему вопросу.

— Как называется проволока на пробке от шампанского?

Алекс снова подходит к доске и записывает: МЮЗЛЕ.

— Правда? — спрашиваю я тихим голосом.

Он кивает.

— Не спрашивай меня, почему я это знаю, но это правильно.

И так оно и есть. Катя и ее муж вылетают из-за этого вопроса вместе с четырьмя другими командами. Вместе с нами остались еще три пары, и ставки становятся все выше.

— Как зовут принца из диснеевского фильма 1959 года «Спящая красавица», за которого Аврора обещала выйти замуж?

Алекс смотрит на меня и качает головой. Я знаю ответ на этот вопрос, но прямо сейчас я теряюсь, глядя в эти красивые глаза.

— Ты знаешь? — спрашивает он. Я киваю и улыбаюсь.

— Да. Принц Филипп.

Алекс быстро записывает это.

— Да! — подбадривает он, когда мы оказываемся одной из двух пар, у которых все получается правильно. Он поднимает руку, чтобы дать «пять»

— Следующий вопрос, — говорит ведущий, опуская взгляд в свою табличку. — К какой группе оружия относится базука?

— Надеюсь, ты знаешь это, — говорю я Алексу.

— Конечно.

Он записывает «гранатомет», и я могу честно сказать, что я этого точно не знала.

Мы отвечаем правильно, как и другая пара, с которой мы соперничаем. Следующий вопрос до смешного прост, по крайней мере, для нас.

Из какого вымышленного города родом Бэтмен?

— Хорошо, следующий вопрос, — говорит ведущий, зачитывая свой список. — У какой собаки, борющейся с преступностью, на ошейнике написано С.Д.?

— С.Д., - повторяю я, размышляя. — Собака для борьбы с преступностью?

— Скуби Ду, — взволнованно шепчет Алекс и записывает этот вариант.

— Да! — Я поднимаю кулак в воздух, когда у нас все получается правильно. Я смотрю через весь зал на другую пару. Они ненамного старше нас и тоже смотрят в нашу сторону.

Мы, скорее всего, идем на рекорд. Задано еще четыре случайных вопроса, и мы все отвечаем на них правильно.

Ведущий звонит в колокольчик и говорит, что мы переходим к блиц-раунду вопросов по категориям. Он хватает банку с барной стойки и несет ее к ближайшему столику, прося кого-нибудь достать листок бумаги.

— Дисней, — читает он вслух.

— Я не очень хорошо знаком с мультиками, танцами и принцессами. — Алекс берет свое пиво и делает большой глоток.

— Не волнуйся, я разберусь с этим. Я хочу когда-нибудь свозить своих детей в Диснейленд, поэтому мы посмотрим много мультиков.

Алекс смеется, встречаясь со мной взглядом. Из нас действительно получилась хорошая фальшивая пара. Никто бы и не понял, что мы на самом деле не вместе, и это почти позор, что это не так.

Мы ладим.

Только сегодня он несколько раз заставлял меня смеяться.

Я выше среднего роста для женщины, а он достаточно высок, чтобы я все еще могла носить каблуки и быть не выше его.

И ему нравится Гарри Поттер. Кстати, это обязательно.

— Я собираюсь начать этот раунд с простого вопроса, — говорит ведущий. — Какая из диснеевская принцесс удостоилась звезды на Голливудской аллее славы?

— Ты знаешь? — спрашивает Алекс, и я хихикаю.

— Да! Белоснежка.

Он записывает это, и неудивительно, что мы все делаем правильно. Как и наши конкуренты.

— Следующий вопрос немного сложнее, — продолжает ведущий. — Какая из диснеевских принцесс присутствовала на коронации Эльзы из “Холодного сердца”?

— Русалочка? — спрашивает Алекс, я смотрю на него и вскидываю бровь:

— Ты же в курсе, что русалочки по земле не ходят?

— Я же говорил, что не очень хорош в этой теме!

Я записываю Рапунцель, и я права. Другая пара едва успела записать свой ответ на доске.

— А теперь пришло время для самого трудного, — говорит ведущий. — Как зовут маленькую девочку, которую называют Бу в фильме «Корпорация монстров»?

— Я знаю это!

Я слишком волнуюсь и вскакиваю со своего места.

— Как-как? — спрашивает Алекс, волнуясь не меньше меня. Другая пара, кажется, поставлена в тупик.

— Мэри, — шепчу я, и он записывает. Другая пара все еще мешкает, и раздаётся десятисекундное предупреждение.

— Пять... четыре... три... два... один. Время!

Мы держим нашу доску, а другая команда — нет.

— И правильный ответ — Мэри!

— Да!

Алекс опускает доску и поворачивается ко мне, притягивая меня к себе, чтобы обнять одной рукой. Это невинный жест, но я прекрасно чувствую его крепкое тело. Мои груди прижимаются к его груди, и его рука скользит вниз по моей талии, пальцы ложатся на изгиб моего бедра.

— Откуда, черт возьми, ты это знаешь? — спрашивает Катя.

— Полина хотела быть Бу на утреннике два года назад и настояла на том, чтобы она знала свое настоящее имя, поэтому я нашла его. Это не упоминается в фильме, но это написано на картине, которая висит в ее спальне.

— Черт возьми, вы, фанаты Диснея, — говорит муж Кати.

— Я же говорила, что я — кладёшь бесполезной информации. Большая часть этого, вероятно, устарела, но именно так я развлекалась во время перелетов в Колумбию в детстве.

— И это все тебе пригодилось.

Алекс все еще улыбается, и его рука все еще обнимает меня. Я не хочу, чтобы он ее убрал. Я бы хотела забраться к нему на колени, закинуть руку ему на плечи и отхлебнуть его пива.

У меня было очень трудное время сразу после того, как родились близнецы. Я оплакивала смерть своей матери, тот факт, что она никогда не встретится со своими внуками и что они так и не узнают, какой замечательной женщиной она была. Как она каждый день вдохновляла меня быть добрее, заставляя себя, но не изнурять. Постоять за себя и не связываться ни с каким дерьмом.

Я была предоставлена самой себе, пыталась совмещать работу и материнство и вынуждена была смириться с тем фактом, что, скорее всего, не смогу закончить институт.

Мои друзья заканчивали университеты, ходили куда-нибудь гулять и веселились. Я же горевала о потере своей беззаботной жизни и все это время чувствовала себя виноватой.

Мне потребовался год и несколько месяцев приема лекарств, чтобы справиться с эмоциями. Теперь девочки стали старше, а я нахожусь в лучшем душевном состоянии и хочу начать жить полноценной жизнью. Но просто не могу себе этого позволить.

Так что это... Это мило. Я думала, что пребывание здесь с Алексом сведет на нет все планы провести немного спокойного времени вдали от детей, но в данный момент и в данном месте я не могу представить себя здесь с кем-то другим.

Глава 24

Странно, но это совсем не похоже на деловую поездку. Я вообще не знаю Катю, подружку Дарьи, не говоря уже о ее муже. Мне следовало бы придумать, как остаться дома и поговорить с Дмитрием, но я здесь, держу Дарью за руку, когда мы идем по улице.

Мне начинает казаться странным притворяться ее парнем. Ложь никогда по-настоящему не беспокоила меня раньше, если она никому не причиняла вреда и давала мне то, что я хотел. Но что-то сейчас напрягает меня, и я думаю, это немного связано с тем, что я попросил Дарью солгать ее подруге ради денег... И во многом связано с желанием, чтобы так было всегда.

Я бы мог дать ей денег, в которых она нуждается, но я знаю, что она бы их не приняла. Она упомянула, что хотела бы свозить своих детей в Диснейленд, но не может себе этого позволить.

Я могу себе это позволить. Я бы поселил их в самом красивом номере самого лучшего отеля и забронировал столик, чтобы позавтракать, пообедать и поужинать с принцессами и Микки Маусом.

Но... Я не могу. Потому что, в конце концов, она моя помощница. Мы здесь, в этом потрясающем месте, которое заставляет тебя чувствовать, что остального мира больше не существует, и это сбивает меня с толку.

Вот и все, что это такое.

Дарья такая чертовски горячая штучка.

И забавная.

И умная.

И добрая, и заботливая, и, вероятно, она самый искренний человек, которого я когда-либо встречал за всю свою жизнь.

Дмитрий и его жена собираются сегодня вечером куда-нибудь поужинать, а я решил остаться с Дарьей и ее друзьями. Было бы странно сказать «нет» и уехать с родителями Кати, так что на самом деле было разумнее всего остаться с Дарьей.

И я хочу этого.

Потому что знаю, что, как только эта поездка закончится, я больше не смогу видеть ее такой, и это уже расстраивает меня.

Дождь прекратился, и солнце снова начинает выглядывать, освещая нас перед заходом. На улице становится довольно душно, и Дарья сбрасывает свой свитер.

На ней то самое синее платье, в котором я видел ее раньше, и сейчас оно сидит на ней так же хорошо, как и тогда. Рукава немного сползают с ее плеч, а подол открывает лодыжки при ходьбе. Я уверен, что она понятия не имеет, как хорошо выглядит. Хотя даже если бы она это понимала, то не стала бы выставлять это напоказ. Это еще одна вещь, которая мне в ней так нравится.

Мы заходим в антикварный магазин — Катя коллекционирует какие-то баночки, сделанные в 1920-х годах, и она хочет что-нибудь подыскать для себя. И все же, видя интерес

Дарья, по какой-то странной причине, я тоже начинаю проявлять любопытство. На самом деле я никогда не был в подобном магазине. Пахнет именно так, как я и предполагал, — затхлыми забытыми мечтами, пылью и духами старой леди.

Дарья разглядывает беспорядочный ассортимент барахла на полках, пока мы следуем за Катей. Ее муж оборачивается и закатывает глаза. Катя каким-то образом замечает это и тычет его локтем в ребра, заставляя Дарью рассмеяться.

— Клянусь, она наблюдает за нами, — шепчу я Дарье, указывая на куклу, стоящую на полке в задней части магазина. Она поворачивается и вздрагивает.

— Боже мой, ну и жуть! Я думаю, это реквизит из какого-то фильма ужасов.

Она делает несколько быстрых шагов в сторону.

— Глаза... Следят за мной.

Прищурив глаза, она начинает медленно приближаться к ней. Я ныряю за полку и стою совершенно неподвижно.

— Ты это видел? Это очень страшно, и я не шучу.

Она задыхается.

— Она только что снова пошевелилась.

Она оборачивается, ища меня.

— Алекс?

Я прячусь за полку с куклой и протягиваю руку, толкая куклу на Дарью.

Она кричит, я смеюсь, а потом она отшатывается, запрыгивая на другую полку. Стеклянная ваза опрокидывается, и она поворачивается как раз вовремя, чтобы подхватить ее и вернуть на место.

Но, когда она отступает назад, ее волосы цепляются за протянутую руку куклы. Она быстро поворачивается, и кукла следует за ней. Она снова кричит, и кукла падает на пол.

— Что здесь происходит? — спрашивает Катя, подбегая к нам.

Кукла упала лицом вниз на пол, обнажив большую трещину на затылке, в основном прикрытую волосами. Из этой трещины выбегают три таракана. Один из них прыгает на ногу Дарьи, и она начинает трясти ногой, отправляя его в полет прямо на Катю.

Катя вскрикивает, отскакивает назад и натывается на Леню, который опрокидывает витрину со старыми матрешками.

— О, Боже мой!

Дарья вскрикивает, безумно проводя пальцами по волосам, как будто боится, что кукла все еще держит ее. Я умираю от смеха, а Леня оглядывается по сторонам, пытаюсь осмыслить то, что только что произошло.

Владелец магазина выбегает из подсобки.

— Все в порядке? — спрашивает он, широко раскрывая глаза, когда видит беспорядок.

— Там, в этой кукле, были тараканы, — заикается Дарья. Она переводит взгляд на меня, смерив жестким взглядом, а потом начинает смеяться. — Мне показалось, что кукла живая и пытается убить меня.

— Я заплачу за это, — говорю я, возвращаясь из-за полки. — Возмещу ущерб.

— Хорошо, — говорит владелец.

— И, я думаю, Даша, тебе лучше уйти.

Она тяжело вздыхает, прежде чем повернуться, чтобы уйти. Дарья бьет меня кулаком в бицепс.

— Серьезно? Меня еще никогда и ниоткуда не выгоняли!

Я все еще смеюсь.

— Я не смог устоять.

— Придурок! — Она пытается изобразить бешенство, но тоже смеется. — Я чуть не описалась от страха!

Я смеюсь еще сильнее.

— Я бы сказал, что мне жаль, но это не так. Это того стоило.

Она делает шаг ближе, глаза ее блестят. Она открывает рот, чтобы сказать что-то еще, но тут звонит ее телефон. Мгновенно она достает его из своей сумочки.

— Это девочки!

— Выйди на улицу и поговори с ними, — говорю я ей. — А я разберусь здесь.

Дарья кивает и уносится прочь. Я помогаю Лене поставить матрешек обратно на витрину, а затем беру куклу. Если я за это плачу, то с таким же успехом могу оставить это себе, верно? Давненько я никого не разыгрывал.

Я нахожу Дарью снаружи, она сидит на скамейке и разговаривает со своими девочками.

— Чем больше вы с ним играете, тем мягче он становится, — говорит она им.

— Исходя из моего опыта, это не так, — шепчу я, садясь рядом с ней.

Она смеется и качает головой.

— И шепотку-другую корицы, чтобы вкусно пахло. Она замолкает. — Ладно, ладно. Идите играть. Позвоните мне перед сном. Я люблю вас!

Ее глаза немного затуманиваются после того, как она кладет трубку.

— Скучаешь по своим девочкам?

— Неужели это настолько очевидно?

Она шмыгает носом и кладет телефон обратно в сумочку.

— Все в порядке. У меня есть кое-что, что ты сможешь потискать сегодня вечером. — Я достаю куклу из сумки. «Ты будешь моей мамочкой?» — спрашиваю я высоким голосом, поднимая куклу.

— О, Боже мой, нет! Просто нет! — Она вскакивает. — Я не могу поверить, что ты купил эту жуткую куклу!

— «Ты нужна мне, мамочка».

— Прекрати! — Она протягивает руки, отталкивая куклу. — Я брошу эту куклу в озеро, а затем сожгу ее.

— Я думаю, нужно сделать наоборот.

— В любом случае, я уверена, что проснусь с этим на своей подушке. В Москве.

Я смотрю на куклу.

— А знаешь, выбросить её в озеро звучит неплохо.

Она качает головой.

— Хотя это и загрязнение!

Я поставил ее на скамейку.

— Мы можем оставить ее здесь.

— И пугать невинных детей? — Она смеется. — Я представила это, и мне жаль, что я не могу спрятаться где-нибудь с камерой.

— Это видео стало бы вирусным.

Катя и Леня выходят из магазина, и Катя резко останавливается.

— Что за хрень?

Ее рука взлетает ко рту.

— Дарья скучала по своим девочкам, поэтому я подумал, что куплю что-нибудь, чтобы она могла продержаться до нашего возвращения в воскресенье.

— Это забавно. — Она лучезарно улыбается нам. — Вам двоим так хорошо вместе, — говорит она Дарье, шевеля бровями. — Мне нравится юмор в ваших отношениях.

Улыбка исчезает с лица Дарьи, и я задаюсь вопросом, задел ли слова Кати ее так же, как они задел меня.

Все это нереально... И напоминание об этом заставляет меня осознать, как сильно я хотел бы, чтобы все было по-настоящему.

Глава 25

— Я тоже люблю вас, мои сладкие, — говорю я в десятый раз. — Сладких снов! Вешаю трубку и опускаю ноги на крыльцо, откидывая качели назад. Девочки веселятся с дедулей и собираются посмотреть мультик, поедая печенье. Они по-прежнему не скучают по мне и веселятся... Я все еще не понимаю, чувствую ли себя брошенной или испытываю облегчение.

Мои глаза закрываются, и я откидываю голову назад, прислушиваясь к звукам ночи. Еще не так поздно, но я уже чертовски устала. В свою защиту могу сказать, что это был долгий день, и прошлой ночью я вообще не спала.

Здесь такая умиротворяющая атмосфера! Я могла бы сразу заснуть «Привет, мамочка!»

Я открываю глаза и вижу, что эта жуткая кукла смотрит на меня.

— Блин, Алекс!

Он смеется, и мой желудок трепещет, как будто миллион бабочек взлетают одновременно. Почему он не может снова стать тем самоуверенным начальником, который мне не нравился? Тогда все было бы проще. Потому что сейчас я начинаю испытывать чувства — настоящие чувства! — к нему. Ненавидеть его было легко. Но любить его? Это все усложнило бы.

— Хочешь пойти и выбросить эту штуку в озеро? — спрашивает он. — О, вспомнил: ты же не хочешь мусорить.

— Бинго. Я думаю, лучше устроить розыгрыш со скрытой камерой для местных детишек. Нам нужно только найти хорошее место, чтобы удивить ничего не подозревающих детей.

— И ты после этого думаешь, что ты такая невинная?

— Кто говорил о невинности?

Он кладет куклу на столик у входной двери и садится рядом со мной на качели. Мое сердце учащенно бьется, и я не могу не заметить, как хорошо он выглядит, особенно теперь, когда переоделся. Все, что на нем надето, — это черное поло с длинным рукавом и серые спортивные штаны. Я прикусываю губу и еще раз окидываю его взглядом, не останавливаясь на выпуклости у него в штанах.

— Мы так и не увидели озеро.

— Не увидели. — Я с трудом сглатываю, во рту внезапно пересыхает. Он твой начальник. Он твой начальник. Он твой начальник. И не в твоём вкусе. Нет. Нисколько. Веселый, красивый, подтянутый, богатый... Это то, что ты ненавидишь.

Проклятье.

— Хочешь спуститься туда со мной? — спрашивает Алекс. — Я не хочу выглядеть неудачником, гуляющим по берегу в одиночестве.

— Ну, я не могу этого допустить. У нас здесь есть репутация, которую нужно

поддерживать.

— А сейчас мы это делаем?

Он поворачивается, чтобы посмотреть на меня. Его взгляд — удушающий. Слишком напряженный. От этого мне становится жарко, как будто мне внезапно нужно снять с себя всю одежду.

— Да. Мы, эмм, гости.

Алекс отодвигает качели, и жар разливается по моим венам.

— Так помоги мне не прослыть лузером!

Он встает и протягивает мне руку.

С трудом сплотив, чтобы вытолкнуть сердце обратно в грудь, я беру его руку и позволяю поднять меня на ноги.

Неужели это происходит на самом деле? Я действительно собираюсь на прогулку при лунном свете вдоль озера с Александром, мать его, Фроловым?

Да, да, это так.

Мы не разговариваем, пока спускаемся к озеру. Сегодня на улице прохладно, и тот факт, что я уже сняла лифчик, напрягает. Я застегиваю молнию на куртке и скрещиваю руки на груди.

— Кошки или собаки? — спрашиваю я, глядя на гладкую поверхность воды. Над нами мерцают звезды, и, если бы мы снимались в романтическом фильме, это была бы та часть, где Алекс уложил бы меня на землю и поцеловал.

— Что?

— Не думай, просто отвечай, — говорю я. — Кошки или собаки?

— Собаки.

— У тебя есть какие-нибудь домашние животные?

Он качает головой.

— Нет. А у тебя?

— Нет, но я бы хотела. У моего папы есть кот, на котором мои дети буквально помешаны.

— Почему у вас нет домашних животных?

Привет, дискомфорт, давненько не виделись.

— Они, эмм, дорогие. Я знаю, сколько стоит один приём у ветеринара, и это, я скажу тебе, целое состояние, а необходимость усыплять животное из-за невозможности оплатить медицинские счета просто убила бы меня. А почему бы тебе не завести домашнее животное?

— Я редко бываю дома.

— Ты мог бы завести двух кошек, им было бы весело вдвоем.

Он просто кивает и берет меня за руку, и кружит вокруг себя. Над нами мерцают звезды. Если бы было время влюбиться... Нет. Нет, я не могу себе этого позволить. Что-то плещется в озере, пугая нас обоих.

— Это кукла, — серьезно говорит Алекс. — Пытается заманить нас, чтобы утопить и убить.

— Скорее всего.

Мы оба смотрим на воду. На берегу есть еще несколько человек, и уже разожжено несколько костров, от которых исходит потрясающий запах. Дует легкий ветерок, и влажность в воздухе почти исчезла. Если бы я забралась в гамак с одеялом, то заснула бы в мгновение ока.

— Знаешь, что? — говорит он.

— Что?

— Я рад, что сказал этим теткам в школе, что я твой парень.

— Правда? — спрашиваю я.

— Да. Это... Это мило. — Он смотрит на воду, и его плечи напряжены. Я не думаю, что он очень часто делится своими чувствами, и странно, что я ощущаю его опасения, но сейчас он явно хочет открыться. Я все еще хочу знать, что с ним случилось, что заставило его стать таким замкнутым. Он не такой плохой парень, каким я его считала, вовсе нет. Он груб по натуре и мог бы изменить свои манеры общения с сотрудниками на работе, но под всем этим скрывается... Я думаю, боль.

— Я имею в виду, что из всех моих командировок, эта самая приятная, — говорит он.

— Так и есть. И она вырвала меня из Москвы, чего не случалось уже много лет. Так что — да... Я рада, что ты сказал этим дурам, что ты мой парень.

— Дуры — слишком хорошее слово для них.

— Это так, — соглашаюсь я. — Мерзавки? Нет, все еще недостаточно сурово.

— Занозы в заднице.

— Спасибо, — говорю я ему. — За то, что заступился за меня. Никто никогда раньше этого не делал.

Он смотрит прямо мне в глаза. Я вдыхаю, ощущая каждую деталь. Напряженность в его объятиях. Запах воды и земли вокруг нас.

— Тогда они дураки, — говорит он и наклоняется ко мне. Нежный звук воды, набегающей на берег, окружает нас. — Тебя стоит защищать, Даш, даже если ты так не думаешь.

— Спасибо, — тихо повторяю я снова. — В это трудно поверить.

— Почему?

Я качаю головой.

— Не знаю.

— Ты знаешь. Не думай, просто отвечай, — говорит он, возвращая мне мои же слова.

Так что я этого не делаю. Я не думаю. Я просто отвечаю.

— Я мать-одиночка. Я не в лучшей форме. У меня шрам от кесарева сечения, растяжки, я люблю поесть, и если мне предложат на выбор чипсы или спортзал, я выберу чипсы. Я практически разорена в финансовом плане и еще больше в эмоциональном.

— Предполагается, что это причины, по которым ты кому-то не должна нравиться? — спрашивает он.

— Да.

— Это звучит как причины, по которым ты мне нравишься.

— Тогда ты, очевидно, сумасшедший, — говорю я ему. — Потому что я так далека от того, чтобы взять себя в руки, что это просто смешно.

Мы останавливаемся на пляже. Песок превратился в натуральный камень и траву, из которых состоит береговая линия.

— Ты думаешь, я справляюсь как босс? — спрашивает он.

— Я это вижу и думаю, что да. Но если бы у тебя не было помощника, я бы сказала, что нет.

Он смеется.

— Это правда. И я осознаю, как мне повезло, что я могу позволить себе нанять

помощника. Ты же знаешь, я не настолько организован.

— О, я знаю. Я пробыла твоим помощником совсем недолго и знаю, как сильно ты во мне нуждаешься. — Он снова обнимает меня и разворачивает, так что мы идем обратно к коттеджу.

— Я устала, — говорю я после того, как мы молча проходим еще несколько метров. — Это даже звучит жалко?

— Вовсе нет, — говорит он мне. — Это был долгий день. Я тоже устал.

— Мы можем пойти спать, — предлагает он. — И я буду, э-э... Я включу телевизор и притворюсь, что случайно заснул на диване.

— Ой. Верно. Одна спальня. Хочешь, я лягу на диван? Ты выше меня, и тебе на нем будет неудобно.

— Давай все решим на месте.

— Договорились, — говорю я, когда дрожь пробегает по моему телу. На улице похолодало, и моя легкая куртка недостаточно согревает меня. Как бы сильно я ни хотела остаться здесь, мне холодно.

Когда мы возвращаемся, в маленьком коттедже все еще горит свет, и Катя с Леной спят на диване перед включенным телевизором.

— По крайней мере, мы не единственные, кто заканчивает вечер в девять тридцать.

— О, это утешает, — тихо смеюсь я. Алекс следует за мной вверх по лестнице, и мы оба останавливаемся, когда входим в спальню. Окна были оставлены приоткрытыми, и в комнате холодно.

— Я собираюсь готовиться ко сну, — говорю я ему и иду в ванную, чтобы принять душ и почистить зубы. Закрываю за собой дверь, а вернувшись, снова удивляюсь тому, насколько холодно в комнате. Хорошая погода для сна. Я люблю уютно устроиться под миллионом одеял.

Алекс переложил свою подушку и одно из стеганых одеял с кровати на пол. Это будет неудобно, и он будет мерзнуть там, внизу. Как только я выхожу, он идет в ванную, а я забираюсь под одеяло.

Одеяло пуховое, такое мягкое и теплое! Это все равно, что оказаться под пушистым облаком. Я ложусь на спину и закрываю глаза. Мое тело устало, но в голове все кружится. Через окно доносится запах костра. Это возвращает меня к лету, проведенному в Колумбии, когда все родственники приезжали к моим бабушке и дедушке на вечеринку, продолжающуюся до поздней ночи.

Мама иногда позволяла мне сделать несколько глотков ее Маргариты, а мой дядя не раз предлагал мне попробовать его домашнюю настойку. Я скучаю по всем. Прошло так много времени с тех пор, как я видела их, и возвращаться сейчас в качестве матери-одиночки, которая едва сводит концы с концами, — это, ну... Я не хочу сказать, что мне стыдно, нет. Я отказываюсь стыдиться своей жизни.

Но я думала, что моя жизнь будет более устроенной, чем сейчас.

Алекс возвращается, одетый только в спортивные штаны, и смотрит на свое жалкое место на полу. Я уверена, что этот человек привык спать на простынях из лучшего хлопка и матрасе, сделанном на заказ.

— Ложись сюда, — говорю я ему, протягивая руку за одной из декоративных подушек, которые переложила на пол. Беру поясничную подушку и кладу ее на середину кровати. — Просто оставайся на своей стороне.

— Ты уверена?

— Да. Слишком холодно, чтобы спать на полу, и у меня болит спина при одной мысли о том, что тебе придется спать на твердой древесине.

Его губы растягиваются в улыбке, и я почти уверена, что он раздумывает, стоит ли ему прямо сейчас пошутить о твердом дереве.

— Если тебя это будет смущать, просто скажи мне, — говорит он и выключает свет. В комнате почти крошечная тьма, если не считать небольшого количества света с веранды, проникающего через открытое окно. Матрас прогибается, когда Алекс ложится в постель, и мой сон окончательно уходит.

Я прокручиваю все снова и снова в своей голове, начиная с того дня, когда я встретила Алекса на школьной парковке, и заканчивая тем, как он сказал мне, что я достойна защиты. Я никогда в жизни не была в таком замешательстве и хотела бы, чтобы здесь была мама, с которой можно было бы поговорить об этом.

Это что, своего рода сделка типа «то, что происходит в деловой поездке, остается в деловой поездке»? Я никогда не думала, что захочу, чтобы мы вернулись к сердечному разговору о нашей новообретенной дружбе, но это... Это сбивает с толку. Сложно. И, видимо, обречено с самого начала.

Он мой начальник, и я не могу сделать ничего, что подвергло бы меня риску потерять работу... Даже если то, что я делаю, — это он. Подождите, позвольте мне перефразировать. Особенно он.

Где-то между одиннадцатью и полночью я уснула. Кровать такая удобная и теплая, что я спала гораздо крепче, чем ожидала. Я сплю на боку и люблю держаться за подушку. Алекс спит на животе, засунув одну руку под подушку. Он остался в спортивных штанах, и, должно быть, посреди ночи ему стало жарко, из-за чего он сбросил одеяло. В большую часть я закутываю себя, меньшую часть пушистого одеяла накидываю на Алекса.

Яркий солнечный свет льется в окно, и я улучаю минутку, чтобы посмотреть на Алекса. Он спит, полностью расслабленный, и я все еще могу любоваться его мышцами спины и плеч. У него есть татуировка между лопатками и еще одна на ребрах. Я никогда бы не подумала о нем такого, и мне хочется протянуть руку и рассмотреть китайские буквы, идущие вниз по его грудной клетке.

Его дыхание медленное и ритмичное, и я не могу не представить, каково было бы просыпаться рядом с ним каждый день — то есть после ночи страстных занятий любовью. Уверена, что он живет где-нибудь в большом и модном месте.

Звонит мой телефон, и я спешу ответить, пока звонок не разбудил Алекса. Это девочки звонят с папиного телефона, хотят поболтать по видео. Я смотрю на Алекса и снова на свой телефон. Я теряю драгоценное время и не думаю, что смогу встать и выбежать из комнаты, не пропустив их звонок.

Отодвигаясь от Алекса, я отвечаю.

— Мамочка! — восклицают они хором. Папа держит трубку, усадив обеих девочек к себе на колени.

— Привет, малышки, — тихо говорю я. — Как прошел ваш вечер?

— Хорошо, — отвечает Полина. — Мы поедem в зоопарк!

— Вау! Какое животное вы больше всего хотите увидеть?

— Тигры! — кричат они обе.

— Попросите дедулю сделать для меня побольше фоток.

— Почему ты шепчешь? — спрашивает Вика. Я подношу телефон ближе к лицу. Это самый нелестный ракурс, но девочки все еще достаточно маленькие, чтобы думать, что их мама — самый красивый человек в мире, так что пока они могут смириться с тем, что заглядывают мне в ноздри.

— Остальные люди в доме все еще спят. Это маленький дом.

— Мы тебя разбудили? — спрашивает папа. — Эти двое встали рано, все в предвкушении похода в зоопарк.

— Здесь ты допустил ошибку новичка, пап, — смеюсь я. — Я не говорю им, куда мы идем, пока не настанет время выходить из дома!

— Ой, я ничего не могу утаить от этих двоих. Я не буду отвлекать тебя. У вас на весь день назначены встречи?

— Ммм... — Я перевожу взгляд на Алекса. — Что-то типо того.

— Мы просто хотим сказать тебе, что любим и скучаем, — говорит мне Полина. — И мы думаем, что тебе весело, но не слишком весело без нас.

— Я получу ровно столько удовольствия, сколько нужно. — Я улыбаюсь. — Конечно, мне было бы веселее, если бы вы были здесь. Я люблю вас, девочки.

— Мы тоже любим тебя, мамочка! Пока!

Я заканчиваю разговор и кладу телефон обратно на прикроватную тумбочку, прежде чем снова плюхнуться на матрас. Я натягиваю одеяло, и Алекс переворачивается на другой бок, снова сбрасывая одеяло. Сейчас он лежит на спине, слегка вытянув одну руку, и его пальцы касаются моего бока. Очертания его члена видны сквозь спортивные штаны, и, Боже правый, эта штука такая большая. Это заметно, и я почти разочарована тем, что не вижу его во всей красе, хотя это не принесло бы мне никакой пользы.

Я читала онлайн-статью, в которой говорилось, что у мужчин может быть более двадцати стояков за ночь. Понятия не имею, правда ли это, но теперь, когда я думаю об этом... Ночь действительно могла быть очень неловкой.

Снова натягивая на себя одеяло, я закрываю глаза и слушаю, как Катя ходит по маленькой кухне. Люди уже вышли на озеро, разговоры и смех разносятся по воздуху и проникают внутрь через открытое окно.

Предполагается, что мы проведем первую половину дня, бездельничая на пляже, пока ребята будут ловить рыбу. В некотором смысле это кажется немного старомодным — даже не спрашивать, не хочет ли кто-нибудь из нас покататься на рыбацкой лодке, но мне слишком нравится пляж, чтобы обижаться. Я так запоздала с приятным летним загаром. Сегодня я наверстаю упущенное, а поскольку я наполовину колумбийка, то загораю красиво и быстро. Спасибо, мам.

— Привет, — говорит Алекс хриплым ото сна голосом. Он вытягивает руки и медленно садится. — Ты хорошо спала?

— Очень хорошо. А ты?

— Я сидел и наблюдал, как ты спишь, и совершенствовал свой план, как наилучшим образом убить тебя и избавиться от тела.

— И какой же самый лучший способ убить меня?

— Стратегически подставить тебе подножку, чтобы ты ободрала колено, а затем твой порез заражается плотоядными бактериями из озера, о которых я постоянно слышу в новостях. Никто не заподозрит, что за этим стою я.

— Эта дрянь живет только в солоноватой воде.

— Ты действительно кладешь бесполезной информации!

— Я задумывалась о том, чтобы отвезти девочек на Телецкое озеро, поэтому искала информацию. Из озера ты подхватишь миллион других болезней, но не ту, что питается мясом.

Алекс смеется и зевает, отворачиваясь и снова потягиваясь.

— Я все еще уставший.

— Поспи еще немного.

— Нет, этот сон не принесет мне пользы.

— Как это может быть?

Он пожимает плечами.

— Мой мозг не дает мне снова уснуть. Я начинаю думать обо всем, что мне нужно сделать, и мне не терпится начать день.

Я снова вижу частичку настоящего Алекса, того, кто уязвим и реален.

— Я понимаю это. Иногда я веду себя наоборот. Сплю, чтобы ни о чем не думать.

— Хотел бы я так. — Его глаза закрываются еще на несколько секунд, а затем он встает. — Я собираюсь прыгнуть в душ.

Кивнув, я наблюдаю, как он встает, достает свои вещи из чемодана и идет в ванную. Поскольку я приняла душ ночью, мне просто нужно одеться. Я жду, пока включится вода, чтобы встать с постели. Даю ему еще несколько секунд, чтобы убедиться, что он действительно в душе, прежде чем снимаю пижаму и надеваю бикини. Оно белое, с отпечатанными на нем маленькими желтыми лимонами. Я никогда не думала, что после рождения детей втиснусь в предыдущий размер, и когда два года назад ходила за купальником в магазин, чувствовала себя очень-очень подавленной из-за своей внешности.

Потом я увидела этот купальник на распродаже и почувствовала, что мама подает мне знак. Она была сторонницей позитивного отношения к телу и усадила бы меня рядом, если бы была еще жива, и прочитала бы мне лекцию о том, как я должна гордиться своим шрамом от кесарева сечения, как мне должен нравиться тот факт, что у меня теперь немного лишнего жира на бедрах, и как мне должны нравиться растяжки на моей груди, которые я получила от грудного вскармливания.

Я натягиваю плавки, а затем и топ, быстро одеваясь на случай, если Алекс выйдет из душа быстро. Одевшись, смотрю на себя в зеркало. Так легко пристально посмотреть на себя и выделить черты, которые тебе ненавистны!

Я хочу более плоский живот. Большую щель между бедрами. Никакой пигментации на лице. Моя задница стала больше только за последние несколько лет, а рельефность мышц на бедрах, которая была у меня со времен беговых дорожек, давно исчезла.

Мама сказала бы мне, что мне нужно выделить две детали которые мне нравятся, на каждую деталь, которая мне не нравится. Вздохнув, я окидываю взглядом свое тело в зеркале и пытаюсь найти хоть что-нибудь, за что можно себя похвалить.

— У тебя красивые сиськи, — шепчу я. Они уже не такие жизнерадостные, как в ранней юности, но грудное вскармливание было щедрым по отношению ко мне, и меня даже раньше спрашивали, не приемные ли эти дети. — И у тебя красивые волосы.

Я киваю своему отражению и опускаю руки к плавкам бикини. Они с завышенной талией и скрывают как шрам, так и ту маленькую складочку жира, от которой я никогда не смогу избавиться, даже если снова начну сидеть на диете и заниматься спортом.

Роясь в своем чемодане, нахожу черный сарафан, весь расшитый красочными цветами.

Я натягиваю его через голову, а затем сажусь в изножье кровати, чтобы расчесать волосы.

Дверь ванной открывается, и оттуда валит пар, за ним следует Алекс... На котором только полотенце. Оно опасно низко обхватывает его талию, и я никогда в жизни так сильно не желала обладать телекинетическими способностями.

Есть определенные вещи, на которые хочется смотреть, но не следует. Солнце, например, является одним из них. И твой начальник, полуголый, мокрый после душа. Капелька воды скатывается по его мускулистой груди, и мои глаза цепляются за нее, следуя за тем, как она спускается мимо грудных мышц к прессу.

— Я забыл свою одежду, — извиняющимся тоном говорит он, и я вздрагиваю.

— Да... Я это вижу.

Он дерзко улыбается мне, вытаскивает свою одежду из чемодана, и мне остается только гадать, сделал ли он это нарочно. Я расчесываю спутанные волосы и достаю из сумки выпрямитель. Алекс к тому времени оделся и вышел из ванной, а я захожу, чтобы поправить волосы и нанести ровно столько макияжа, чтобы чувствовать себя собранной.

Когда я заканчиваю, Алекса в спальне уже нет, и я быстро убираю свои вещи, собираю пляжную сумку, натягиваю одеяла на кровать и спускаюсь вниз.

— Доброе утро, — говорит Катя, наливая себе чашку кофе. — Готова сегодня пойти на пляж?

— Готова. Я не помню, когда в последний раз просто сидела на пляже и расслаблялась. Водить детей на пляж — это не то чтобы полный релакс.

— Я знаю! И у тебя их к тому же двое! Я боюсь даже отвести взгляд от Лизы.

Катя ставит передо мной еще одну кружку, и я наполняю ее кофе со сливками.

— Бери свои вещи, и мы прогуляемся до главного дома. Лена готовит завтрак, а потом мы спустимся на берег. Лёня и Алекс уже направились туда, но не волнуйся, ты все равно успеешь поцеловать своего мужчину на прощание.

— Какая история у Лены? — спрашиваю я, надеясь отвлечь внимание от того факта, что я не целую Алекса, и вешаю пляжную сумку на плечо. Катя выходит первой.

— Ее муж изменил ей — и она застукала их.

— С этим трудно смириться. Я имею в виду — ты думаешь, что знаешь кого-то...

— Верно. Они были женаты восемь лет.

— О, Боже. Какой ужас.

Однако мне не терпится рассказать Алексу, что предыстория, которую я придумала для Лены, была более или менее правдивой. Я потягиваю свой кофе, пока мы идем по дорожке, ведущей к большому дому.

Леня, Дмитрий, какой-то парень, которого я не знаю, и Алекс — все они на переднем крыльце. Алекс поворачивается, встречаясь со мной взглядом, и улыбается.

— Боже, я скучаю по начальным стадиям отношений, — говорит Катя, беря меня под руку. — То, как вы двое смотрите друг на друга... Тьфу. Это одни из лучших дней! Вы не можете оторваться друг от друга, и вы еще не нашли миллиона мелочей друг в друге, которые бесят вас до истерики. Прямо сейчас тебе все равно, как он ест чипсы, но когда-нибудь тебя начнет это бесить.

Я смеюсь, улыбаясь Алексу в ответ.

— Как он смотрит на меня? — тихо спрашиваю я, когда мы подходим достаточно близко, чтобы он мог меня услышать.

— Как будто ты единственная женщина в мире, которая имеет значение.

Если бы все было взаправду, мое сердце пропустило бы удар. Я бы просияла. Наверное, издала бы этот дурацкий визгливый звук и, может быть, даже прыгала вверх-вниз. Но это ненастоящее... и я должна убедиться, что помню это.

Глава 26

У меня вся рубашка в крови.

Это не моя кровь.

Костя, брат Дмитрия, хозяин лодки, на которой мы поплыли на рыбалку, зацепился рыболовным крючком за руку и подумал, что выдернуть его отличная идея. Возможно, так оно и было бы, если бы вместе с крючком он не выдернул себе большой кусок кожи.

Леня не выносит вида крови, а Дмитрий был единственным, кто умеет управлять лодкой, из-за чего мне пришлось прикладывать полотенца к ране, чтобы попробовать остановить кровотечение.

Дмитрий отвез своего брата в больницу накладывать швы, а мы с Леной только что вернулись в коттедж, чтобы переодеться и принять душ. Причал находится в нескольких шагах вниз по озеру от пляжа, где находится Дарья, и мне не терпится добраться до нее.

У меня была возможность поговорить с Дмитрием, и он возвращается к нам в качестве клиента. Он пробудет на Алтае до вторника, а в среду уже будет в офисе на встрече.

Миссия выполнена.

А это значит, что теперь до конца поездки я смогу проводить все свое время с Дарьей. Черт, она потрясающая.

Я стягиваю окровавленную рубашку через голову, комкаю ее и выбрасываю в мусорное ведро. Снимаю остальную одежду и встаю под душ, смывая запах озерной воды и сигар. Сам я не курю, никогда не пробовал и не буду. Даже когда такие клиенты, как Дмитрий, предлагают мне дорогие сигары.

Я вложил много времени и энергии в занятия спортом и здоровье в целом. Поэтому не собираюсь отравлять свой организм курением. Нет, я бы предпочел отравить его алкоголем.

Мои мысли снова возвращаются к Дарье, к ее большим красивым сиськам. Ее кожа была красной после горячего душа и такой теплой на ощупь. Мой член начинает твердеть при мысли о ней.

Прошлой ночью она была в постели прямо рядом со мной, и мы не прикасались друг к другу. Мне так сильно хотелось отодвинуть эту подушку и обнять ее. Прижать ее к своему телу и поцеловать так, как ее никогда раньше не целовали.

Мои пальцы обхватывают член, и я начинаю дрочить, нуждаясь в разрядке. Опираюсь одной рукой о стенку душа и наклоняюсь в воду. Я не верю в любовь.

Дарья — безнадежный романтик.

Я думаю, что все отношения рано или поздно развалятся.

Дарья хочет чего-то, что выдержит испытание временем.

Я не могу сказать, что она недостижима, но в ней есть что-то такое, что делает ее такой. Возможно, наши разные взгляды на любовь? То, что она хорошая мама и у нее были прекрасные отношения с ее родителями?

Я двигаю рукой быстрее, слыша, как ее голос эхом отдается в моей голове. Она чертовски сексуальна, и все это притворство, что мы вместе, но на самом деле это не так, черт возьми, сводит меня с ума. Если бы мы переспали сегодня вечером, я смог бы двигаться дальше к понедельнику, хотя знаю, что Дарья так не поступает. Она не раз говорила мне, что она не из тех женщин, которые заводят романы на одну ночь. Мы бы чертовски хорошо

провели время вместе.

Я издаю тихий стон, когда кончаю. Разрядка оказалась не такой спасительной, как я ожидал. Я не готов признаться в этом самому себе, но где-то в глубине души сидит понимание и желание чего-то большего, чем одна ночь с Дарьей.

В конце концов, это не имеет значения. Даже если бы я был тем мужчиной, которого хочет Дарья, не думаю, что меня достаточно, чтобы быть тем, кто ей нужен.

— Как прошла рыбалка? — Дарья заходит в коттедж примерно через час после того, как мы с Леной вернулись. Она не надела платье поверх бикини, и ее загорелая кожа блестит от масла. Я хочу провести руками вверх и вниз по ней, раздвинуть ее бедра и встать между ними.

— Ты что-нибудь поймал? — спросила она.

Мой член начинает твердеть, и я переношу свой вес на диван.

— Возможно, патоген, передающийся с кровью.

— Что? — Дарья ставит свою пляжную сумку на пол и снимает шлепанцы.

— Костя порезался настолько сильно, что ему пришлось обратиться в больницу.

— О, Боже мой! С ним все в порядке?

— Все будет хорошо после того, как ему наложат швы. Как прошел твой день на пляже?

— Очень классно. — Она протягивает руку и зажимает между пальцами маленький желтый лимонный брелок. — Я прочитала несколько глав своей книги, а потом вздремнула. Звучит неубедительно, но, клянусь, я постоянно чувствую усталость с тех пор, как родились мои дети.

— Я могу лишь представить.

— Нам нужно выходить меньше чем через час, — говорит она и направляется к лестнице. — Я собираюсь принять душ и подготовиться. Очень хочу выпить вина. — Она широко улыбается и поднимается по лестнице, ее грудь подпрыгивает при каждом шаге. Боже, она великолепна.

— Давай, сходи с ней в душ, — говорит мне Ленья. Мы вместе ждали возвращения девочек. — У тебя взгляд, как у голодного пса.

Блин. Знаю.

— Я подожду до вечера, — выпаливаю я, мысленно уже собираясь пойти к Дарье, раздеться и промокнуть под душем.

— Ах, хорошая мысль. Подожди, пока она не выпьет. Это единственный вариант, когда Катя делает мне минет.

Черт. Мысль о Дарье, опускающейся на колени, хитро смотрящей на меня снизу вверх, когда она расстегивает мои джинсы... Мой член подпрыгивает, быстро твердеет и прижимается к молнии джинсов.

Секунду спустя входит Катя, она раздраженно разговаривает по телефону. Я хватаю подушку и кладу ее себе на колени. Сжимая бедра, чтобы заглушить стояк, я смотрю прямо перед собой в телевизор.

— Поговори со своим отцом, — говорит Катя в трубку, а затем сует ее Лене в лицо. Он берет ее и встает, очевидно, разговаривая с их дочерью. Катя фыркает всю дорогу, пока поднимается по лестнице.

Я смотрю еще две серии, прежде чем Дарья возвращается вниз. На этот раз я ничего не могу с собой поделать и смотрю на нее с широко открытым ртом. Ее волосы завиты, глаза накрашены темнее, чем обычно, и на ней красное платье с открытыми плечами.

— Ух, ты. Выглядишь потрясающе.

— Спасибо. — Она краснеет. — Я и чувствую себя потрясающе.

— Ты выглядишь шикарно. — Я встаю с дивана и подхожу к ней. — Готова?

Даша заглядывает в гостиную, понимая, что все остальные находятся там и ждут ее.

Катя спустилась по лестнице минут пять назад, так что ей не из-за чего расстраиваться.

— Более чем.

Я протягиваю ей руку, и мы все вместе идем к домику у озера, чтобы поехать на машине вместе с Леной. До места около получаса езды, и у Дарьи округляются глаза, когда мы выходим.

— Здесь так красиво, — говорит она. — Ты можешь представить себе это место осенью? Все эти деревья выглядели бы потрясающе.

— Так и было бы.

Я снова беру ее за руку, помогая пересечь посыпанную гравием подъездную дорожку. Сегодня она надела каблуки, но, похоже, у нее нет проблем с ходьбой в них по неровной земле.

Сначала мы направляемся к забронированному для нас ресторану, где ждет дегустация и ужин. Дегустация проводится индивидуально, и каждый из нас может выбрать шесть различных сортов вина, которые подадут во время ужина.

— Ближе всего я была к дегустации вин в ту ночь, когда Таня немного помешалась на дешевом вине, — шепчет мне Дарья. — Я думаю, она открыла шесть или семь бутылок. В то время я была беременна, поэтому просто нюхала их и смотрела, как она пьет. А потом держала ей волосы, когда ее рвало. — Она смотрит на винное меню. — Излишне говорить, что я не прихотлива. Понятия не имею, что попробовать.

— Ты любишь сладкое или сухое вино?

— Сладкое, но не такое, чтобы мне казалось, будто я пью сахарную воду.

— Предпочитаешь белое или красное?

Она качает головой.

— Я даже не вижу разницы. Красное — это сухое, верно?

— Может быть. — Я просматриваю свое меню и указываю Дарье на несколько позиций, которые могут ей понравиться. Я не эксперт, но мы представляем несколько виноделен, и я ознакомился с их продукцией для маркетинговых исследований.

Мы записываем наши предпочтения, и всего через несколько минут вино доставляется на стол. Дарья берет бокал красного вина и подносит его к губам. Я так возбужден, что все, что она делает, мне кажется чрезвычайно сексуальным, и прямо сейчас наблюдать, как она приоткрывает губы и делает глоток вина, — на грани эротики.

То есть до тех пор, пока она не начинает давиться.

— Отвратительно. — Она вздрагивает. — Это не очень вкусно.

Скорчив гримасу, она выдыхает и быстро допивает то небольшое, что осталось в ее бокале.

— Ты же знаешь, что не обязана это допивать, если тебе не нравится, верно?

Она залпом выпивает воду.

— Я знаю, но это кажется расточительным. Эта дрянь стоит примерно четыре тысячи за бокал, чего я не понимаю. Мне больше нравились розовое вино Ламбуско за четыреста рублей, чем это.

Я взял то же вино, которое не понравилось Дарье, и нахожу его довольно приятным. Это

мерло, и оно сухое. Мы пробуем остальные наши образцы и любимое вино Дарьи — красное столовое вино. Она заказывает бокал вина, и мы выходим на улицу, ожидая, пока освободится наш столик.

— Я знаю, что повторяюсь, — начинает она, замедляя шаг. — Но это место такое красивое! — Она протягивает руки и случайно расплескивает немного вина из своего бокала. — О, блин. — Она подносит руку к лицу и слизывает капли вина со своей кожи. Мурашки пробегают по мне, когда я наблюдаю, как ее язык соприкасается с кожей.

Черт.

— Полегче, пьяница, — поддразниваю я.

— Я не пьяна, — многозначительно говорит она и случайно оступается, расплескивая еще больше вина себе на руку. Она смеется и делает большой глоток, чтобы снова не расплескать остатки.

— Я думаю, что очень даже. — Я игриво подталкиваю ее локтем.

— Я настолько трезвая, что могла бы заняться математикой прямо сейчас.

— Математикой?

Я смеюсь.

— Да, математикой. Пьяные люди не умеют считать. Я отвечаю.

— Ну... Если ты отвечаешь. Сколько будет пятьдесят четыре плюс пятьдесят четыре?

— Это просто. — Она корчит гримасу и закрывает глаза, размышляя. — Просто сложи четверки... А потом... — бормочет она себе под нос. — Один-ноль-четыре.

— Ты уверена в этом?

— Черт. Я имею в виду — сто восемьдесят. Потому что две четверки — это восемь. — Она качает головой, отбрасывая волосы назад за плечи. — Ладно. Я ощущаю это вино и не знаю, почему мы не начали день здесь, потому что прямо сейчас я чувствую себя довольно хорошо.

— Это легкое вино.

— Мы там выпили шесть бокалов!

— Это были образцы, — смеюсь я. — Шесть бокалов вина свалили бы тебя на пол.

— О, я бы точно вырубилась. А потом, скорее всего, проснулась бы в своей блевотине. Ты знаешь, я никогда раньше не напивалась до такой степени, что меня тошнило.

— В самом деле? Даже в институте?

Она качает головой и делает еще один глоток.

— Я никогда не пила крепких напитков, а потом залетела, и стало вообще не до алкоголя.

— А я вот, бывало...

— Я знаю. — Она поднимает на меня взгляд, и я вижу по ее глазам, что она навеселе. — Но у тебя все получилось хорошо. — Я опускаю взгляд, любуюсь ее грудью, и снова вижу лимонное ожерелье.

— Я должен спросить: что это за лимонное очарование?

Она протягивает руку, чтобы дотронуться до него.

— Мне его подарила моя мама. Ты ведь знаешь эту лимонную поговорку, верно?

— Существует лимонная поговорка???

Дарья останавливается и недоверчиво смотрит на меня.

— Ты не знаешь лимонную поговорку???

— Прости.

Она драматично закатывает глаза.

— Когда жизнь дает тебе лимоны — приготовь лимонад. Или, как говорила мама, когда жизнь дает тебе лимоны — приготовь лимонад и не забудь про водку. — Дарья делает еще один глоток своего вина. — Я не понимала, что такое водка, пока не стала старше. Но иногда нужно что-то дополнительное. Лимоны кислые, я говорю метафорически, но водка — нет. Это буквально.

Я обнял ее за плечи, не понимая, что она только что сказала. Может быть, она немного перебрала с выпивкой и на самом деле пьяна. Я позабочусь о ней, если это так.

— Конечно.

— За последние несколько лет мне давали много лимонов. Я думала, ты один из них.

— Ты думала, я лимон?

Она кивает.

— Ага. И очень кислый.

— Ты превратила меня в лимонад? — осторожно спрашиваю я. — Или это один из тех вопросов, на которые я не хочу знать ответа?

— Я думала, что сделаю это, но теперь думаю, что ты сам это сделал.

— Я не улавливаю.

— Работать на тебя было неплохо. Но лимонад иногда тоже может быть перспективным. — Ее слова немного невняты. Да, она пьяна. Я притягиваю ее немного ближе к себе. — Мне повезло, что у меня есть эта работа. За нее платят больше, в этом есть свои преимущества, и, возможно, этому лимонаду нужно... Нужно... Побродить некоторое время, оно того стоит.

Я снова вспоминаю, насколько разные наши жизни. Как она борется как мать-одиночка, чтобы свести концы с концами. Я ни разу не чувствовал себя виноватым за то, что у меня есть, но прямо сейчас я вроде как чувствую это. Дарья не менее трудолюбива, чем я.

У Дарьи звонит телефон, и она дает мне подержать свой бокал вина, пока достает телефон из сумочки.

— Это Катя, — говорит она мне, прежде чем ответить.

— Привет! — говорит она в трубку. — Где-то снаружи. Хорошо. Мы идем. — Она заканчивает разговор и кладет телефон обратно в сумочку. — Стол готов.

— Хорошо. Я умираю с голоду.

— Я тоже. — Она забирает вино обратно и берет меня под другую руку. Мы возвращаемся в тишине, и Дарья останавливается прямо перед тем, как мы заходим внутрь.

— Алекс?

— Да?

Она тянется ко мне всем телом, и я еле сдерживаюсь, чтобы не протянуть руку и не поцеловать ее прямо сейчас.

— Спасибо, что не осуждаешь меня. До этих выходных я не чувствовала такой легкости и спокойствия.

— Ты так говоришь, как будто это из разряда фантастики.

Она пожимает плечами, и легкий румянец приливает к ее щекам.

— Такие мужчины, как ты, могут быть довольно требовательными... особенно по отношению к женщинам на рабочем месте.

— Мне все равно, что у кого между ног, пока они хорошо делают свою работу.

— Но только если они не дрыхнут в комнате отдыха, верно? — Она корчит гримасу, и мы

смеемся. — Но, если говорить серьезно, это... Это... Я хочу сказать, что это восхитительно, но на самом деле именно так и должно быть.

— Никто раньше не называл меня достойным восхищения, так что я собираюсь согласиться с этим.

Она снова смеется и делает еще один глоток вина.

— Хорошо. Я оставляю это без внимания. Но только на этот раз.

Я снова обнимаю ее, и моя рука скользит вниз по ее спине и останавливается на изгибе бедра. Жар разливается по мне, и я снова чувствую, как сжимается мое сердце.

Внезапно ловлю себя на том, что хочу добиться большего. Быть лучше. Я не хочу быть ни в чем похожим на своего отца, и я позволил страху закрыть мое сердце. Легче жить так, как я живу сейчас. Один, но в безопасности. Выживаю, но не живу по-настоящему.

Дарью угостили изрядной порцией того, что она называет лимонами. И все же она так полна жизни, так стремится улыбаться и находить хорошее вокруг себя! Это вдохновляет, и никто раньше не заставлял меня чувствовать себя так.

Я крепче обнимаю Дарью, сердце бешено колотится. Что, черт возьми, ты со мной делаешь, Даша?

Глава 27

— Мне кажется, я все еще пьяна. — Я беру протянутую руку Алекса и выхожу из внедорожника. — Сколько я выпила вина? Бокалов семь?

— Всего два, — говорит он со смехом, направляя меня к коттеджу. — С половиной, если ты хочешь посчитать и те образцы. Ты так легко пьянеешь!

— Я не так уж часто пью, — напоминаю ему. — Хотя ты бы так не подумал, судя по тому, сколько всего я выпила за эти выходные.

— Восполняешь пропущенное. Ты согласишься мне, если я скажу, что не пью так много?

Я поднимаю брови.

— У тебя в кабинете есть бутылка скотча. Это то, что пьют богатые парни во всех фильмах, да?

— Я же не настолько предсказуем?

— Просто ответь — это скотч? — спросила я.

— Да, — признает он. — Но, честно говоря, на вкус он как дерьмо. Но это было дорогое дерьмо, так что я оставил его себе.

— Привет, голубки, — зовет Катя. — Вы можете оторваться друг от друга еще на часик? Я хочу переодеться, выпить кофе и развести огонь.

— Тогда, наверное, я разведу огонь. — Леня целует Катю и обходит крыльцо, чтобы набрать дров. Алекс идет с ним, а мы с Катей заходим внутрь, чтобы переодеться.

— Вы такая гармоничная пара, — говорит мне Катя, и ее слова отрезвляют. — Seriously, вы такие милые.

— Спасибо. — Я ненавижу лгать.

— Как ты думаешь, когда ты сможешь познакомить его со своими детьми?

Я теряю равновесие, пытаюсь расстегнуть туфли, и падаю на землю. Я пьяна, но не настолько, чтобы выболтать правду.

— Эмм, не знаю. Я, правда, не знаю, как со всем этим справиться, — признаюсь я. — Они мало что знают о своем отце — черт возьми, я тоже, — но все, что я рассказала им о нем, — это то, что ему пришлось уехать. Знаю, что однажды мне придется все это объяснить.

— О, милая, это нелегко. И я тоже не знаю, что делать. Может, просто довериться

своему чутью?

Я киваю, думая обо всей этой ситуации, и все больше чувствую, что меня вот-вот вырвет. Я ненавижу ложь вообще, еще больше ненавижу лгать своим друзьям и больше всего ненавижу, когда это окончательно сбивает меня с толку.

Алекс — мой начальник.

Не мой парень.

Мы ладим. Заставляем друг друга смеяться. Я искренне верю, что ему нравится мое общество... Но если бы мы не притворялись, то вообще не были бы сейчас вместе.

У меня есть дети, и хотя у Алекса хорошие отношения со своим племянником, не похоже, что он хочет иметь собственных детей. Встречаться достаточно сложно, но встречаться, когда ты родитель-одиночка, еще сложнее. Мне нужно найти кого-то, кому я понравлюсь, и кто понравится мне, и кто совместим с моими девочками.

Если бы я не выпила второй бокал вина после того, как доела свой салат, у меня, вероятно, прямо сейчас случился бы приступ беспокойства. Мои девочки замечательные, и любому бы повезло, если бы они были в его жизни. Найду ли я кого-нибудь, кто тоже так думает? Тот, кто будет встречаться со мной, в некотором смысле будет встречаться не только со мной, но и со всеми нами. Кто, взглянув на меня, не решит, что у меня слишком много багажа, и не вышвырнет нас на обочину?

Наконец-то я снимаю обе туфли. Торопливо поднимаюсь по лестнице, снимаю платье и надеваю лосины, высокие носки, рубашку с длинным рукавом и свитер. Катя достает два одеяла из шкафа в прихожей, и мы выходим на улицу, спускаясь к берегу.

Алекс и Леня все еще пытаются разжечь огонь. Катя подходит, перекладывает дрова в яме для костра и разжигает его за минуту.

— Впечатляет, — говорю я ей и сажусь на песок. Алекс занимает место рядом со мной. На нем нет куртки, и ему, вероятно, холодно. Я накидываю одеяло нам обоим на плечи.

Лена выходит из дома со всем необходимым, чтобы приготовить бутерброды. Мы разговариваем и смеемся, пока жарим хлеб. У меня звонит телефон, и я иду вдоль берега в поисках места с сетью, чтобы поговорить со своими девочками. Они весело провели день в зоопарке, но с нетерпением ждут моего завтрашнего возвращения домой.

Я тоже, дети. Я тоже.

Попрощавшись с девочками, возвращаюсь к костру и занимаю свое место рядом с Алексом. Он укутывает меня одеялом и позволяет своей руке задержаться на моем плече на мгновение дольше, чем нужно. Его прикосновение, нежное, но в то же время сильное, ощущается чертовски приятно. Все по-прежнему разговаривают, а Алекс так хорошо ладит с Катей и Леной, что кажется, будто мы дружим гораздо дольше, чем одни выходные.

Я устала и около полуночи уже едва могу держать глаза открытыми. Моя голова склоняется набок, опускаясь на плечо Алекса.

— Даша? — тихо спрашивает он. — Ты не спишь?

— Нет, — ворчу я.

— Давай я отнесу тебя в постель.

— Нет, я не сплю. Я останусь здесь вместе со всеми.

— Я тоже устала, — говорит Лена. — Я встала в пять, чтобы пробежаться. Обычно я ложусь спать в восемь вечера, — смеется она.

Алекс поднимает меня на ноги и накидывает одеяло мне на плечи.

— На этот раз ты продержалась за полночь, что, делает тебя отъявленной тусовщицей.

Я смеюсь.

— Раньше я могла не ложиться спать до двух, а потом вставать в семь, даже после того, как у меня родились близняшки. Я чувствую себя старой.

— О, заткнись, — смеется Катя. — Ты здесь самая молодая.

— Сколько тебе лет? — спрашивает Лёня.

— Двадцать пять, — отвечаю я ему.

— Если ты старая, то я вообще древний.

— Ты это сказал, не я.

— Видишь? — Катя легонько хлопает Леню ладонью по груди. — Мы слишком взрослые, чтобы заводить еще одного ребенка.

Я натягиваю на себя одеяло, мне холодно находиться вдали от Алекса.

— Хочешь еще? — спросила я.

— Он считает, что у нас должен быть второй ребенок.

— Это не ответ на вопрос, — отмечает Лена.

— Хочешь еще ребенка? — спросила я еще раз.

— Нет, — без колебаний отвечает Катя. — Забеременеть в первый раз было непросто. А сейчас Лизе уже шесть, и она становится независимой. Младенческий период был тяжелым. Я не знаю, как ты справилась с этим в одиночку.

— Ну, мой папа очень помогал, и моя лучшая подруга тоже.

— Теперь у тебя есть партнер, — говорит Леня, кивая на Алекса. — И, может быть, вы двое заведете еще, а?

— Прекрати, — шикает Катя, на этот раз шлепая Леню по-настоящему. — Они только начали встречаться. Они об этом не думают.

— Ну, никогда не знаешь наверняка.

Теперь я чувствую себя неуютно. Ребенок — это последнее, о чем думает Алекс, я могу это гарантировать, черт возьми.

— Но ты бы хотела еще ребенка? — спрашивает Катя.

Я киваю.

— Думаю, что хочу. Но только с правильным человеком. Шанс снова родить близнецов невелик, и тогда я не была бы одинока. Малыш номер три был бы похож на отпуск, по сравнению с двумя сразу. По крайней мере, так я думаю сейчас. — Я поворачиваю голову и смотрю на Алекса. Он смотрит в землю со странным выражением лица. Ему грустно? Страшно? Немного того и другого?

Плотнее закутавшись в одеяло, я избавляюсь от ощущения, что сказала что-то не то. Я этого не делала, и это правда. Я бы с удовольствием вышла замуж и родила еще одного ребенка от мужа.

Мы все идем в дом готовиться ко сну. Я переодеваюсь, умываюсь и чищу зубы. Алекс идет в ванную следом, а Катя проходит мимо, заглядывая в комнату. Она машет мне рукой, чтобы я вышла в коридор.

— Эй, извините, если Леня поставил вас в неловкое положение, ребят. Иногда он может быть настоящим идиотом.

— Нет, все в порядке. Я просто, эмм, не думаю, что Алекс хочет детей.

— Но у тебя уже есть дети.

— Мы просто не настолько, эмм, серьезны. — Если я начну отступать сейчас, ложь о том, что мы расстаемся, не будет такой уж неожиданной. — Я имею в виду — он отличный

парень, суперсекси, но я думаю, что работа — для него номер один, а для меня — семья. В этом нет ничего плохого, ты же знаешь. Но я хочу быть реалистом.

— Ух ты, ты такая взрослая. Знаешь, хоть ты и на пять лет моложе меня, — добавляет она с доброй улыбкой, — но ты уверена, что тебя это устраивает? И, кстати, я купила десять бутылок вина. Можем вскрыть одну и поговорить о чувствах или просто о том, что тебя тревожит. Извини. У меня давненько не было близкой подруги.

Я хочу насладиться последней ночью с этой версией Алекса. Понятия не имею, как все будет, когда мы вернемся к реальной жизни, и я вроде как не хочу, чтобы это заканчивалось. В моем мозгу разворачивается наша история, даже когда я знаю, что обрекаю себя на полное разочарование.

Возвращаться к нему в постель — плохая идея. Ужасная идея. Идея, которая, скорее всего, покажется мне потрясающей и заставит меня выкрикивать его имя. Но я не могу заниматься сексом с Алексом.

— Да, на самом деле это было бы круто. Я предупрежу Алекса.

— Отлично! Я пойду открою вино.

Я захожу в спальню и нахожу Алекса сидящим на краю кровати. Он опускает глаза, когда я вхожу. Одна из ламп на прикроватном столике все еще горит, заливая золотистым светом его красивое лицо. Он без рубашки и снова в этих спортивных штанах.

Я бы очень хотела, чтобы все было по-настоящему.

— Ты действительно думаешь, что работа для меня на первом месте? — немного обиженно спрашивает он.

О, черт, он слышал? Хотя я не сказала ничего такого, о чем сожалела бы. Я должна посеять семя того, что между нами не все идеально, и он это знает. Черт, это была его идея сказать Кате, что мы расстались, чтобы я могла перестать жить в этой лжи.

— Я, эмм, думаю, да. Извини, если мое предположение было неверным. Я вообще не должна была делать предположений.

— Ты ошибаешься, — огрызается он, а затем вздыхает, закрывая глаза. — Извини. Я... Я не хочу, чтобы работа была моим приоритетом. Это все, что заботило моего отца, и я поклялся, что никогда не буду таким, как он.

— Тогда не надо. Ты всегда можешь что-то изменить. — Я слегка улыбаюсь, обнажая зубы. — Катя... Она, эмм... Она хочет немного поболтать. Ты не возражаешь?

— С чего бы мне это делать?

— О, точно. Хорошо. Я не думаю, что мы засидимся допоздна. Еще один бокал вина, и я отключусь.

— Возможно.

Я хватаю свой телефон с прикроватной тумбочки и спускаюсь вниз. Катя с трудом справляется со штопором, говоря, что дома у нее есть электрическая открывалка для вина. Я пробую и в конце концов откалываю пробку. Поискав в Интернете, как это исправить, мы наконец открываем бутылку и наливаем вино в два бокала. Нам приходится выковыривать кусочки пробки, но это вино все равно хорошее.

— Я не знала, что у тебя были проблемы с беременностью, — начинаю я, садясь на диван и включая телевизор.

Она кивает.

— Это был кошмар. Шесть выкидышей, два неудачных ЭКО, а затем четыре месяца постельного режима.

— О боже!

Она пожимает плечами.

— Но теперь у нас есть Лиза, и наша милая малышка превращается в королевского отпрыска.

Я смеюсь.

— Это тот возраст, когда все начинает меняться и я не готова к этому. — Мои глаза немного затуманиваются. — Хоть первые годы их жизни были трудными для меня, мне так жалко осознать, что они вот-вот вырастут.

— Милая. — Рука Кати ложится на мою. — Я уверена, однажды они поблагодарят тебя за это.

— Надеюсь. — Я делаю большой глоток вина. — Возможно, я позволю им уговорить меня сводить их куда-нибудь на следующей неделе. С тех пор, как я получила премию за... — Черт. Я чуть было все не разболтала. — Я получила премию на работе, и у меня есть больше возможностей их баловать.

— Девчачий день — действительно звучит заманчиво.

— Это так. — Я делаю глоток вина и чувствую, что оно уже начинает действовать на меня. Мы еще немного разговариваем, а потом вдруг обе чувствуем себя слишком уставшими, чтобы ложиться спать позже. Я действительно не создана для вечеринок.

Алекс спит, когда я вхожу в комнату. Осторожно прокрадываюсь внутрь, чтобы не разбудить его, и забираюсь под одеяло. Во сне он протягивает руку, поглаживая пальцами мою кожу.

Я позволяю своим глазам закрыться, наслаждаясь легким прикосновением.

— Спасибо тебе, — шепчу я ему. — За то, что заступился за меня и взял с собой в это путешествие. Деньги очень помогут, и... И я хорошо провела с тобой время.

Он снова шевелится, и на секунду мне кажется, что он проснулся. Его дыхание медленное, оно дает мне понять, что он все еще спит. Алекс сбрасывает одеяла с нас обоих. Я тихо смеюсь и натягиваю их обратно, стараясь не прикрыть его, иначе он снова их сбросит.

Повернувшись, он придвигается ближе и обвивает меня рукой. Мое сердце трепещет, и я не знаю, что делать. Скорее всего, он понятия не имеет, что делает, или настолько привык к тому, что кто-то находится в его постели, что делает это чисто машинально.

Я должна высвободиться из его объятий и снова положить подушку между нами. Но прошло так много времени с тех пор, как кто-то обнимал меня, и, черт возьми... Я похоже действительно начинаю в него влюбляться.

Вот гад.

Я моргаю, открываю глаза и переворачиваюсь на другой бок. Алекс сидит, уставившись в свой телефон.

— Ты в порядке? — сонно спрашиваю я, вспоминая прошлую ночь и то, как уснула в его объятиях. Он все еще держал меня, когда проснулся? Алекс сердито набирает что-то на своем телефоне.

— Не совсем.

— Что происходит?

— Клиент только что опубликовал это. — Он показывает мне свой телефон, демонстрируя скриншот постыдного поста в интернете.

— Ай.

— Да. И ты знаешь, что производит его компания? — спрашивает он, на что я качаю головой. — Женскую одежду.

— Двойной ай. Это очень плохо?

— Конечно. — Он потирает лоб и вздыхает. — Впрочем, нет ничего такого, с чем мы не могли бы справиться, но кто-то должен отобрать телефон у этого мудака. Он еще и реагирует на то, что люди пишут и говорят ему. — Алекс просматривает некоторые комментарии. — О, черт возьми, теперь он заговорил о политике. Мне нужно сделать звонок.

Я провожу рукой по своим растрепанным волосам и выглядываю наружу. Судя по приглушенному солнечному свету, проникающему через открытое окно, еще очень рано.

— Ты когда-нибудь чувствовал себя неловко, представляя таких людей?

— Придурков? — Он переводит взгляд со своего телефона на меня. — Не совсем. Я оказываю услугу, а не поддерживаю или распространяю его убеждения.

— Хорошая мысль, — говорю я и задаюсь вопросом, что бы сделала, если бы оказалась в такой ситуации. Мне хотелось бы верить, что я не смогла бы вести бизнес с кем-то, кто открыто издевается над кем-либо, но, опять же, отказываться от таких денег было бы глупо.

Алекс встает и спускается вниз, чтобы позвонить по телефону. Я беру свой телефон и проверяю соцсети. Мы с Алексом взяли за правило не делать никаких совместных снимков, но Катя сделала несколько вчера. Я слишком много выпила, чтобы заботиться об этом, но прямо сейчас, вижу, как она отмечает меня в публикациях, я немного паникую.

Есть фотодоказательства того, что мы с Алексом симулировали отношения. Я не хочу терять подругу, которую только что обрела, и, что более важно, не хочу ранить ее чувства. Я лгала ей прямо в лицо несколько раз.

Это было ошибкой, и мне не следовало приезжать сюда. Ложь не сулит ничего хорошего, и карма уже приносит свои плоды. Во мне просыпаются настоящие чувства.

Хотя фальшивый разрыв теперь будет казаться более искренним.

— Привет, — Алекс возвращается вверх по лестнице. — Мне придется улететь домой более ранним рейсом, чтобы разобраться с этой хренью. Ты хочешь сохранить свой первоначальный билет? Я попрошу кого-нибудь встретить тебя в аэропорту и отвезти домой. Ты летишь тем же рейсом, что и Катя с Леной. — Он опускает взгляд на свой телефон. — Я все равно не думаю, что смогу достать два билета на рейс пораньше. Похоже, что есть только один, и это эконом.

— О, эмм, конечно. Я не против. Делай то, что должен, — говорю со слащавой улыбкой, а затем мысленно качаю головой. — Я могу помочь? То есть... Я же твой помощник.

— Да, как только мы доберемся до офиса.

— Сегодня вечером?

Он видит ужас на моем лице и открывает рот, чтобы что-то сказать, но колеблется.

— Нет, не сегодня. Утром. Утром в понедельник. Нам придется организовать пресс-конференцию и сделать все возможное, чтобы предотвратить ущерб. Подобные вещи, как правило, ускользают от внимания общественности, но если клиенты перестанут покупать... — Он замолкает, не нуждаясь в объяснениях. Если клиенты перестанут покупать, компании больше не будет, и она не будет платить Алексу. Верно.

— Что ж, если я смогу что-нибудь сделать сегодня вечером, просто дай мне знать. Я ведь могу назначать встречи и делать звонки дома.

Он кивает.

— Так и сделаю.

— Нашел билет? — спрашиваю я, чувствуя, что мне не терпится просто вернуться домой и увидеть девочек.

Он снова смотрит на свой телефон.

— Есть только один билет на рейс, который вылетает через два часа. Черт, я не думаю, что у меня получится все успеть. — Он смотрит на свой открытый чемодан.

— Иди, — говорю я ему. — Я соберу твои вещи и привезу.

— Я не могу просить тебя об этом.

— Ты не просишь. И если не боишься, что я найду твой дневник или что-то в этом роде, собрать твои вещи будет легко. Ты очень аккуратный.

— Это привычка. — Он смотрит мне в глаза, и его взгляд прожигает меня насквозь. — Спасибо тебе, Дарья.

— Не за что. А теперь иди и спасай положение, не дай этому толстопузому, ненавидящему женщин мужику распространять всякую хрень в сети.

— Так и сделаю.

Его пристальный взгляд задерживается еще на мгновение, прежде чем он спешит в комнату, одевается и берет только самое необходимое для полета обратно в Москву.

Я начинаю скучать по нему в тот же момент, когда он уходит.

Глава 28

— Мам, ты меня раздавишь! — Полина пытается вывернуться из моих объятий. Я обернула одну руку вокруг нее, а другую — вокруг Вики.

— Я просто так сильно скучала по вам обеим, — говорю я, поворачивая голову, чтобы поцеловать каждую. — Мне нужно снова обнять вас.

— Ты так сильно обнимала нас ночью, что чуть не придушила, — драматично произносит Вика. Однако ее маленькие ручки все еще обнимают меня.

— Я знаю, но я твоя мама и могу обнимать тебя столько, сколько захочу.

Было так приятно воссоединиться, несмотря на то, что я уехала на короткие выходные. Я уснула, читая им в их постели, а когда проснулась несколько часов спустя, мне было так уютно, что решила именно спать с ними всю ночь.

Я приняла душ, почистила зубы и надела пижаму, а затем вернулась к ним в постель, крепко прижимая их обоих к себе.

Сейчас утро понедельника, и мы готовимся садиться в машину, чтобы выезжать в школу. Мое сердце снова сжимается при мысли о том, что я не смогу увидеть их почти до половины шестого вечера.

Но также я взволнована встречей с Алексом... И немного нервничаю, если честно. Я не хочу, чтобы все было неловко или, что еще хуже, вернулось к тому, как было раньше, когда наши отношения были сугубо деловыми. Я профессионал и знаю, что мы не можем прятать эту жуткую куклу, которую я привезла домой в своем чемодане, по всему офису. Но надеюсь, что все будет по крайней мере по-дружески.

Я припозднилась со стиркой и не помню, когда в последний раз пылесосила квартиру, не говоря уже о том, чтобы вытирать пыль. Провести выходные в таком милом доме, а потом вернуться сюда — теперь я хочу переехать еще больше. Девочки этого заслуживают.

Нам не нужно ничего большого или навороченного. Просто хорошее место. И еще было бы неплохо иметь ковер, на котором не будет пятен от прошлых жильцов. Я активно занималась уборкой, пока девочки принимали душ, и теперь квартира выглядит довольно

сносно. Это продлится ровно день — но, эй, мы будем наслаждаться, пока можем.

— О, блин, бегом, девочки, — кричу я, когда смотрю на время. — Нам пора идти.

Я перекидываю сумочку через плечо, достаю ключи и вывожу девочек из квартиры.

— Привет, Даш.

Я подпрыгиваю, не заметив Макса, стоящего в подъезде.

— О, Макс, привет. — Я запираю дверь квартиры и держу ключи в руке. У меня от этого парня серьезные мурашки по коже. Я заставляю девочек идти впереди меня, становясь между ними и Максом.

— Тебя не было в эти выходные? Я не видел, как ты входила или выходила.

— Эмм, да. Меня не было.

— Куда ты ходила?

— Я поехала навестить отца девочек в тюрьме. Завтра он выходит на свободу. Нам нужно идти. Девочкам пора в школу. — Я хватаю Вику за руку. — Держи свою сестру за руку, — шепчу я Полине. — И не отпускай меня.

Макс следует за нами вниз по лестнице, и к тому времени, как мы выходим и садимся в машину, мое сердце снова подскакивает к горлу. Я практически запикиваю девочек внутрь, а затем запрыгиваю на водительское сиденье, запирая двери в ту же секунду, как оказываюсь внутри. Я не хочу пугать девочек. Они уже думают, что Макс — жуткий ублюдок. К счастью, они никогда не говорили об этом именно так, но они сказали мне, что он их пугает.

— Наш папа в тюрьме?

Полина пристегивает ремень безопасности.

Черт, они слышали.

— Нет, я соврала.

— Врать плохо, — говорит Вика с таким нахальством, что я не знаю, стоит ли мне ругать ее или хвалить.

— Это так, но бывают моменты, когда это необходимо. — Например, когда преследователь повсюду следует за вами и вашими детьми. Он все это время ждал за дверью? Я чувствую себя очень напуганной.

— А папа вернется? — спрашивает Полина.

— Я, эмм, не знаю, — говорю, глядя на нее в зеркало заднего вида.

— Если бы папа вернулся, ты бы вышла за него замуж?

— Нет, — честно отвечаю я.

— Почему нет? — спрашивает Вика.

— Потому что мы не... Мы... Это... Давненько мы не виделись. — Я не могу сказать им, что на самом деле не знаю их отца. Мы провели вместе одну волшебную ночь, но на этом все.

— Он был бы твоим парнем?

— Ну, — начинаю я и представляю дальнейшее развитие событий у себя в голове. Было бы замечательно, если бы мы все были вместе, как одна большая счастливая семья. — Я бы сходила с ним на свидание и посмотрела, что из этого выйдет.

— Когда папа вернется?

Их вопросы убивают меня, и я знаю, что на самом деле нет никакого способа убедить их в том, что не их вина в том, что их отца нет с нами. Рассказ о том, что он ничего о них не знает, может привести к чрезмерному замешательству или еще больше задеть их чувства. Я не знаю, как объяснить эти вещи, и у каждого в Интернете есть свое мнение о том, как

справиться с подобной ситуацией.

Конечно, я не хочу эмоционально травмировать девочек. Не хочу пытаться объяснить правду, заставляя их передавать ее другим в школе и путать некоторые детали, после чего к ним станут по-другому относиться, потому что мы очень далеки от типичной семьи, посещающей «Эрудит».

— Я не знаю. — Я оборачиваюсь и смотрю на них. — Но он нам не нужен. У вас есть я, и я довольно крутая мама, верно?

Девочки хихикают, но соглашаются со мной. Я выезжаю задним ходом со своего парковочного места и мельком замечаю Макса, стоящего на пороге подъезда и машущего нам, когда мы уезжаем.

У меня плохое, очень плохое предчувствие по этому поводу.

— С тобой все в порядке? — спрашивает меня Тамара, одна из стажеров, когда заходит в комнату отдыха. — Ты какая-то нервная сегодня.

— Нет. Да. Просто немного напугана, — признаюсь я. Всю дорогу я думала о Максе. Он знал, что нас нет дома, а это значит, что он искал меня. И тот факт, что он был за дверью как раз в то время, когда мы уходили в школу, наводит меня на мысль, что у него есть наше расписание. Он ждал нас там. Возможно, он сейчас ждет, когда мы вернемся домой.

— Напугана?

— Есть один парень, который живет в моем доме. — Я содрогаюсь. — Я думаю, он преследует меня.

— О, Господи, по-настоящему преследует тебя?

Я киваю.

— Сегодня утром он ждал у моей двери. Он знал, что меня не было в городе на выходных. Я никому не говорила, что уеду.

— Это серьезно. В полицию сообщила?

— Сообщила в полицию о чем? — спрашивает Денис, один из старших агентов, входя в комнату.

— У нее есть преследователь, — говорит ему Тамара, и я бросаю на нее взгляд. — Я не сожалею. Тебе нужно отнестись к этому серьезно. Сестру подруги моего двоюродного брата преследовали в институте, и этот парень вломился к ней в дом и попытался похитить ее.

— О, Боже мой. У меня же дети.

— Тогда тебе нужно отнестись к этому серьезно. И придумать, что делать.

— Да, — соглашается Денис. — Ты чувствуешь, что ты в опасности?

Меня всю трясет, когда я думаю об этом. Мое сердце учащенно бьется, а руки становятся липкими. Я на грани нервного срыва и я впала в панику. Но потом Алекс входит в комнату, и все вокруг меня затихают.

Я хочу подбежать к нему и снова почувствовать, как его руки обнимают меня.

— Что происходит? — спрашивает он, видя, что я держу его пустую кружку из-под кофе. — С тобой все хорошо, Дарья?

Страх на моем лице очевиден.

— У нее есть преследователь, — говорит Тамара. — Сегодня утром он ждал у ее двери. Я сказала ей, что она должна сообщить об этом в полицию.

— Это правда? — На лице Алекса появляется беспокойство, и он быстро подходит ко мне, протягивая руку. Он останавливает себя прежде, чем его пальцы прикасаются ко мне.

— Да, вроде того. Есть один парень, который живет этажом ниже нас, и сегодня утром

он был в коридоре прямо за дверью.

— Он живет под вами? — спрашивает Алекс, и я киваю. — Значит, у него не было причин находиться на твоём этаже. Не похоже, чтобы он просто спускался.

— Правильно.

— Нужно что-то делать с этим.

Я снова киваю и отворачиваюсь, мне нужно отвлечься. Макс всегда вызывал у меня плохое предчувствие, но он не сделал ничего, что могло бы доказать, что он настоящий преследователь. Он мог быть в гостях у соседа или просто прогуливаться по зданию. Сможет ли полиция вообще что-нибудь сделать? Алекс подходит и забирает у меня кофе, накрывая своими пальцами мои.

— Ты чувствуешь, что ты в опасности?

— Он всегда вызывал у меня мурашки по коже, но это утро было совершенно новым уровнем.

Алекс хмурит брови, и мое сердце замирает. Внезапно он одергивает себя. Его отец входит в комнату отдыха вместе со своим помощником. Все в комнате разбегаются, и я вспоминаю, что Тамара говорила раньше о напряженных отношениях между Алексом и его отцом. Я на секунду заглядываю Алексу в глаза, затем тоже ухожу.

Вчерашние противоречивые посты в соцсетях не дают нам покоя до конца рабочего дня, и я безостановочно разговариваю по телефону. Это отвлекает меня от ситуации с преследователем и не дает мне думать о выходных. В основном.

Алекс был на нескольких встречах, а затем уехал на пару часов на пресс-конференцию. День проходит быстро и в то же время медленно, и у меня не было возможности сделать настоящий перерыв на обед до трех сорока пяти. Во время еды я звоню папе, спрашиваю, не хочет ли он прийти на ужин и не может ли он помочь мне поставить дополнительные замки на двери. Он работает до половины восьмого, но придет после.

Около пяти я подхожу к кабинету Алекса и стучу в дверь.

— Да, — говорит он, не отрываясь от того, над чем работает.

— Тебе нужно, чтобы я осталась сегодня в офисе дольше? — спрашиваю я.

Моргая, чтобы сфокусировать зрение, он отворачивается от своего компьютера и смотрит на меня.

— Нет. Я тоже скоро собираюсь уехать отсюда. — Он проводит рукой по волосам. — Иди, забирай девочек. Я знаю, ты скучаешь по ним.

— Да, очень скучаю, — говорю я с улыбкой.

— Ты хочешь, чтобы я... может, проводить тебя до твоей квартиры? На случай, если преследователь там?

— Эмм... Я... — Я не знаю, чего я хочу. Да, было бы неплохо, если бы кто-нибудь проводил меня и девочек внутрь. — Это не обременит тебя?

— Нет. — Он одаривает меня дерзкой ухмылкой. — Было бы большим бременем заменить моего помощника, если бы нынешний был похищен преследователем.

— Ааа, так тебе нужны гарантии работы.

— Да. — Его глаза встречаются с моими, и мое сердце бешено колотится в груди.

— Сначала я должна забрать девочек из Таниного дома.

— Ладно. Я поеду за тобой.

— Ты уверен, что тебе это не в тягость? — спрашиваю я, желая услышать, как он скажет это снова.

— Нет, не в тягость.

— Спасибо. Я просто, эмм, закрою свой стол. — Закрою свой стол? Что, черт возьми это вообще значит? Что угодно. Мой желудок снова трепещет, и Алекс встает, обходя стол.

— Встретимся внизу.

Как я должна поверить, что эти выходные были притворством, какой-то случайностью, когда он так на меня смотрит?

Глава 29

Это место, где живет Даша?

Ни за что бы не подумал, глядя на нее. Я чувствую себя не в своей тарелке, когда вижу, что окружающие меня люди живут в таких помойках, как эта.

Я не знаю, чего ожидал. Она — мать-одиночка, которая до недавнего времени зарабатывала чуть больше минимальной заработной платы. Я паркую свою «Теслу» и выхожу, оглядываясь по сторонам. Дарья припарковалась в нескольких метрах от подъезда. Я быстро подхожу к ней.

Звучит музыка, и она с детьми подпевает радио. Они улыбаются и выглядят счастливыми. Дарья глушит двигатель и выходит, открывая дверь девочкам.

— Девочки, это Алекс, — представляет она. — Или ты хочешь, чтобы тебя называли Александр Андреевич?

— Алекс, — говорю я.

— Ты дядя Гриши, — говорит одна из близняшек. Я перевожу взгляд с одной на другую. Прямо сейчас они одеты в одинаковую школьную форму, и их прически уложены одинаково. Я ни за что не смогу отличить их друг от друга.

— Так и есть. Хорошая память!

— Это Полина, — говорит мне Дарья. — А это Вика. Алекс ужинает с нами сегодня вечером. Я готовлю картофельную тортилью.

— Ту, что готовит дедуля? — спрашивает Полина.

Дарья качает головой.

— Ту, которую готовила бабуля. С тем соусом, который вам так нравится.

Обе девочки приходят в восторг. Дарья запирает машину и кладет ключи в сумочку. Она оглядывается, прежде чем отойти от машины и взять детей за руки.

Мы заходим внутрь и поднимаемся по лестнице, не встречая никого, кто мог бы быть преследователем Дарьи. Тем не менее она сильно напряжена.

— Итак, это наш дом, — говорит она мне, запирая за собой дверь. — Здесь не так уж много места, но это наш дом. — Близняшки снимают обувь и бросают свои рюкзаки на пол. — Идите мыть руки, — говорит она им.

Дверь открывается в маленькую гостиную, которая перетекает прямо в крошечную кухню. Моя спальня больше, чем вся эта квартира. Большую часть стен занимают рисунки карандашом и картины, все подписанные: Полина или Вика. На стене в рамке висит фотография Дарьи с девочками, а в углу за диваном сложены игрушки.

Дарья снимает туфли, и я следую ее примеру. Она достает из сумочки телефон, вешает свою сумочку и рюкзаки девочек на крючок и идет на кухню, чтобы приготовить ужин.

— Я могу помочь? — спрашиваю я, подходя к ней сзади. Кухня крошечная, в ней почти нет места.

— Ты умеешь готовить? — спрашивает она, ухмыляясь.

— Не очень хорошо, но я могу четко следовать инструкциям.

— Можешь, эмм, помыть помидоры и листья салата.

— С мылом?

Она бросает на меня непонимающий взгляд, и я смеюсь.

— Я шучу. Я знаю, как мыть овощи.

Ее улыбка освещает всю комнату.

Хорошо.

Девочки выходят из ванной и идут в гостиную. Они спорят о том, что смотреть, прежде чем остановиться на “Свинке Пеппе”. Грише тоже нравится этот мультфильм, и я посмотрел с ним несколько серий. Мне не стыдно признаться, что мне он тоже нравится.

Дарья включает музыку на своем телефоне, убавляет громкость и ставит телефон на банку с фасолью. Она танцует под Анну Асти, готовя ужин. Я помогаю, чем могу, но в основном чувствую себя скованно на этой маленькой кухне.

— Ты когда-нибудь вызывала полицию? — тихо спрашиваю я ее. — Будет неплохо, если этого придурка поставят на учет. Это поможет позже получить судебный запрет, если он понадобится.

— У тебя есть опыт с судебными запретами?

— Вообще-то да, — говорю я ей. — У меня раньше были преследователи.

— Правда? — она упирает руку в бедро, не веря мне.

— Да. Ты меня видела?

— Конечно. И без рубашки.

— И я видел тебя... — я обрываю ее, когда она раздувает ноздри и свирепо смотрит на меня. — Это был мой бывший клиент. Он выследил нескольких сотрудников из офиса.

— Жутковато.

— Так оно и было, и именно поэтому я думаю, что тебе следует по крайней мере написать заявление.

Она кивает и смотрит на девочек, прежде чем поставить ужин в духовку.

— Ты прав. Сейчас позвоню.

Схватив телефон, она идет в свою спальню и закрывает дверь.

Полина — или, может быть, Вика? — встает с дивана и вытаскивает переполненную корзину с игрушками. Она вытряхивает ее и выбирает несколько Барби и аксессуаров.

— Ты хочешь поиграть со мной? — спрашивает она меня.

— Конечно. — Я кладу свой телефон на стол, подхожу и присоединяюсь к ней на полу. — Как ты играешь в Барби?

— Ты заставляешь их говорить и все такое.

— Что они говорят? — спросил я.

— Все, что ты захочешь. Обычно мы устраиваем для них вечеринки. Мама делает для нас домики из коробок, и мы их украшаем.

— У тебя хорошая мама, ты ведь знаешь это, верно?

— Да, — говорит Полина, или, может быть, Вика, так, словно это самая очевидная вещь в мире. — Я бы хотела, чтобы у нее было больше времени играть со мной.

— Я уверен, что она это знает и очень хочет больше играть с вами.

— Она знает, — говорит мне другая близняшка. — Я иногда слышу, как она плачет, потому что она устала и ей грустно.

— Полина, — сердится близняшка на полу, которую, как я теперь знаю, зовут Вика. — Ты не должна рассказывать это.

Полина просто пожимает плечами и снова смотрит в телевизор. Вика опустошает еще одну корзину с игрушками, и я помогаю ей найти подходящие туфли. Она решила, что мы собираемся открыть магазин и устроить торжественное открытие.

Примерно через десять минут Дарья выходит из своей комнаты и резко останавливается.

— Тебя все-таки заманили в игру? — спрашивает она с улыбкой.

— Меня ни во что не заманили. Это весело. — Я положил пару крошечных розовых туфель на каблуках рядом с парой неоновых-зеленых ботинок. — Как все прошло?

— Хорошо, я думаю. Они сказали, что я могу написать заявление, — говорит она и садится рядом с нами. Она забирает пульт у Полины, которая закатывает небольшую истерику, когда телевизор выключается. Всего через минуту или две она оказывается на полу рядом с нами, и мы устраиваем настоящий обувной магазин для Барби, прежде чем сработает таймер на духовке.

Я играю с девочками, пока Дарья готовит нам еду, расставляя четыре тарелки на маленьком кухонном столе. Может быть, из-за компании, но, черт возьми, это лучший ужин, который я когда-либо ел.

— Нужна помощь в уборке? — я спрашиваю, когда мы закончили.

— Нет, все в порядке. Но спасибо тебе. Я уберу все после того, как девочки лягут спать. Надеюсь, что заявление в полицию не займет много времени. Она смотрит на часы. — Может быть, мы подождем, пока придет папа, — говорит она себе. — Я бы предпочла девочек не брать.

— Я могу остаться, — предлагаю я. — Я вложил столько времени в этот магазин, что мне нужно довести дело до конца. — Дарья смотрит на меня, широко раскрыв глаза и слегка приоткрыв губы. Боже, она прекрасна.

— Правда?

— Да. И если они снова включают Пеппу, я буду развлекаться по полной программе. Мне нравится Папа Свин, он напоминает меня.

Дарья смеется.

— Ты смотришь «Свинку Пеппу»?

— Гриша смотрит.

— Ты и так много сделал для меня, — говорит она, нервно теребя свои волосы. — Я не хочу тебя напрягать.

— Это не так. Ты проделала путь до Алтая со мной в эти выходные. Самое меньшее, что я могу сделать, — это поболтать здесь, пока ты занята.

— Да, ты прав. — Она подходит ближе и кладет руку мне на плечо. — Еще раз спасибо тебе, Алекс. — Она поднимает голову, и я снова борюсь с желанием поцеловать ее. — Я понятия не имею, сколько времени это займет, но мой папа заедет около половины восьмого. Я скажу ему, что ты здесь, и если появится какой-нибудь случайный старик, заставь его произнести пароль, прежде чемпустишь его.

— У тебя есть пароль?

— Нет, но я что-нибудь придумаю. Ананасовый сок.

— Ладно. Я никого не впускаю, пока они не скажут «Ананасовый сок».

— Хорошо. Устные пароли — одна из самых высоких форм безопасности, знаете ли.

— Конечно.

Дарья обнимает и целует своих девочек, а затем поспешно выходит за дверь. Я

выглядываю из окна гостиной, чтобы убедиться, что она благополучно добралась до своей машины. Она добралась.

Я возвращаюсь на свое место на полу и сажусь рядом с обувным магазином Барби, который мы открываем.

— Тебе нравится моя мама? — спрашивает Вика, поставив еще одну пару туфель на перевернутую коробку из-под салфеток, которую мы используем в качестве витрины.

— Да, — говорю я и чувствую, как что-то расслабляется в моей груди.

Глава 30

— Ты должна была его видеть. — Я переворачиваюсь на кровати и кладу телефон на грудь. — Он сидел на полу и играл с девочками в куклы.

— О-о-о, это очень мило. — Голос Тани эхом отдается в трубке. Я включила громкую связь, а она ходит по комнате, не в силах усидеть на месте.

— Знаю, — стону я. — Я не ожидала, что он так поладит с девочками. Он им понравился, и они спросили, может ли он вернуться и поиграть с ними еще раз. — Я испускаю тяжелый вздох. — Он мне нравится, Тань.

— Я знала, что ты в него рано или поздно влюбишься.

— Он мне не нравился до этих выходных.

— Чушь собачья, — говорит она. — Я знала, что ты равнодушна к нему.

— Он действительно возбуждает меня, и он очень горячий, так что да.

— Это все не имеет смысла, — смеется она. — Но, как бы то ни было, в другой раз не отрицай мою правоту. Что ты собираешься с этим делать?

— Ничего. Он мой начальник, и хотя я почти уверена, что он хочет этого... — Я указываю на свое тело, забывая, что Таня меня не видит. — Я не знаю, хочет ли он серьезных отношений, но я хочу.

— Спроси. Тогда ты будешь знать наверняка.

— Перестань быть логичной. Что, если он скажет «нет»?

— Тогда он скажет «нет». Может быть, он сможет побыть твоим другом по переписке какое-то время.

Переспав с Алексом, я только усилию свои чувства к нему. — Ух, ты. Было намного легче, когда я ненавидела этого парня.

Таня смеется.

— Все необязательно должно быть сложно, Даш. Он тебе нравится. Сделай шаг.

— Я не хочу потерять свою работу, перейдя черту.

— Не предпринимай никаких действий в офисе, и он не сможет уволить тебя за то, что ты пригласила его на ужин. Он заставил тебя выдать себя за его фальшивую девушку, чтобы он мог заключить деловую сделку. Ты не только пересекла черту, но и пробежала за ней много километров.

— Верно. Я не знаю... Я просто... Напугана, — наконец признаюсь я. — Очевидно, я не хочу, чтобы мне причинили боль, и я не хочу обнадеживать девочек. Они снова спрашивали о своем отце. — Я засовываю ноги под одеяло. — Как ты думаешь, они достаточно взрослые, чтобы рассказать им всю историю целиком?

— Нет, пока нет. Если только ты не хочешь рискнуть, и услышать вопрос, как папочка поместил в тебя двух младенцев.

— Я не готова к этому разговору.

— У тебя есть еще несколько лет.

— Я так рада, что у меня девочки. Я не могу представить себя матерью-одиночкой, которой приходится говорить со своим сыном о том, что нельзя мастурбировать в полотенца. — Таня смеется.

— Могло быть и хуже.

— Наверное, так и есть. — Мой телефон издает звуковой сигнал, и я убираю его от лица, надеясь увидеть номер Алекса. Это не он, а Катя. — Катя звонит мне. Я перезвоню тебе утром.

— Ладно. Люблю тебя, Даш.

— Я тоже тебя люблю. — Я переключаю звонки. — Алло?

— Эй! — говорит Катя. — Как у тебя дела, милая?

— Прекрасно. Я уже снова в постели. Я такая скучная...

— Я тоже в постели. Лиза сегодня рано улеглась, а я налила себе немного того сладкого красного вина и завалилась спать. Утром у меня ранняя презентация.

— О, звучит круто! И удачи тебе.

— Спасибо, я надеюсь вытянуть по крайней мере четыре миллиона из этих старых богачей. Деньги пойдут в женскую клинику, так что мои шансы невелики. В любом случае Лиза все твердила и твердила о том, что хочет устроить вечеринку с ночевкой в эти выходные.

— Вечеринку с ночевкой? — эхом отзываюсь я. — Близняшкам это понравится.

— У них никогда раньше не было друзей с ночевкой?

— Неужели это настолько очевидно?

Она смеется.

— Совсем чуть-чуть.

— Но если они пойдут с ночевкой к вам, то я точно буду спокойна.

— О, спасибо, дорогая. Останься на ужин тоже, и ты тоже немного отдохнешь. Там будут Регина и ее близнецы.

— Круто. Да. Мы придем.

Я нажимаю «повтор» в третий раз, обнаруживая, что мне трудно даже открыть глаза и посмотреть на часы. Нужно вставать, иначе мы опоздаем в школу, а потом на работу. Проведя руками по лицу, я сажусь только для того, чтобы плюхнуться обратно.

На мой телефон приходит сообщение, которое немного подбадривает меня. Кто бы мог написать мне в такую рань? Алекс. Вот кто.

Я моргаю несколько раз. Зрение затуманивается, потом возвращается в норму. Открываю текст.

Алекс: Дело Макарова перенесли, я только что узнал об этом, так что сегодня меня не будет в офисе. Можешь отменить-перенести все мои встречи на сегодня?

О, это просто сообщение, связанное с работой.

Я: Да, могу. Что я без тебя буду делать?

Я отправляю текст и только потом понимаю, как это звучит.

Я: В офисе, я имею в виду. Кому я должна помогать?

Алекс: Будь на телефоне и отвечай на электронную почту. Покопайся в моем столе и поищи компрометирующие улики, пока меня не будет. Подсказка: где-то там спрятан потайной ящик.

Теперь я улыбаюсь.

Я: За кого ты меня принимаешь, за новичка? Я нашла этот потайной ящик и папку с

фотографиями в свой первый день.

Он отправляет смеющийся смайлик, и я наблюдаю, как появляются маленькие пузырьки, когда он печатает.

Алекс: Тебе нужен телохранитель сегодня утром?

Я: Я уверена, у нас все будет хорошо. Мальчишки-подростки с верхнего этажа крутятся во дворе. Думаю, они пришли бы мне на помощь, если бы я позвала.

Алекс: Обнадеживает. Просто скажи слово, и я приеду.

Я: Я живу примерно в двадцати пяти минутах езды от офиса.

Алекс: Это даст мне время прослушать еще несколько глав из книги.

Я не могу перестать улыбаться, когда встаю и разбираюсь с двумя очень раздражительными детьми. Я готовлю им завтрак, одеваю, причесываю и помогаю чистить зубы. Потом позволяю им поваляться на диване с включенным телевизором, пока прихожу в себя.

Мы выскакиваем и садимся в машину, не столкнувшись с Максом. Я фотографирую нас троих в машине — все, конечно, корчат глупые рожи, — и отправляю снимок Алексу, чтобы он знал, что меня не похитили и не ограбили.

Я высаживаю девочек, а потом еду на работу, зная, что без Алекса этот день будет каким-то странным. Время тянется медленно, и он пишет мне около трех, чтобы сказать, что я могу уйти пораньше, если успею со всем разобраться. Что я и делаю — ухожу оттуда как раз вовремя, чтобы забрать девочек из школы.

На улице приятно, поэтому мы идем в парк, а потом делаем первую легкомысленную покупку на мою премию. Мы покупаем дорожщее ведро мороженого и везем его домой. Макс курит на улице, и я говорю девочкам, что мы собираемся устроить гонку, чтобы посмотреть, кто первым доберется до дверей квартиры.

Мы не останавливаемся, пока не поднимаемся на второй этаж. Я отпираю нашу дверь, практически вталкиваю девочек внутрь и закрываю дверь.

— Дац, подожди!

Я слышу, как Макс зовет меня, когда дверь захлопывается. Я запираю ее, прерывисто выдыхаю и уже подумываю о том, чтобы передвинуть диван в прихожую. Девочки несут свое мороженое к столу, а я жду у двери. Слышу, как кто-то идет по коридору. Мое сердце учащенно бьется, когда этот кто-то останавливаются у двери, и я слишком напугана, чтобы пошевелиться или посмотреть в глазок.

Затем он кладет руку на дверную ручку, проверяя, не заперта ли она. Я не передвигаю диван, но ставлю кухонный стул перед дверью и говорю девочкам, что он там для того, чтобы наши сумочки и рюкзаки не валялись на полу.

Чтобы отвлечься, мы смотрим фильм, пока едим мороженое. Потом ужинаем, повторяем слова, и у нас остается достаточно времени, чтобы еще немного поиграть перед ванной и сном. Алекс пишет мне около девяти, сообщая, что завтра снова будет в суде. Я не знакома с делом Макарова, но знаю, что они являются клиентами и подают в суд на другую компанию за кражу их патента или что-то в этом роде.

Итак, следующий день заполнен перестановками в расписании Алекса, ответами на телефонные звонки и просмотром электронной почты. Я ухожу в половине четвертого и провожу еще один хороший вечер с девочками — на этот раз, слава Богу, без преследователей.

Алекс вернулся в офис в четверг, но был так занят, наверстывая упущенное за два

пропущенных дня, что даже на меня смог поднять свое великолепное лицо всего лишь пару раз.

Я надеялась, что в пятницу дела пойдут лучше, но он также занят, а его отец то входит в его кабинет, то выходит из него. Я делаю все возможное, чтобы держаться от них подальше.

Девочки после школы идут на вечеринку с ночевкой. Я уже упаковала их сумки и попрошу их переодеться, когда доберусь до дома Тани.

Алекс разговаривает по телефону, когда часы бьют пять, и я просовываю голову в кабинет. Его лицо озаряется, и он улыбается, одними губами желая мне хороших выходных. Я слегка машу ему рукой и выезжаю, направляясь к дому Тани.

Когда я прихожу, девочки гуляют с собаками на улице. Собаки начинают лаять, и мои девочки подбегают, подбадривая меня. Это такое приятное чувство — видеть, как они рады встрече со мной.

— У тебя горячее свидание на этих выходных? — спрашивает Таня, как только мы все возвращаемся внутрь. Она знает, что это не так. Вытаскивая из сумочки сменную одежду для девочек, я качаю головой.

— Это была супер напряженная рабочая неделя. У меня не было возможности даже поговорить с ним, не говоря уже о том, чтобы пригласить на свидание. — Я отдаю девочкам их одежду и велю им поторопиться.

— Тогда на следующей неделе, — говорит Таня. — В какой-то момент на следующей неделе ты пригласишь его на свидание.

— Хорошо, — говорю я просто для того, чтобы она перестала приставать ко мне. Я сажусь на диван и протягиваю руку, чтобы собаки обнюхали меня. Они знают меня много лет, но все равно лают каждый раз, когда я захожу в дом. Внезапно я вспоминаю, что оставила свой кошелек в верхнем ящике рабочего стола. Я запираю там свой кошелек и телефон, когда выхожу из-за стола. Сегодня я много разговаривала по телефону, добавляя что-то в свой календарь, и он был у меня на столе чаще, чем в сумочке.

Ну, что ж. Я смогу заскочить туда на обратном пути от Кати и забрать его. Здание открыто до восьми, у меня будет время.

Мы прощаемся с Таней и выходим за дверь. Я ввожу адрес Кати в навигатор. У нее великолепный дом. Ее повар приготовил вкусный ужин, и если бы мне не нужно было возвращаться в офис за своим бумажником, я бы осталась и посидела во внутреннем дворике с ней и Региной, наслаждаясь прекрасным вином.

Я сотню раз обнимаю своих девочек на прощание, а потом заставляю их позировать для фотографии. Это их первая дружеская ночевка. Большое дело.

— Если вы захотите вернуться домой, просто попросите маму Лизы позвонить мне, — напоминаю я им. — И я приеду за вами.

— Мама, — дерзят они одновременно. — Перестань, с нами все будет в порядке.

— Теперь мы можем пойти поиграть? — спрашивает Вика.

— Конечно. Еще одно объятие?

Они улыбаются и обнимают меня. Я целую их и выхожу обратно, испуская тяжелый вздох, когда направляюсь обратно в офис. Я никогда не была здесь так поздно, и на почти пустой стоянке немного жутковато. Я спешу попасть в вестибюль.

— Привет, — говорю я охраннику в вестибюле.

— Вернулась? Что, соскучилась по работе?

— Ты же знаешь, — смеюсь я. — Я кое-что забыла наверху.

— Да, своего начальника.

— Алекс все еще здесь?

— Обычно он здесь допоздна, — говорит он мне.

— Я заставлю его уйти.

Захожу в лифт и поднимаюсь на четырнадцатый этаж. Лампы над столом секретарши приглушены, как и все остальное освещение, за исключением кабинета Алекса. Я вижу, как он сидит за своим столом, — волосы растрепаны из-за того, что он проводит по ним пальцами. Он вскидывает голову, когда слышит, как хлопают двери лифта.

— Даша?

— Да, это я.

— Что ты здесь делаешь?

Он встает и обходит свой стол, когда я вхожу. Мое сердце замирает на мгновение.

— Я оставила свой кошелек в столе.

— О.

— А что ты здесь делаешь так поздно?

— Работаю. — Он корчит гримасу и вздыхает.

— Я думаю, тебе следует на этом закончить.

— Я сделаю это... Скоро, — обещает он.

— Что это? — Его взгляд падает на подарочную корзину на моем столе.

— О, это с того завода по производству виски, на который ты ходил недели две назад.

Ты был так занят, что я не хотела тебя этим беспокоить. Они прислали бутылку своего лучшего виски, а затем вот эту бутылку. Я думаю, это должно было быть шуткой.

Алекс улыбается.

— Забавно. Я не пил этого дерьма со времен университета.

— Я только видела, как люди это пьют.

— О, ты должна попробовать.

— Ни за что.

— Половина порции. Черт возьми, четверть порции.

— Хорошо, но ты выпьешь это со мной.

Кивнув, он идет в комнату отдыха за водой. Я несу бутылку в его кабинет и открываю ее. Алекс ставит воду на стол и берет два модных бокала. Я наливаю в каждый по чуть-чуть.

— На счет три, — говорит он мне и поднимает свой бокал. — Один. Два. Три.

Я опрокидываю жидкость в рот и закрываю рот рукой.

— Это яд!

Я высовываю язык и снова давлюсь.

Алекс смеется.

— Видела бы ты свое лицо!

— О, Боже мой. — Я хватаю воду и пью ее большими глотками. — Почему кто-то это пьет?

— Я думаю, потому, что это так ужасно. Хотя Денису нравится. Говорит, что вкусно. — Алекс снова смеется, берет свою бутылку воды и делает глоток. — Хочешь еще?

— Нет, спасибо, — я смеюсь и присаживаюсь на край его стола.

— А где девочки? — спрашивает он.

— Они на своей первой вечеринке с ночевкой у Лизы, дочери Кати.

— Весело. И все же — как ты держишься?

— Я в порядке. Они с нетерпением ждали, когда я уйду, чего я никак не ожидала. Конечно, я не хочу, чтобы они грустили, но это совсем другое дело. Они так быстро взрослеют.

— Ты хорошо справляешься с ними. Они очень хорошие.

— Спасибо.

Я протягиваю руку и играю с маленьким лимоном, висящим у меня на шее. Алекс подходит ближе, встречаясь со мной взглядом.

— У тебя пушок, — говорит он мне и протягивает руку, вытаскивая клочок рыжего пуха из моих волос.

— О, точно.

Он роняет пушок на землю и снова запускает руку мне в волосы. Мои глаза закрываются, и я приближаюсь к нему. Он тоже делает шаг навстречу, и его другая рука ложится мне на талию. У меня перехватывает дыхание, и я поднимаю руки и кладу их на его мускулистую грудь. Он снял пиджак и стоит передо мной в черных брюках и бирюзовой рубашке на пуговицах, с закатанными до локтей рукавами.

Он ласкает мое лицо и приподнимает мой подбородок. На этот раз нет никаких сомнений. Александр Фролов собирается поцеловать меня. И, Господи помилуй, он это делает.

Глава 31

Губы Алекса прижимаются к моим. Мягкие. Полные. Теплые. Я полсекунды сток ошеломленная, а затем таю в его объятиях. Провожу руками вверх по его груди и обнимаю за плечи. Он заключает меня в свои объятия, целуя еще крепче. Его язык скользит по моим губам, и он наклоняет меня назад, целуя.

Тепло разливается по телу. Что-то зарождается в моем сердце, заставляя его замирать. Затем оно взрывается, посылая сигналы желания по каждому нерву моего тела. Он кладет одну руку мне на затылок, зарываясь пальцами в мои волосы. Затем внезапно отстраняется, широко раскрыв глаза, и смотрит на меня. Он ищет что-то, в чем отчаянно нуждается, что-то, чего и сам пока еще не знает. Этот взгляд я узнаю, потому что мне он тоже знаком, за единственным исключением: я всегда знала, что мне нужно: кто-то.

Тот, кого я хочу. Кто-то, кому я буду необходима. Кто будет меня любить. Кто будет заставлять меня смеяться. Человек, который будет напоминать мне каждый божий день, что я прекрасна и очень ему нужна. Может ли этим человеком быть Алекс?

— Даша, — выдыхает он. — Если ты не хочешь...

— Да, — выдыхаю я, и как только слова слетают с моих губ, Алекс снова прижимается ко мне, обхватывая мое лицо своими большими ладонями. Он целует меня крепко и отчаянно, придвигаясь ближе. Его бедра прижимаются к моим, и ощущение его члена через брюки почти сводит меня с ума.

Мои колени слабеют, а жар между ног усиливается. Я не могу вспомнить ни единого раза в своей жизни, когда поцелуй так заводил бы меня. Собрав мои волосы в одну руку, Алекс перекидывает их мне через плечо и прижимается губами к шее. Я тихо стону, когда он, целуя мою шею, спускается губами к ключице.

Его руки обхватывают меня за талию, крепко сжимая, пока он посасывает мою кожу. Я прижимаюсь к нему, боясь, что колени полностью подогнутся, если отпущу его. Снова прижимаясь губами к моим губам, он скользит рукой вниз по моей талии к бедру, пальцы исчезают под подолом моего платья.

Я задыхаюсь, когда он проводит ими вверх по моему бедру, нежно задевая сердцевину. Я уже так возбуждена, уже влажная для него, и он это знает. Внезапно потеряв способность к многозадачности, я отрываю свои губы от его и втягиваю воздух, глядя на его грудь. Слишком много нужно сделать, и мое тело на пределе, а сердце бешено колотится.

Расстегнуть его рубашку?

Расстегнуть его ремень?

Я так взвинчена, что не могу выбрать. Мне нужно, чтобы он был рядом со мной, против меня. Во мне. Сейчас.

Я тянусь к его рубашке, думая, что мне следует начать с верха и постепенно спускаться вниз. Алекс убирает мои руки со своих широких плеч и поднимает меня. Платье задирается до талии, когда я обхватываю его ногами. Его член твердеет подо мной, и, черт возьми, он такой большой. Я уже знала, что он внушительных размеров, даже невозбужденный, с того момента, как увидела его спящим в постели рядом со мной.

Но теперь, когда член твердеет, я не совсем уверена, что он поместится во мне. Эта мысль возбуждает меня и в то же время бросает в дрожь. Он заполнит каждый миллиметр, и это будет так приятно.

Он делает шаг вперед, целуя меня на ходу. Желание сжигает меня изнутри, и я знаю, что Алекс тоже это чувствует. Он усаживает меня на свой стол, протягивая руку мне за спину, чтобы столкнуть бумаги, папки и даже свою пустую кружку из-под кофе на пол.

Положив обе руки по обе стороны стола рядом со мной, Алекс дарит мне еще один страстный поцелуй, прежде чем опуститься на колени. Мое дыхание учащается, а внутри все сжимается от предвкушения.

Алекс раздвигает мои ноги и берет одну в свои руки, целуя внутреннюю сторону моего колена. Табун мурашек безудержно пробегает по моему телу. Он прокладывает дорожку поцелуев вверх, останавливаясь на внутренней стороне моего бедра всего в нескольких миллиметрах от моей киски.

Я выгибаю спину, отрывая зад от стола, чтобы он мог снять с меня трусики. Он стягивает их и бросает на пол рядом со своим столом. Мое сердце бешено колотится, а тело умоляет, чтобы к нему прикоснулись.

Алекс прячет голову между моих бедер, обдавая меня горячим дыханием. Моя киска дрожит, заставляя еще сильнее желать его прикосновений. Но вместо того, чтобы провести языком по клитору, он быстро встает, проводя пальцами вверх по моему бедру.

Алекс прижимается губами к моим губам, просовывая руку прямо мне между ног, и проводит пальцами по сердцевине. Застонав, я обхватываю его одной рукой и запрокидываю голову назад. Алекс опускает голову к моей груди, продолжая тереть мой клитор.

Я уже могла бы кончить. Он медленно обводит мой вход, а затем погружает палец внутрь, прижимаясь к моим внутренним стенкам. Он добавляет еще один палец, и это жесткая борьба. Черт возьми, его член будет так приятен внутри меня. Прошло так много времени с тех пор, как ко мне прикасались, и я всю неделю отрицала то, что было прямо передо мной: я влюбилась в своего начальника.

Я влюблена в Александра Фролова.

Алекс убирает руку с моего бедра, и я задыхаюсь, не ожидая, что удовольствие прекратится. Он расстегивает молнию на моем платье и медленно спускает его с моих плеч. Губы приоткрыты, дыхание вырывается с хрипом.

— Алекс, — стону я.

— Да?

Он позволяет моему платью соскользнуть вниз по рукам, а затем кладет обе руки мне на колени, снова раздвигая мои ноги, прежде чем встать между ними.

— Ты мне нужен.

— Я знаю. — Он снова медленно скользит рукой вверх по моему бедру, дразня меня. Его пальцы останавливаются всего в сантиметре. Он так близко, и это сводит меня с ума. Я наклоняюсь и обхватываю пальцами его запястье, возвращая его руку к себе. Я покачиваю бедрами, потираясь об него.

— Терпение, — рычит он и отдергивает руку. — Ты можешь кончить, когда я скажу, что ты можешь кончить. — Черт возьми. Я с трудом сглатываю и смотрю на Алекса широко раскрытыми глазами.

— Теперь встань и сними свое платье.

Он делает шаг назад и смотрит на меня с голодом в глазах. Я никогда не была с кем-то настолько властным, с кем-то, кто точно знает, чего он хочет, и не боится требовать этого. Это самая горячая вещь, которую я когда-либо испытывала.

Мои пальцы дрожат, когда я отталкиваюсь от стола. Платье падает к моим ногам, оставляя меня перед Алексом в одном только бледно-розовом лифчике.

— Ты великолепна, — говорит он мне глубоким гортанным голосом. Его член, прижимающийся к стесняющей его ткани, тверд. Я вдыхаю, грудь поднимается и опускается, и приоткрываю губы, не понимая, должна ли я сказать ему, чтобы он разделся сейчас, или вернуться к мольбам о том, чтобы он прикоснулся ко мне.

Алекс бросает на меня еще один взгляд, а затем возвращается ко мне, кладя руки на мою задницу. Он сжимает ее, целуя меня, затем толкает обратно на стол. На этот раз он не дразнит меня. Не заставляет меня ждать.

Он опускается на колени, раздвигает мои ноги и прижимается ртом к киске. Его язык скользит по клитору, посылая по телу волну чистого удовольствия. Я приподнимаюсь на локтях, запрокинув голову и закрыв глаза. Алекс добавляет руку, целуя и посасывая внутреннюю поверхность моего бедра, а затем опускается обратно, обводя языком вход.

Я возбуждена. Так близка к тому, чтобы прижаться к его лицу. Алекс стонет, поглощая меня, читая по моему телу и зная, что я вот-вот готова кончить. Он скользит пальцем внутрь меня, надавливая на это сладкое местечко и подталкивая меня к краю. Мой рот приоткрывается, когда оргазм прокатывается по мне, ударяя сильно и быстро. Мои бедра дрожат, а моя киска сходит с ума от спазмов. Алекс не останавливается и продолжает лизать, продолжает целовать и сосать.

Еще одна волна удовольствия проходит через меня, и в ушах начинает звенеть. Мой рот широко раскрыт, но я слишком захвачена чистым удовольствием, чтобы издать хоть звук. Оргазм проходит через каждую клеточку моего тела, заставляя задыхаться.

Боже. Черт. Дерьмо.

Алекс встает, вытирает рот тыльной стороной ладони и притягивает меня к себе. Мои глаза то открываются, то закрываются, а сердце бешено колотится.

— Можешь стоять? — спрашивает он, касаясь губами моей шеи.

— Нет, — выдыхаю я. — Пока нет.

Я втягиваю воздух и поднимаю слабую руку, обхватывая ею плечи Алекса. Он целует меня, на этот раз нежно, и я чувствую вкус себя на его губах.

— Ты такая горячая, — стонет он и прижимается ко мне бедрами. Он все еще

полностью одет, и нам отчаянно нужно это изменить. Я прижимаюсь к нему головой, и мне требуется еще несколько секунд, чтобы оправиться от этого сильного оргазма. Затем я отталкиваю его назад ровно настолько, чтобы дотянуться до его пояса.

В его глазах появляется дьявольский блеск, когда он наблюдает, как я расстегиваю пряжку, позволяю ремню упасть на землю рядом с моими трусиками и прикусываю губу, расстегивая пуговицу на его брюках. Сила его чудовищного члена заставляет молнию расстегнуться. С трудом сглотнув, я опускаю глаза и вижу блестящий кончик, торчащий поверх его боксеров.

Алекс начинает расстегивать свою рубашку, и все, что я могу делать, — это сидеть и смотреть, как он медленно раздевается, открывая мне это великолепное, невероятно подтянутое тело. Я беру инициативу в свои руки, когда он добирается до последних нескольких пуговиц; мне нужно, чтобы он разделся и оказался сверху меня.

Рубашка падает на землю, и я хватаю край его майки и стягиваю ее через голову. Он просовывает пальцы под брюки и стягивает их вниз, и теперь он стоит передо мной в одних боксерах. Однако, в отличие от меня, Алекс не застенчив. Он хорошо выглядит, и он это знает, и, что более важно, он это чувствует.

Быстрым движением он подхватывает меня на руки и относит к дивану у стеклянной стены своего кабинета. Мы открыты с обеих сторон, и нас могут увидеть. Мне должно быть не все равно, но на самом деле сейчас мне наплевать на это.

Алекс укладывает меня и ложится сверху. Я приветствую его у себя между ног и протягиваю руку вниз, просовывая пальцы ему под боксеры. Я стягиваю их, и он сбрасывает боксеры. Алекс кладет одну руку мне на щеку, секунду глядя мне в глаза, прежде чем поцеловать меня.

Я приподнимаю бедра, сердце бешено колотится. Влажный кончик его члена трется об меня. Я втягиваю воздух и приподнимаю бедра, нуждаясь в ощущении, как этот большой член двигается во мне.

Он крепко целует меня, скользя языком по моим губам. Затем он поцелуями перемещается к моей шее и входит. О. Мой. Бог. Он заполняет каждый миллиметр меня, и это чертовски приятно. Я вскрикиваю, когда он проникает глубже, вгоняя свой большой член на всю длину и выходя из меня.

Обхватив его одной ногой, я провожу пальцами по его спине. Он ускоряет свои движения, и я впиваюсь пальцами в его бицепс. Уже близка к тому, чтобы снова кончить. Я крепче обхватываю Алекса ногой, приоткрыв рот.

Второй оргазм поражает меня так же сильно, и ощущение того, как моя киска сжимается вокруг его члена, переполняет Алекса через край. Он загоняет свой член глубоко по самые яйца, издавая стон, когда кончает, и наполняя меня еще больше.

Тяжело дыша, он прижимается своим лбом к моему.

У меня звенит в ушах. Звезды искрят в глазах, и я едва могу отдышаться. Алекс целует меня еще раз, а затем отстраняется, наклоняясь, чтобы поднять с пола свои боксеры. Затем он притягивает меня обратно к себе, меняя положение, в котором мы лежали, так, чтобы он мог обхватить меня своим телом. На диване тесно, но чувствовать его теплое, сильное тело безумно приятно.

Глава 32

— Пойдем ко мне домой, — говорю я, сердце подскакивает к горлу. Я не хочу, чтобы это заканчивалось. Даша — это все, чего я когда-либо хотел, и внезапно меня одолевает

страх, что она уйдет.

Она не заводит романов на одну ночь. Она хочет отношений, и совместный сон должен что-то значить для нее.

— Мне бы этого хотелось. — Она придвигается ближе. — Может, нам встать и одеться, пока нас кто-нибудь не увидел?

— Возможно, — говорю я ей. — Я даже не знаю, который час, но охрана действительно периодически поднимается и проводит проверку в офисе.

— О. Тогда нам точно нужно встать и одеться, — говорит она, но никто из нас не двигается с места. Я целую ее в затылок.

— Да, — соглашаюсь я. — Через минуту.

— М-м-м. — Дарья кладет свою руку поверх моей и делает глубокий вдох. Затем она переворачивается и чуть не падает с дивана. Она дрожит, и я обхватываю ее рукой, пытаюсь согреть. Целую ее в лоб, я говорю себе, что собираюсь встать. Если кто-нибудь зайдет к нам, это поставит нас в неловкое положение.

Мы оба садимся и быстро натягиваем одежду. Дарья хватает бумаги, которые я швырнул на пол, и кладет их обратно на стол. Когда она встает, я притягиваю ее к себе, снова целую.

Мне нравится целовать ее. Мне нравится трахать ее. И я действительно забочусь о ней. Я хочу, чтобы она это знала, но я не силен в такого рода вещах.

— Ты голодная? — спрашиваю, когда мы выходим из офиса. Я запираю за собой дверь, и Даша подходит к своему столу, чтобы взять кошелек, который она оставила.

— Еще какая. А ты?

— Да. Хочешь, возьмем бургеры и пиво?

Ее полные губы растягиваются в улыбке, и она кивает. Я беру ее за руку и веду к лифту. Ее волосы растрепались от наших занятий любовью. Я все еще чувствую ее вкус на своих губах и снова хочу уложить ее и трахнуть, как только мы доберемся до моего пентхауса.

Я держу Дарью за руку, когда мы выходим из офиса на оживленный проспект в центре города.

— На соседней улице есть неплохое местечко, там очень вкусно, — говорит мне Даша. — Я не знаю, открыто ли оно еще. Уже поздно, но сегодня пятница, и на улице так хорошо!

— Это как раз по дороге ко мне домой.

Я сжимаю ее руку и обнимаю за плечи. Она прижимается ко мне, и все идеально.

— Оно все еще открыто! — восклицает она, когда мы заворачиваем за угол. Мы берем по бургеру, но пива нет. Едим на ходу, наслаждаясь обществом друг друга. Приятно не чувствовать необходимости заполнять каждую секунду бессмысленными разговорами. Мне комфортно просто находиться рядом с ней.

Я никогда не думал, что это возможно.

И все же это происходит, и я не хочу, чтобы это когда-нибудь заканчивалось. Дарья делает гораздо больше, чем просто заполняет пустоту внутри меня. Она заставляет поверить, что любовь — это, в конце концов, не чушь собачья.

— Ого. — Дарья снимает туфли и оглядывает пентхаус. — Тут великолепно.

Обычно я бы сказал спасибо и продолжил ненавязчиво хвастаться тем, насколько все здесь новое или дорогое. Так я делал, чтобы самоутвердиться, оставаться интересным и желанным для тех, с кем я был.

Но не с Дарьей.

— Это немного слишком, знаю.

— Эй, если бы я могла позволить себе такое место, я бы сняла его.

Она оборачивается на ходу, с благоговением оглядываясь по сторонам. Это место впечатляет, признаю. Двухэтажный холл с изогнутой лестницей, ведущей на второй этаж, с которого можно попасть во внутренний дворик на крыше с беседкой.

— Где здесь ванная? — спрашивает Дарья.

Я показываю ей, где находится уборная, а затем иду на кухню. Беру два бокала и бутылку самого сладкого вина, которое у меня есть. К тому времени, как входит Дарья, я уже наливаю вино.

— Ты такая красивая, — говорю я ей, и мое сердце замирает в тот момент, когда я смотрю на нее. Беру бокал с вином и протягиваю его ей.

— Хочешь посидеть на балконе? — спрашиваю я, указывая на балкон рядом с кухней. Дарья делает глоток вина и кивает. Я беру плед со спинки дивана и накидываю его на плечи Дарьи. Прислонившись к перилам, мы смотрим на город под нами.

Дарья делает еще глоток вина и ставит бокал на стеклянный столик. Она подходит и обнимает меня за талию. Я поворачиваюсь, заключаю ее в объятия и целую.

Отвлекаюсь, чтобы поставить свой бокал на стол рядом с бокалом Дарьи. Затем мы возвращаемся к поцелуям, и следующее, что я помню, — Дарья снова расстегивает мои брюки.

Мне чертовски повезло.

Я беру ее на руки и вхожу внутрь квартиры. Обходя острые углы, мы добираемся до спальни. Наша одежда срывается в безумной спешке, и Дарья притягивает меня к себе. Я целую ее и прижимаю свой член к ее сладкому влагилицу, готовый протолкнуться внутрь и снова трахнуть ее до самозабвения. Но затем Дарья кладет руки мне на грудь, отталкивает меня и швыряет на матрас.

Я уже тверд как скала, член жаждет оказаться внутри нее. Она забирается сверху, обхватывая пальцами мой член. Она прижимает его к своей киске, готовая опуститься на него. Она выглядит так сексуально, что я боюсь, что сойду с ума в ту же секунду, как войду в нее.

Дарья медленно опускается и подается вперед, кладя руки мне на грудь. Я приподнимаю бедра и протягиваю руку вниз, потирая ее клитор, пока она трахает меня. Мы оба кончаем жестко и быстро, и после того, как Дарья воспользовалась ванной, она снова забирается ко мне в постель. Натягивая на нас одеяла, я заключаю ее в свои объятия и намереваюсь никогда не отпускать.

— Даша, — шепчу я по прошествии нескольких минут. Она не отвечает. Я вижу, что она спит. Целую ее в лоб и ложусь, засыпая с улыбкой на лице.

— Алекс. — Ладонь Дарьи опускается на мою руку. — Алекс. Кто-то стучится.

Я моргаю, открывая глаза, и вижу, что она сидит, прикрывая грудь простыней. Ее волосы растрепаны, а макияж, с которым она уснула, размазан вокруг глаз. Это сексуально — знать, что причина, по которой она сейчас так выглядит, в том, что мы уснули после занятий любовью.

— Кто, черт возьми? — бормочу, хватая свой телефон. Я включаю камеру слежения. — Это моя сестра. Не волнуйся. Я избавлюсь от нее.

Зевая, откидываю одеяло, встаю с кровати и натягиваю спортивные штаны. Дарья идет в ванную.

— Доброе утро! — радостно говорит Ника, когда я открываю дверь.

— Какого черта, Вероника? Еще рано.

— Сейчас восемь тридцать.

— Да, и это рано.

Я отступаю в сторону и впускаю ее.

— Я должна была быть на операции, но мой пациент по дороге зашел в кафе. Это уже второй раз, когда нам пришлось перенести операцию, потому что он очень плотно поел перед началом. Я отменила операцию и готова отказать ему в операции вообще.

— И поэтому ты пришла сюда?

Я смеюсь.

— Я сказала, что приглашу тебя поужинать, но поскольку мы, похоже, не сможем найти подходящего времени, я подумала, что мы могли бы пойти куда-нибудь позавтракать. О, извини. Я не знала, что у тебя кто-то есть.

Я поворачиваюсь и вижу Дашу. На ней ее платье, а поверх него одна из моих белых рубашек на пуговицах. Боже мой, она великолепна.

— Извини, — снова говорит Ника. — Я пойду.

— Нет, все в порядке, — говорит ей Даша. — Я не могу удержаться, чтобы не подойти к ней и не обнять ее. — Мне нужно забрать своих детей с вечеринки с ночевкой.

— О, точно. — Я прижался губами к ее губам, не желая, чтобы она уходила.

— Тогда увидимся на работе.

Дарья бросает на меня взгляд исподлобья и снова целует. Она хватается за сумочку и направляется к выходу, слегка помахав Нике на прощание.

— Она выглядит знакомой. — Ника смотрит, как Дарья выходит. — О, ее дети, учатся в «Эрудите». Близняшки, верно? Я видела ее.

— Да.

— Почему ты сказал ей, что увидишь ее на работе?

— Она работает моей помощницей.

Глаза Ники расширяются.

— Ты спишь со своей ассистенткой?

Я провожу рукой по затылку, и передо мной всплывают воспоминания о прошлой ночи.

— Да.

— Что это за дурацкая улыбка у тебя на лице?

Я на самом деле широко улыбаюсь.

— Думаю, мне просто нравится эта женщина!

— И ты отослал ее со словами «Увидимся на работе»? Серьезно?

— А что в этом плохого?

Ника хлопает меня по затылку.

— Ой!

— Хорошо! — говорит она и снова хлопает меня по макушке. — Позволь внести ясность. Тебе действительно нравится эта женщина?

— Да, она мне очень нравится. Она... Она невероятная. Она умная. Забавная. Невероятно добрая и заботливая.

— И она работает на тебя?

— Да. Я также заплатил ей пятьсот тысяч за то, чтобы она притворилась моей девушкой в прошлые выходные, чтобы я мог уговорить клиента снова подписать контракт с нами. Это

сработало!

— Ты нанял ее на роль твоей фальшивой девушки?

— В некотором смысле.

— И она тебе нравится? — снова спрашивает она.

— Да, она мне нравится. — Приятно произнести это вслух. — Я действительно хочу быть с ней.

Ника смотрит на меня так, словно я самый большой идиот в мире.

— Как ты можешь быть таким чертовски тупым и в то же время таким успешным?

— Что?

Ника щиплет себя за переносицу.

— Признаю, что не знакома с ней и не знаю, что она за человек, но я видела: ты отослал ее, похлопав по заднице и дав пустое обещание увидеться на работе, что означает, что тебе на нее начхать.

— Но мне НЕ начхать на нее!

— Еще раз. Как ты можешь быть таким тупым

Слова Ники начинают доходить до меня. Черт возьми, она права. А Дарья не хочет секса на одну ночь. Она несколько раз говорила мне, что это не то, чего она хочет. Я не хочу, чтобы она думала, что это все, чем она была для меня.

— Я хочу, чтобы ты был счастлив, — мягко говорит Ника.

— Я счастлив.

Она кладет руку мне на лоб.

— Ты мой брат, и я люблю тебя. Ты не тупой, так что не веди себя так.

— Мне нравится Даша. Мне нравится секс. Мне действительно нравится заниматься сексом с ней.

— Но разве ты не хочешь большего?

— Больше ничего нет.

Как только я произношу эти слова, понимаю, что бесполезно пытаться внушить себе ту же старую ложь. Алкоголь. Вечеринки. Каждую ночь — разные женщины. Это была маска, способ скрыть свое истинное «я» за тем человеком, которым, как я думал, я должен был стать, чтобы обрести счастье. Гораздо легче быть фальшивой версией того, кем, как я думал, я должен был быть, чем быть самим собой и быть одиноким. Отказ не причиняет боли, когда люди не отвергают тебя настоящего.

Но отдать кому-то свое сердце и получить его обратно окровавленным и в ранах... Я ни за что не смог бы вложить его обратно в свою грудь.

С Дашей все по-другому. Я не отдавал ей свое сердце. Она протянула руку и взяла его, и я не хочу, чтобы она когда-нибудь отпускала его.

Я хочу большего, и я хочу этого с Дарьей. Я влюбился в Дарью Соколову... И теперь я надеюсь, что еще не слишком поздно сказать ей об этом.

— Она нечто большее, — говорю я, нахмутив брови. — Мне нужно сказать это ей.

— Сначала прими душ, — говорит мне Ника, похлопывая меня по руке. — От тебя воняет, как от клиента борделя.

— О, точно. Ладно.

И она не собирается сразу идти домой. Сначала она заберет своих детей и только потом отправится домой. У меня есть немного времени.

— Ты справишься, Алекс. Возьми себя в руки, а потом иди за своей девушкой. Ника

улыбается мне.

— Я навещу тебя в другой раз

— Спасибо, — отвечаю я ей.

— Позвони мне позже и расскажи, как идут дела, — просит она, направляясь к двери.

— Отлично. Позже. Как будто у меня есть выбор.

Ника смеется и уходит. Я запираю дверь и прыгаю в душ, думая о том, что именно собираюсь сказать Дарье, когда доберусь до ее дома. Ты — это все, чего я хочу? Нет, звучит неубедительно. Ты дополняешь меня? Еще более тупо. Может, просто поцеловать ее? Показать ей, что она значит для меня? Начну с этого. Одна лишь мысль о губах Даши, прижатых к моим, заводит меня.

— Ты получишь немного позже, — говорю я, глядя на свой член, и вдруг понимаю, что мне нужно делать: я собираюсь попросить ее стать моей девушкой. Она хочет серьезных отношений, и это хорошее время для начала. Я приглашу ее и девочек позавтракать, а потом, надеюсь, мы сможем провести день все вместе.

Я вытираюсь, одеваюсь и репетирую еще одну дурацкую речь, прежде чем полностью отказаться от идеи что-либо говорить. Наконец-то я готов пойти и сделать Дарью своей.

За исключением того, что застреваю в пробке на выезде из центра города, и поездка до Даши занимает в два раза больше времени. Служебный Лексус стоит на стоянке, а это значит, что она дома. Я паркую свой BMW и выхожу, бегом направляясь в квартиру. Взлетаю по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки за раз, и стучу в дверь.

Проходит несколько секунд, и она открывает.

— Алекс... Что ты здесь делаешь?

— Я пришел повидаться с тобой. Я должен тебе кое-что сказать, Даш.

— Это может, эмм, подождать?

Она подносит руку ко лбу и закрывает глаза. Кожа вокруг ее глаз покраснела, как будто она плакала. Я внезапно чувствую, что готов на все ради ее защиты, если кто-то причинит ей боль. Преследователь вернулся? Неужели он напугал ее?

За ее спиной скрипит пол, и я заглядываю внутрь крошечной квартирki. Перед диваном стоит мужчина, держа в руках розовый лист бумаги.

— Сейчас неподходящее время? — спрашивает он, переводя взгляд с меня на Дашу. — Может, мне позже зайти?

— Нет, — говорит Дарья, и когда она открывает глаза, я вижу навернувшиеся слезы. Кто, черт возьми, этот парень и что, черт возьми, он тут забыл?

— Алекс, — начинает Дарья, и то, как она произносит мое имя, успокаивает мою душу. Я хочу подхватить ее на руки, прижать эти идеальные сиськи к своей груди и прижаться губами к ее губам, целуя ее так, как ее никогда раньше не целовали.

— Что случилось? Ты в порядке?

Я подхожу ближе.

— Я... Я... Со мной все в порядке, — говорит Дарья, поворачивается и машет рукой мужчине в своей гостиной. — Это... Это Михаил. — Она вдыхает и прерывисто выдыхает. — Он — отец девочек.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net